

91(57)

Г-283 83

ВЪ СЕРДЦѢ АЗІИ.

ПАМИРЪ.—ТИБЕТЪ.—ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАНЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

СВЕНА ГЕДИНА

ВЪ 1893—1897 ГОДАХЪ.

Переводъ со шведскаго А. и П. Ганзенъ.

Съ разрѣшеніа автора.

ТОМЪ I.

Съ 116-ю рисунками и 2-ми картами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание А. Ф. Девріена.

1899.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ

ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

СЪ ГЛУБОЧАЙШИМЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ

ВСЕПОЧТИТЕЛЬНѢЙШЕ

ПОСВЯЩАЕТЪ

автору.

1909

И-Бур2

Бурб.

Имб. № 238

ВЪ СЕРДЦѢ АЗІИ.

АМИРЪ.—ТИБЕТЪ.—ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАНЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ
СВЕНА ГЕДИНА

въ 1893—1897 годахъ.

Переводъ со шведскаго А. и П. Ганзенъ.

Съ разрѣшеніемъ автора.

Томъ I.

Со 116-ю рисунками и 2-ми картами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. Девриена.

1899.

2-28

91 (Г) 4-6(52)

Г 283

П

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3-го Марта 1899 года.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

3986

7

Копия

Марии - Лоб-Ноз

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прежде всего я счастливъ, что мнѣ представляется случай принести здѣсь мою всеночтительнѣйшую, глубокую благодарность Его Величеству Государю Императору за милостивое вниманіе, оказанное Его Величествомъ моему путешествію и его результатамъ. Никакое отяччѣе изъ выпавшихъ мнѣ на долю по возвращеніи изъ путешествія не могло быть для меня дорожкой, равно какъ и ничто не могло сильнѣе поощрить меня къ дальнѣйшему слѣдованію по тому пути, на который я вступилъ. Не менѣе глубока моя благодарность за всемилостивѣйшее соизволеніе Его Величества на посвященіе этого труда Имени Его Величества.

Трудъ, предлагаемый мною русской публикѣ, не имѣетъ никакихъ претензій, какъ дать общій популярный обзоръ путешествія, предпринятаго мною по Аліи въ 1893—97 г. Сообщеніе чисто научныхъ результатовъ не могло найти мѣста въ этой книгѣ, такъ какъ она и безъ того приняла слишкомъ большой объемъ, да къ тому-же мнѣ показалось болѣе удобнымъ отдѣлать популярную часть отъ чисто научной, которая въ свою очередь появится въ скоромъ времени въ „Petermann's Mitteilungen“ въ Готѣ; тамъ-же будетъ разработана весь топографическій матеріалъ. Метеорологическія, гнѣсо-метеорологическія, астрономическія, археологическія, ботаническія и геологическія изслѣдованія и коллекціи уже переданы для разработки специалистамъ.

Считаю приятнымъ долгомъ высказать здѣсь глубокую

благодарность русскимъ административнымъ дѣтелямъ и частнымъ лицамъ за то содѣйствіе мнѣ и словомъ и дѣломъ, которое сильно облегчило мнѣ мое предпріятіе; безъ этого энергичнаго, любезнаго и безкорыстнаго содѣйствія, нѣкоторыя задачи моего путешествія оказались бы совершенно недостижимыми, а достиженіе другихъ было-бы сопряжено съ большими затрудненіями и опасностями.

Оглядываясь назадъ на совершенное мною путешествіе, я вижу цѣлый рядъ русскихъ военныхъ, ученыхъ и частныхъ лицъ, передъ которыми нахожусь въ неоплатномъ долгу благодарности. Министерства Иностранныхъ дѣлъ и Военное оказали мнѣ съ самаго-же начала столько сердечной и реальной помощи, что не хватитъ и мѣста говорить объ этомъ подробно. Особенной благодарностью обязанъ я гг. министрамъ гр. М. Н. Мурашѣву, П. С. Вышновскому, статсъ-секретарю Н. П. Шипкину и генералу Н. Н. Обручеву. Между прочимъ, мнѣ предоставили возможность нанять себѣ на службу русскихъ казаковъ, безопашинно ввести свой багажъ въ Россію, и вообще я могу безъ преувеличенія сказать, что ни одному русскому путешественнику не могло быть оказано большаго содѣйствія со стороны административныхъ властей, нежели мнѣ. Повсюду меня встрѣчали, точно я былъ русскимъ подданнымъ, и само собою разумется, что это вездѣ и всюду въ русскихъ владѣніяхъ придавало мнѣ неопашимое чувство увѣренности и спокойствія.

Въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ, членомъ котораго я уже имѣлъ честь состоять, я также нашелъ покровителей и друзей. Совѣты и свидѣнія, которыми снабдили меня, къ моему счастью, г. П. П. Семеновъ и баронъ Ф. Р. фонъ деръ Остенъ-Сакенъ, привели мнѣ существенную пользу уже въ самомъ началѣ путешествія, и каждому понятно, какое значеніе должна была имѣть для меня, тогда еще неопытнаго юности, возможность пользоваться кузнецкихъ дорогомъ цѣною опытомъ этихъ ветерановъ географической науки. Точно также долгу мой выказать особенную благодарность членамъ Географическаго Общества, генераламъ А. А. Тилло, О. Э. фонъ Штубендорфу и А. А. Большеву, секретарю

Общества А. В. Григорьеву, профессору И. В. Мушкетову, академикамъ Ф. Н. Чернышеву, В. В. Радлову и Ф. А. Баклунду, Э. Л. Нобелю, который оказалъ мнѣ самую матеріальную поддержку моему предпріятію, и многимъ, многимъ другимъ.

Еще до начала моей экспедиціи я имѣлъ удовольствіе лично познакомиться съ членами экспедиціи М. В. Пшавой. Я глубоко преклоняюсь передъ точными и серьезными наблюденіями генерала Пшавова и передъ безкорыстіемъ и дружескою любовью, съ которыми онъ подѣлился со мной результатами своихъ многолѣтнихъ наблюденій. Я считаю его идеаломъ истиннаго, добросовѣтнаго путешественника-пionера и поздравляю В. И. Роборовскаго, П. К. Козлова и К. И. Богдановича, прошедшихъ подъ руководствомъ такого ученаго преемодную серьезную школу. Я обязанъ большой благодарностью и этимъ тремъ поименованнымъ лицамъ, которая обратили мое вниманіе на многія задачи, а сами лично послужили для меня образцами истинной энергіи и терпѣнія, необходимыхъ путешественнику. Я считаю г. Козлова однимъ изъ наиболее выдающихся современныхъ ученыхъ путешественниковъ; географія можетъ ожидать отъ него еще многихъ услугъ. Полковникъ Б. Л. Громбчевскій, съ которымъ я познакомился въ Ташкентѣ, оказалъ мнѣ такое-же предупредительное вниманіе, какъ и другіе его земляки. Если я во вступленіи къ своему труду не упомянулъ о безсмертныхъ заслугахъ Г. Н. Потанина, братьевъ Г. Е. и М. Е. Грумъ-Гржибайло и др., то потому лишь, что я говорю тамъ только о тѣхъ путешественникахъ, изслѣдованія которыхъ непосредственно касались области предстоявшихъ мнѣ изысканій.

Считаю также истинною потребностью съ уваженіемъ и благодарностью вспомнить человека, къ сожалѣнію, уже отошедшаго въ вѣчность, Николая Михайловича Пржевальскаго, самаго выдающагося путешественника-пionера по Азіи со времени Марка Поло. Чтеніе описаній его путешествій впервые загло во мнѣ страсть къ изученію Азіи и, какъ высоко я ставлю этого замѣчательнаго человека, лучше всего видно

изъ его биографіи, составленной мною и предпосланной моему шведскому переводу описаній четырехъ его грандіозныхъ путешествій.

Перебирая въ памяти отдѣльныя событія и пункты своего путешествія я не могу припомнить ни одного города, ни одного мѣстечка въ предѣлахъ Европейской и Азіатской Россіи, гдѣ меня не встрѣтили бы какъ друга, не оказали-бы мнѣ всевозможнаго содѣйствія для облегченія моихъ трудовъ и достиженія моихъ цѣлей.

Я своевременно упоминалъ обо всѣхъ этихъ случаяхъ въ своей книгѣ, но считаю весьма должнымъ еще разъ съ особенной благодарностью вспомнить здѣсь нѣкоторыхъ лицъ. Родной отецъ не могъ бы оказать сыну больше ласки и теплаго участія, нежели оказалъ мнѣ Туркестанскій генерал-губернаторъ, баронъ А. Б. Вревскій. Во время моего пребыванія въ Ташкентѣ я былъ почти ежедневнымъ посѣтителемъ его гостепріимнаго дома, и, если мои путешествія по Памиру такъ удались, то причиною прежде всего то, что баронъ сглазилъ передо мной пути всѣми имѣвшимися въ его распоряженіи средствами. Часы, которые я имѣлъ счастье провести въ просвѣщенномъ обществѣ барона Вревскаго, принадлежатъ къ лучшимъ воспоминаніямъ изъ моего путешествія. Губернаторъ Ферганы, генераль А. Н. Покля-Шнильковскій, также осматривалъ меня безчисленными доказательствами симпатіи, гостепріимства и дѣятельнаго содѣйствія. Словомъ, оставили съ болью въ сердцѣ одного вновь обрѣтеннаго друга и благодѣтеля, а на слѣдующей станціи встрѣчалъ новыхъ друзей и покровителей. Я шелъ черезъ всю русскую Азію, словно по пути, усыпанному розами, если только такое выраженіе уместно такъ, гдѣ рѣчь идетъ о зимнемъ путешествіи по Памиру. Такъ я провелъ между прочимъ нѣсколько незабвенныхъ недѣль у капитана Н. В. Зайцева и его офицеровъ на Памирскомъ посту.

Неизгладимое впечатлѣніе произвелъ на меня также бывший для меня вторымъ отцомъ и оказавшій благодѣтельное вліяніе на весь ходъ моего путешествія, генеральный

русскій консулъ въ Кашгарѣ, Николай Федоровичъ Петровскій. У меня словъ не хватаетъ выразить ему свою глубокую благодарность. Подобно тому, какъ другіе его земляки старались облегчить мнѣ путешествіе по русскому Туркестану, консулъ Петровскій употребилъ все свое влияние на китайскихъ и магометанскихъ обитателей Восточнаго Туркестана, чтобы по возможности облегчить мнѣ путешествіе въ самую сердцѣ Аліи. Безъ его энергичнаго содѣйствія многи мои экскурсіи оказались-бы прямо невыполнимыми. Вообще я могу только поздравить Россію, что она на такомъ посту имѣетъ столь гуманнаго, ученнаго и прозорливаго представителя, который ко всему своимъ остальнымъ превосходнымъ качествамъ присоединяетъ способности тонкаго, искуснаго дипломата и чувство горячаго патріотизма. Благодаря консулу Петровскому, я обогатился такими научными и общими свѣдѣніями, какія едва-ли приобрѣлъ-бы изъ другихъ источниковъ.

Когда-же, я, наконецъ, прибылъ въ Пекинъ, меня встрѣтилъ наилучшій пріемъ со стороны русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, А. И. Павлова. Я радъ, что имѣю здѣсь случай высказать ему и всѣмъ членамъ русской миссіи въ Пекинѣ мою искреннюю, горячую благодарность. Въ данномъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, считаю себя глубоко обязаннымъ директору азіатскаго департамента, графу Д. А. Кашинѣ, снабдившему меня сердечными и любезными рекомендаціями.

Съ живѣйшею благодарностію вспоминаю генераловъ А. А. Ломачевскаго въ Оренбургѣ и А. Д. Горемыкина въ Иркутскѣ, а также живущаго въ послѣднемъ городѣ выдающагося ученаго геолога В. А. Обручева.

Считаю долгомъ высказать при этомъ свою благодарность и моему другу П. К. Козлову за новый свѣтъ, который онъ проливаетъ на интереснѣйшій и важный вопросъ о Лобь-норѣ своей брошюрой, издавшею въ 1898 г. подъ заглавіемъ: „Лобь-Норъ. По поводу сообщенія г. Свена Гедина въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ 15 октября 1897 г.“. Мои взгляды на отношеніе шибинскаго Лобь-нора къ древнему

историческому, однако, не пошатнулись, но въ одномъ отношеши я готовъ признать генерала Штубендорфа правымъ, а именно въ вопросѣ о тождествѣ означеннаго на китайскихъ картахъ озера „Khas-омо“ съ нынѣшнимъ озеромъ Гасъ въ Цайдамѣ. Первоначальный мой взглядъ относительно тождественности „Khas-омо“ съ Кара-Кошуномъ я высказалъ и старался доказать въ статьѣ въ „Petermann's Mitteilungen“; этотъ взглядъ былъ, какъ извѣстно, впервые высказанъ барономъ фонъ Рихтгофенъ. Покончивъ съ болѣе тщательнымъ изученіемъ этого вопроса, которымъ я какъ разъ теперь занятъ, я возвращусь къ нему въ томъ-же журналѣ и сочту истиннымъ удовольствіемъ согласиться съ генераломъ Штубендорфомъ и г. Козловымъ относительно тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ я ошибался. Но вопросъ о „Khas-омо“ не есть главный пунктъ. Я хотѣлъ доказать, главнымъ образомъ, то, что китайцы подъ своимъ „солоннымъ озеромъ“ и „моремъ“ (см. напр. Abel-Rémusat: „Histoire de la ville de Khotan“, p. 115) подразумевали нечто совершенно иное, нежели нынѣшній Лобъ-норъ. Я убѣжденъ, однако, въ томъ, что никто не объяснитъ запытаго мною въ данномъ вопросѣ о Лобъ-норѣ положенія, желаніемъ уладить цѣнность и значеніе замѣчательнаго открытія Пржевальскаго. Пржевальскій стоитъ для этого слишкомъ высоко вообще и въ моихъ глазахъ въ частности. Но я считаю, что полемика о Лобъ-норѣ, которая возникла уже много лѣтъ тому назадъ и продолжается до сихъ поръ, очень полезна, такъ какъ содѣйствуетъ освѣщенію вопроса съ разныхъ сторонъ. И, если бы даже кнѣ въ концѣ концовъ пришлось сдаться, то я не счелъ-бы этого для себя позоромъ, такъ какъ главное дѣло всегда въ томъ, чтобы восторжествовала истина, и въ рѣшеніи научныхъ вопросовъ не до національнаго тщеславія. И никто такъ ярко не отгѣнилъ эту точку зрѣнія, которой я держусь, какъ самъ Пржевальскій, говоря въ описаніи своего четвертаго путешествія, стр. 290: „Помимо ежегодной своей прибыли и убыли, Тарамъ періодически то богатѣеть, то бѣднѣеть водою и въ общемъ, судя по размѣрамъ нынѣшняго Лобъ-нора, приноситъ теперь союза

гораздо меньше воды, чѣмъ въ прежнія времена, хотя, вѣроятно, не особенно отдаленныхъ. Впрочемъ, не нужно вовсе прибѣгать къ китайскимъ картамъ, чтобы придти къ тому заключенію, что озеро дѣйствительно измѣнило положеніе. Традиціи туземцевъ и множество старыхъ рѣчныхъ руселъ, найденныхъ экспедиціей Пѣвцова, достаточно доказываютъ это.

Вполнѣ сознавая большіе недостатки моего труда, содержащаго много такого, что русскимъ читателямъ извѣстно гораздо лучше, чѣмъ мнѣ, и убѣжденный въ томъ, что сытая мною жатва дала-бы въ болѣе сильныхъ и умѣлыхъ рукахъ болѣе зрѣлыя зерна, я все-таки чувствую себя спокойнымъ при мысли, что сдѣлалъ все, что было въ моихъ слабыхъ силахъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о вѣншей сторонѣ изданія. Для обѣихъ большихъ картъ послужили основною карта Памира, составленная лордомъ Кэрзономъ, и превосходная карта бассейна Тарима и Сѣвернаго Тибета, составленная Пѣвцовымъ; и нанесъ на эти карты мой маршрутъ и открытія мною хѣта. Обѣ карты служатъ только для обзора путешествія и не претендуютъ на особую точность, — собранный мною лично картографическій матеріалъ, какъ сказано, еще не разработанъ въ деталяхъ.

Для оживленія наиболѣе интересныхъ и характерныхъ моментовъ путешествія, трудъ мой, благодаря щедрости шведскаго издателя, снабженъ немалымъ числомъ иллюстрацій, исполненныхъ съ рисункомъ шведскихъ художниковъ. На рисунки эти, однако, нельзя смотрѣть, какъ на плоды фантазіи. Для каждаго изъ нихъ и достигнута достаточная матеріалъ въ видѣ набросковъ, фотографическихъ снимковъ, или подробныхъ описаній. Большинство же иллюстрацій исполнены по моимъ собственнымъ фотографическимъ снимкамъ и наброскамъ, которые, разумѣется, отнюдь не претендуютъ на художественность исполненія.

Наконецъ, считаю весьма пріятнымъ долгомъ выразить мою искреннюю благодарность: моему русскому издателю, г. А. Ф. Девриену, не пощадившему ни средствъ, ни трудовъ,

чтобы описаніе моего путешествія появилось передъ русскою публикой въ возможно красивомъ видѣ, г. П. Г. Гинзеву съ супругой за превосходный и добросовѣстный переводъ, представившій нелегкую задачу, другу моему, акадезику Ѳ. Н. Чернышеву, за любезное содѣйствіе по провѣркѣ и исправленію техническихъ терминовъ и выраженій, и приватъ-доценту В. В. Бартольдъ за содѣйствіе относительно русской транскрипціи арабскихъ и киргизскихъ названій.

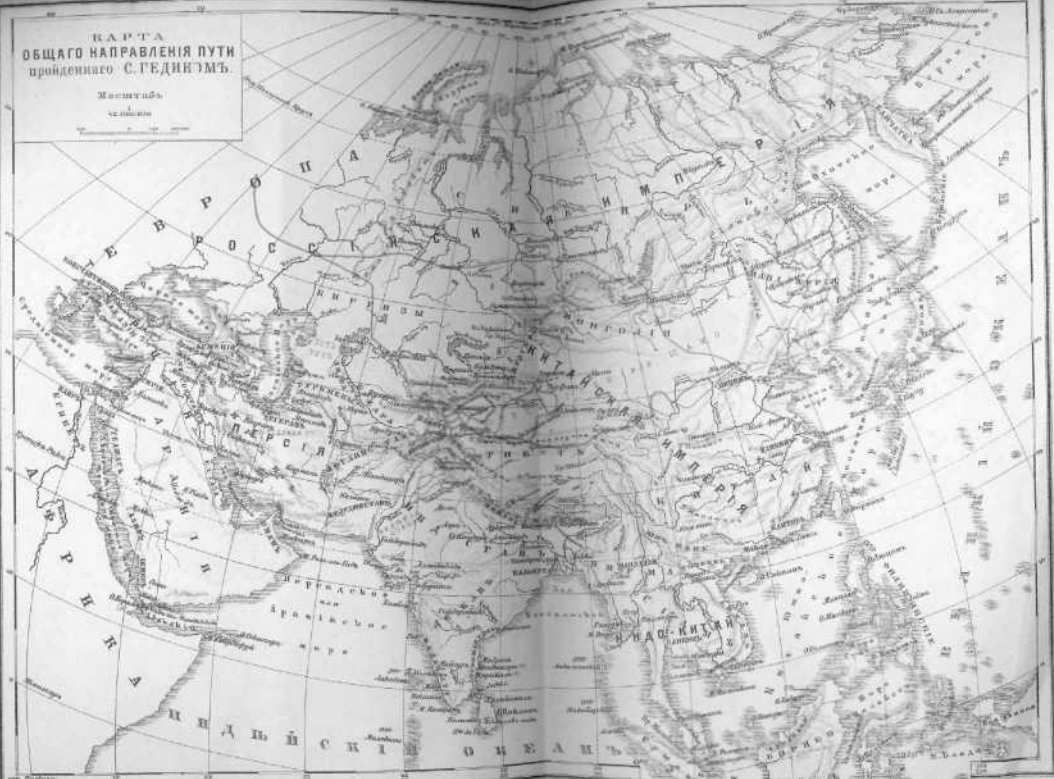
Еще разъ сердечная благодарность всѣмъ тѣмъ, кто отнесся ко мнѣ съ симпатіей, оказали мнѣ гостепріимство и пожертвовали своимъ временемъ и трудомъ ради облегченія моего предпріятія. Безъ ихъ помощи я никогда не былъ бы въ состояніи выполнить его. Я-же лично считаю самымъ драгоценнымъ приобрѣтеніемъ, вынесеннымъ мною изъ моего путешествія—множество дружескихъ связей, заключенныхъ мною въ Россіи среди всѣхъ классовъ общества, и близкое знакомство съ такими полными жизненныхъ силъ, гуманнымъ, гостепріимнымъ и симпатичнымъ народомъ, какъ русскій.

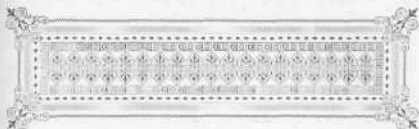
Свенъ Гединъ.

—

КАРТА
ОБЩАГО НАПРАВЛЕНІЯ ПУТИ
ПРОЙДЕННАГО С. ГЕДИНЪМЪ.

Масштабъ
1:1000000

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ исторіи географическихъ открытій близятся новыя эра, — піонеры скоро сыграютъ свою роль, такъ какъ „блѣды плуга“ на картахъ материковъ попомногу все убываютъ, и свѣдѣнія о физическихъ свойствахъ міроваго океана съ каждымъ годомъ становятся все точнѣе. Тамъ, гдѣ піонеры въ непрестанной борьбѣ съ опасностями и затрудненіями пролагали новые пути, которые заглажили и описывали въ обихдѣ чертахъ, новымъ поколѣніямъ путешественниковъ предстоитъ изучить незнающую пока, кишашую повсюду на нашей планетѣ жизнь во всѣхъ ея подробностяхъ и мелочахъ, постоянно находя все новыя пробѣлы въ своихъ познаніяхъ, новыя безчисленныя задачи для рѣшенія. Переходъ, однако, не будетъ особенно рѣзокъ, — многія области уже служили и служатъ предметами детальнаго изученія, но остаются еще и такія, гдѣ піонеры далеко не закончили своей задачи.

Особенно долго оставалась въ этомъ отношеніи въ сторонѣ внутренняя Азія; огромныя пространства малодоступной пустыни Гоби и безконечныя площади Тибетскаго нагорья до сихъ поръ извѣстны такъ-же мало, какъ крайнія полярныя области.

Ради того, чтобы въ свою очередь способствовать разширенію Ресур.

ренію свідѣній о центральній агарній Азіі, я предпринялъ экспедицію, о которой повѣствуєть этотъ трудъ. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ я подготовился къ ней въ своемъ кабинетѣ, а въ 1890—91 г. предпринялъ небольшую подготовительную экспедицію въ русскій Туркестанъ и Кашгаръ, чтобы ознакомиться со средствами сообщенія въ этихъ мѣстахъ, которые должны были послужить операціоннымъ базисомъ предстоявшей мнѣ экспедиціи въ глубь невѣдомыхъ областей.

По возвращеніи изъ Кашгара оставалось только узладить экономическую сторону предпріятія. Съ этой цѣлью я представилъ его величеству, королю Оскару слѣдующій планъ, который привожу здѣсь, чтобы читатель могъ судить, насколько и какъ мнѣ удалось осуществить свои заданія. Планъ этотъ сводится вкратцѣ къ слѣдующему:

„Въ самомъ сердцѣ Азіи простирался между двумя величайшими въ свѣтѣ хребтами Куш-лунъ и Гималайскимъ огромнѣйшее и высочайшее на землѣ Тибетское нагорье. Средній высота его доходитъ до 4,000 метр., а на сѣверныхъ окраинахъ даже до 4,600 метр. и такимъ образомъ соперничаетъ на пространствѣ 2,000,000 кв. килом. (почти въ три раза больше Скандинавскаго полуострова) съ высочайшими вершинами Альпъ. Сѣверная часть его, являющаяся одною изъ наименѣ невѣстныхъ областей Азіи, представляеть, согласно китайскимъ картамъ, шѣлую систему замкнутыхъ бассейновъ озеръ, но необитаема. Дальше къ югу обитають тибетскіе и монгольскіе номады, ведущіе кочевую жизнь, и только въ самыхъ южныхъ областяхъ можно найти осѣдлое населеніе.

Тибетъ лезить къ сторонѣ отъ главныхъ трактовъ, по которымъ направлялись путешественники XIX столѣтія; лишь немногіе скитальчани-европейцы участвовали въ собраніи извѣщающихъ шведъ скудныхъ свѣдѣній объ этой странѣ. Видная природа ея, высокія, недоступныя горы и изолированное положеніе страны въ самой серединѣ огромнаго материка пугали путешественниковъ и заставляли ихъ предпочитать искать поле для своихъ исследованийъ въ другихъ частяхъ свѣта, въ полярныхъ областяхъ или на островахъ міроваго океана, гдѣ они у береговъ находили твердую исходную точку для своего стремленія въ сравнительно близкія невѣстныя

области. Между тѣмъ едва-ли гдѣ путешественникъ-ислѣдователь можетъ найти такую богатую награду за свой трудъ или такой неисчерпаемый источникъ для невозможныхъ наблюдений, какъ именно въ Тибетѣ, въ странѣ, откуда мощными струями льется свѣтъ ламанизма, посея жизнь и духовную пищу прилегающимъ странамъ. Въ Тибетѣ и въ пустынныхъ Гоби ожидаютъ своего разрѣшенія множество великихъ задачъ по физической географіи, и рѣшенію любой изъ нихъ вникни дорогимъ приобретениемъ для науки. Въ чисто географическомъ отношеніи Тибетъ все еще принадлежитъ къ неизвѣстнымъ областямъ земного шара. Даже карта Африки не такъ изобилуетъ „бѣлыми пятнами“ и разнѣ лишь полярныя области могутъ соперничать съ Тибетомъ въ этомъ отношеніи. Маршруты католическихъ миссіонерскъ, которые пробрались сюда въ ту эпоху, когда страна была еще доступна, нельзя уже болѣе съ увѣренностью прослѣдить по картамъ; да съ географической точки зрѣнія маршруты эти въ большинствѣ случаевъ и не имѣютъ особаго значенія.

Но въ наши дни даже эта наглухо замкнутая изъ фанатизма страна принуждена приоткрывать свои ворота для шатливаго взора европейца-ислѣдователя. Завадныя и восточныя окраины Тибета уже изрѣзаны вдоль и поперекъ маршрутами англичанъ, русскихъ и французскъ; въ Лассу *) же удалось проникнуть въ новѣйшее время лишь нѣсколькимъ пундитами, т. е. индійскимъ браминами, обученнымъ съѣмкѣ англійскими офицерами. Боязливая подозрительность китайскаго правительства, религіозный фанатизмъ обитателей Тибета, а также непроходимость путей и дикость и бѣдность природы были главными причинами того, что Тибетъ оставался недоступнымъ для европейцевъ долѣе всѣхъ другихъ азиатскихъ областей. Въ тѣ времена, когда ни Россія, ни Англія не имѣли еще такого значенія въ Азіи, многимъ европейцамъ удалось не только проѣхать черезъ Тибетъ, но и проникнуть въ главный городъ его. Первымъ европейцемъ, посетившимъ Лассу, былъ монахъ Одорико де Порденоне, выѣхавшій изъ Китая въ Тибетъ въ первой половинѣ XIV-го вѣка. Въ 1624 г.

*) Ласса или Хамса — главный городъ Тибета, резиденція Далай-Ламы (буддистскій первосвященникъ).

совершилъ путешествіе въ Тибетъ изъ Индіи испанскій іезуитъ Антоній де Андраде, а въ 1661 предприняли свое замѣчательное путешествіе изъ Пекина, черезъ Куку-норъ, Цайдамъ и страну тангутскъ два миссіонера-іезуита Груберъ и Д'Оришль; пробывъ въ столицѣ Далай-ламы два мѣсяца, они вернулись черезъ Непалъ въ г. Агру (на рѣкѣ Гангѣ) и затѣмъ въ Европу. Въ XVIII вѣкѣ таинственный городъ былъ посѣщаемъ еще нѣсколькими миссіонерами. Одинъ изъ нихъ Деидери пробылъ въ Лассѣ съ 1716 по 1729 годъ, другой делла Пенна съ 1719 до 1735 и съ 1740 до 1746. Оба оставили нѣсколько писемъ о своихъ путешествіяхъ. Въ 1729 — 1737 гг. совершилъ свое путешествіе изъ Индіи черезъ Лассу и Куку-норъ въ Пекинъ и обратно голландецъ ванъ-де-Пулле. Возвратившись на родину, онъ, однако, скрываетъ всѣ свои замѣтки, боясь, что никто не повѣритъ его необычайнымъ сообщеніямъ. Въ 1811 г. въ Лассу пробылъ Манингъ, а въ 1845 г. совершили свое знаменитое путешествіе въ столицу Тибета изъ Пекина черезъ Куку-норъ, хребтъ Вурханъ-Будда и хребтъ Тянь-за два французскіе миссіонера Гюкъ и Габе. Первый изъ нихъ и описалъ это путешествіе въ своей въ высшей степени интересной книгѣ. Послѣ нихъ никому изъ европейцевъ уже не удавалось болѣе проникнуть въ Лассу, и всѣ экспедиціи, предпринимавшіяся съ этой цѣлью, терпѣли неудачу.

Какъ уже сказано, окранны Тибета посѣщались многими путешественниками, но далеко не всѣ эти путешествія давали въ результатъ цѣнные матеріалы и научные труды. По западной окраинѣ Тибета путешествовали въ 1856 и 1857 г. братья Шлагинтейтъ, въ 1865 г. Джонсонъ, въ 1868 — 70 г. Шлу, въ 1868 — 70 г. Гейурда, въ 1870 и 1873 — 74 г. Форсайтъ со своими многочисленными спутниками, въ 1885 — 1887 гг. Кери и Дамълейшъ, въ 1888 — 90 гг. Громбчевскій. Одному изъ спутниковъ Форсайта, пундиту Клякенъ Сингу, удалось проникнуть въ глубь страны дальше, чѣмъ другіе. Однимъ же изъ самыхъ замѣчательныхъ путешествій въ Тибетъ является путешествіе пундита Ванъ-Синга. Онъ участвовалъ въ экспедиціяхъ Шлагинтейта и Форсайта и затѣмъ былъ посланъ кашганоми Троттеръ въ июль 1874 г. изъ Ладжа въ Лассу. При выступленіи караванъ его состоялъ изъ 26 легко навьюченныхъ барановъ; выдержали-же этотъ четырехдѣнь-

нашъ путь въ 1,000 англійскихъ миль всего лишь четыре барана. Цитались они во время пути тѣмъ дилоло. Около Нія, на границѣ между Ладакомъ и Тибетомъ попался лѣсъ и пастбище. Мѣстность на востокъ вокругъ озера Пангонгъ была необитаема; попадались только изрѣдка табуны. Туземцы называли себя „хингасами“ или сѣвернымъ народомъ, обитатели-же Туркестана называли ихъ „таглыками“ или горцами. На востокъ Тибетское плато простиралось на 800 миль до истоковъ китайскихъ рѣкъ и хребта Бурханъ-Будда и, насколько хватала взоръ, представлялось поросшимъ травой и заросшемъ съ долинами, холмами и обѣзными вершинами горъ идами. Кое гдѣ видѣлись пастушьи юрты, много антилопъ, дикихъ ословъ и горныхъ барановъ. Результатомъ путешествія было опредѣленіе широты 276 пунктовъ, нанесеніе на карту 1,200 миль, неизвѣстной прежде территоріи, измѣреніе абсолютной высоты 497 точекъ и цѣлый рядъ метеорологическихъ наблюдений.

Первое-же мѣсто среди путешественниковъ по восточной окраинѣ Тибета принадлежитъ русскому генералу Пржевальскому. 17²⁹ ноября 1870 г. онъ съ тремя товарищами, тоже русскими, выѣхалъ изъ Бякты и направился черезъ Ургу, Калганъ и пустыню Гоби въ Пекинъ. Совершивъ экскурсію на озеро Далай-норъ, онъ выѣхалъ изъ Калгана въ маѣ 1871 г. и направился къ западу черезъ хребты Инъ-шанъ и Муни-ула, чтобы слѣдовать вверхъ по теченію Желтой рѣки, пока не достигъ до Ала-шанъ и главнаго города этой области Динъ-ванъ-инъ. Послѣ того онъ вернулся изъ Калганъ и, отдохнувъ, вновь выступилъ въ Динъ-ванъ-инъ, куда и прибылъ въ іюні 1872 г. Отсюда началась наиболее интересная часть путешествія, такъ какъ область, по которой направился путешественникъ, была почти неизвѣстна. Сначала было изслѣдовано нагорье Ганъ-су на сѣверъ отъ Куку-нора; затѣмъ, обойдя вокругъ озера и переваливъ на югъ хребетъ Куку-норъ, экспедиція достигла широкихъ болотистыхъ равнинъ Цай-дама, откуда опять поднимался выше, въ страну дикихъ ивовъ. Пересѣкая нѣкоіе изъ хребтовъ Тибетскаго нагорья, путешественники 10²² января 1873 г. достигли Голубой рѣки (Янъ-цы-цзянъ), бывшей конечнымъ пунктомъ ихъ экспедиціи.

Пржевальскій намѣревался проникнуть еще въ Лассу,

которая отстояла въ 800 верстахъ, или 27 дней пути, но долженъ былъ отказаться отъ этого, такъ какъ включныя животныя были совершенно измучены, да и запасы и средства экспедиции были на исходе. Закончилось первое путешествие Пржевальскаго въ Иркутскъ, куда онъ прибылъ 8 октября 1873 года. Виродолженіи 8 лѣтъ маленькая экспедиція боролась съ трудностями, казавшимися непреодолимыми, съ лѣтними жарами монгольскихъ степей и зимними холодами тибетскаго нагорья, проводя нѣдѣли въ маленькой непрочной палаткѣ — и это часто при 40° мороза — и питаясь почти только дичью, которую путешественникамъ самимъ удавалось настрѣлать. Энергія и выдержка, обнаруженная при этомъ Пржевальскимъ, достойны удивленія; имъ видимо руководило ясное сознаніе великаго научнаго значенія экспедиціи, если онъ, окруженный враждебными населеніемъ и всевозможными опасностями, подвергал себя самымъ тяжелымъ лишениямъ и глотал отравленный дымомъ аргала*) воздухъ въ палаткѣ, могъ разрабатывать свои путевыя замѣтки и приводить въ порядокъ собранныя коллекціи. Это былъ истинный подвигъ, совершенный во имя науки и поставившій имя Пржевальскаго на ряду съ именами знаменитыхъ путешественниковъ. Выдающаяся особенностью этой экспедиціи, прошедшей протяженіе въ 11,843 килом., было еще то, что она обошлась всего въ 6,000 рублей: это свидѣтельствуетъ о томъ, какъ дешево въ сущности путешествовать по Азіи, если умѣть приворачиваться къ обстоятельствамъ.

Вторую свою экспедицію Пржевальскій совершилъ съ августа 1876 г. по июль 1877 г. Хотя на этотъ разъ было пройдено лишь 4,246 килом., расходы превзошли 19,000 рублей, за то и снаряженіе второй экспедиціи было куда совершеннѣе, и число участниковъ больше, и самыя результаты ея богаче. Завоеванная на этотъ разъ для науки область принадлежала къ наименѣ известнымъ областямъ Центральной Азіи; нѣкоторое прикладательное понятіе о ней имѣлось лишь на основаніи слуховъ, да китайскихъ картъ и источниковъ.

Изъ Кульджи путешественникъ отправился черезъ долину Или на Юлдусъ, затѣвъ къ югу черезъ Курдъ и по бассейну

*) Сухой исмеръ, служившій топивомъ.

Тарима къ Лобь-нору и Алтынь-тагу. Убѣдившись въ невозможности черезъ Лобь-норъ и безплодная пустынная области, простирающіяся къ югу отъ Алтынь-тага, достигнуть Тибета и Лассы, которая всегда была заветнымъ пунктомъ его стремлений, Пржевальскій рѣшилъ попытаться найти туда дорогу черезъ Гученъ и Хама, но захворалъ въ первомъ изъ названныхъ городовъ и долженъ былъ вернуться въ Россію.

Главными блестящими моментами этой экспедиціи были открытіе новаго Лобь-нора, открытіе мощнаго горнаго хребта Алтынь-тага, нанесеніе котораго на карту такъ сильно измѣнило извѣстный до того времени вѣрный видъ Центральной Азіи, и установленіе факта существованія дикихъ верблюдонъ, что позже было подтверждено и другими путешественниками.

Третья экспедиція Пржевальскаго длилась съ марта 1879 г. до ноября 1880 г. и прошла путь въ 7,661 килом. Сопровождали Пржевальскаго 12 землянцевъ; на расходы ему было отпущено 23,500 р. Исходнымъ пунктомъ путешествія набралъ на этотъ разъ Зайсанъ на русской границѣ и отправился черезъ Булунъ-тохой по теченію Урунгу, черезъ Джунгарію въ г. Баркуль и черезъ Тянь-шань въ Хама. Затѣмъ онъ пересѣлъ пустыню Гоби и къ нѣкоторыхъ мѣстахъ маршрутъ своей первой экспедиціи. На этотъ разъ ему удалось проникнуть гораздо дальше къ югу, а именно по Голубой рѣкѣ и хребту Тянь-за до 32° сѣв. широты.

Четвертая и послѣдняя экспедиція Пржевальскаго началась въ октябрѣ 1883 года и закончилась въ октябрѣ 1885 г. Въ сопровожденіи 20 спутниковъ, изъ которыхъ большинство были казаки, Пржевальскій прошелъ 7,815 килом., израсходовавъ на этотъ разъ 42,250 рублей. Изъ Кяхты онъ направился черезъ Гоби по знакомой уже дорогѣ, далѣе черезъ нагорье Гань-су до истоковъ Хуанъ-хэ (Желтой рѣки) озеро Цайринъ-норъ и Нюринъ-норъ; это и было главнымъ моментомъ четвертой экспедиціи. Предпринимая экскурсію до Янь-цзыцзана (Голубой рѣки) онъ отправился затѣмъ черезъ Цайдамъ и черезъ Алтынь-тагъ къ Лобь-нору, отъ сѣвернаго подножія Кунь-луня въ Хотанъ, и, наконецъ, внизъ по Хотанъ-дарьѣ и черезъ Тянь-шань.

Большое значеніе для географіи восточнаго Тибета имѣли также продолжительныя отважныя путешествія въ 1878—82 г.

пундита Крисна, обыкновенно называемого буквами А. К. Весною 1878 г. онъ получилъ отъ англійскаго правительства порученіе изслѣдовать область примыкающую къ сѣверу къ маршруту путешествій Пржевальскаго, на востокъ къ маршрутамъ французскихъ миссіонеровъ до Годона и Дюрана и англичанина Дилли, на югъ къ Сынго и Гималайскъ и на западъ къ меридіану, на которомъ лежатъ Ласса и Лобъ-норъ. Эта область въ новѣйшее время была перерѣзана только маршрутами Гюка и Габе, и Бонпало и принца Орлеанскаго.

Переодѣтый купцомъ и щедро снабженный матеріальными средствами и приборами, А. К. отправился черезъ Сингъ въ Лассу, куда и прибылъ въ сентябрѣ 1878 г. Здѣсь онъ оставался цѣлый годъ, выжидая случая направиться къ сѣверу съ большимъ и хорошо вооруженнымъ караваномъ, такъ какъ разбойники тагуты дѣлали путь небезопаснымъ. 17 сентября 1879 г. въ Лассу прибылъ монгольскій караванъ; сопровождали его, между прочимъ, сто всадниковъ монголовъ и нѣсколько тибетцевъ, вооруженныхъ копьими, мечами и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Люди эти должны были немедленно вернуться обратно, А. К. и воспользовался оклаіей. Во время пути принимались большія предосторожности, выставлялись передовые патрули, а ночью ставили караулы. Вначалѣ слѣдовали по пути, пройденному пундигомъ Нангъ-сингомъ въ 1875 г. отъ озера Тенгри-норъ до Лассы. Къ югу отъ Татъла путь А. К. коснулся маршрута Пржевальскаго. Высочайшій горный проходъ въ хребтѣ Танъ-ла достигалъ почти 5,000 метр. и образовывалъ водораздѣлъ между верховьями Меконга и Голубой рѣкой. Послѣ пятидѣснаго странствованія по горному плато А. К. достигъ горнаго прохода Ангиръ-дакчина въ 4,800 метр. высоты. У Тенгалника въ Цайдамѣ сдѣлали привалъ; но какъ разъ въ то время, когда надо было направиться къ Курлыкъ-нору, караванъ подвергся нападенію 200 разбойниковъ, которые и ограбили А. К., стагъ у него всѣ товары и вьючныхъ животныхъ.

Приборы и замѣтки ему, однако, удалось спасти, и онъ, не зная на приключившееся съ нимъ несчастье, упорно продолжалъ путь, чтобы разрѣшить всѣ поставленныя ему задачи. На западномъ берегу Курлыкъ-нора онъ перезимовалъ вплоть до марта 1880 г. Отсюда онъ намѣревался направиться

къ Лобь-пору, но бывшіе съ нимъ слуги-индійцы сбѣжали, взявъ съ собою большую часть его вещей, почему ему самому пришлось навѣяться къ услуженію къ монголамъ, отправленнымъ въ Са-чжоу. Тамъ его привѣтливо принялъ лама, но китайскій губернаторъ принудилъ его вернуться назадъ. Этотъ поворотный пунктъ въ экспедиціи А. К. представляетъ особенное значеніе: отсюда началась въ 1879—80 гг. экспедиція Пржевальскаго въ Цайдамъ и Тамъ-ла, и тутъ-же закончилась китайская экспедиція графа Сэнани. Въ сопровожденіи одного неизмѣнно вѣрнаго слуги, А. К. отправился въ обратный путь, но долженъ былъ по пути еще разъ навѣяться къ услуженію къ „китайскимъ татарамъ“ и, наконецъ, счастливо достигъ Тарсанда (Да-пань-лу), гдѣ ему въ миссіи была оказана всякая помощь и содѣйствіе. Затѣмъ черезъ Батангъ онъ вернулся въ Индію.

Въ 1888—89 гг. совершилъ путешествіе по восточному Тибету американецъ Роквиль. Онъ вышелъ изъ Пекина въ сопровожденіи всего двухъ спутниковъ и, взявъ съ собою нѣсколько лошадей, отправился на Куку-пору, черезъ Ян-ши-пангъ и затѣмъ назадъ, въ Шанхай. Онъ владелъ китайскимъ языкомъ, тибетскимъ нарѣчіемъ и путешествовалъ также переводчикомъ. Въ пути онъ занимался съемкой мѣстностей, нанесеніемъ ихъ на карту, измѣреніемъ абсолютной высоты разныхъ пунктовъ, дѣлалъ замѣтки и исправленія прежнихъ картъ, которыя, по его свидѣтельству, были крайне неточны, какъ по части орографіи, такъ и гидрографіи.

Въ послѣднее время многіе путешественники, увлекаемые жаждой новыхъ открытій или честолюбіемъ, стремились проникнуть во внутренній Тибетъ и особенно въ Ласу. Многихъ постигла неудача, другіе вернулись домой съ хорошими результатами. Наиболѣе посчастливилось Бонвалю и принцу Геяраку Орлановскому, который пересѣкъ Азію отъ сѣверо-запада до юго-востока. Къ Лобь-пору и Алтынъ-тагу послѣдняя экспедиція направлялась по маршруту Пржевальскаго вдоль бассейна Тарима; 17-го ноября 1889 г. выступила отъ Лобь-пора, 23-го перешла Алтынъ-тагъ и затѣмъ уже покинула маршрутъ Пржевальскаго и Кэри, чтобы безъ проводниковъ неизвѣстными путями пуститься напрямикъ къ югу. Продолжалась эта экспедиція до 17 февраля 1890 г. и закон-

на два дня пути къ югу отъ озера Тенгри-норъ. Горное плато Тибета, которое было пройдено въ эти три мѣсяца, лежитъ на высотѣ не менѣе 4,000 метровъ. Экспедиція пересѣкла нѣсколько отроговъ Кунь-луна съ горными проходами на высотѣ до 5,500 метр., и открыла множество озеръ. Въ общемъ плато представляетъ пустынную мѣстность; нѣтъ ни деревьевъ, ни кустовъ и даже подножнаго корма для верблюдовъ и лошадей, такъ что бѣдные животныя, изнуренныя тяжестью вьюковъ, лишеными и жестокими холодами падали массами. Съ 4-го декабря до 30 января экспедиція не встрѣтилось ни одного человѣческаго существа. Въ двухъ дняхъ пути къ югу отъ Тенгри-норъ экспедицію задержали тибетцы и, не смотря на почти семинедѣльные переговоры, путешественникамъ такъ и не удалось добиться позволенія продолжать путь къ Ласу. Пришлось сдѣлать громадный обходъ, и въ сентябрѣ экспедиція прибыла въ Тонкинъ.

Въ мѣѣ 1890 г. русскій капитанъ Громбчевскій пытался проникнуть въ западный Тибетъ изъ Поду, но неудачно и вернувшись въ серединѣ юни въ Хотанъ; въ июлѣ и въ августѣ онъ производилъ изслѣдованія въ долинѣ Тизнакъ и у верховья Яркендъ-дарья и по водораздѣлу обѣихъ рѣкъ. Побывавъ на Памирѣ, онъ черезъ Кашгаръ направился въ Ташкентъ, гдѣ и встрѣтился съ ними въ концѣ того года. Онъ нанесъ на карту пространство въ 7,600 кв. м., и его изслѣдованія составляютъ связующее звено между изслѣдованіями Куропаткина (1877 г.), Форсайта (1873—74 г.), Пржевальскаго (1885) и Пѣвцова (1889—90 гг.). Съ послѣднимъ изъ путешественниковъ экспедицій Громбчевскаго встрѣтился въ Нин, гдѣ оба путешественника и могли сѣрить и связать произведенныя ими опредѣленія мѣстностей.

Въ 1889 и 1890 гг. было предпринято генераломъ Шенцовымъ въ сопровожденіи бывшихъ спутниковъ Пржевальскаго, Роборовскаго и Козлова, а также геолога Богдановича, путешествіе въ восточный Туркестанъ. Онъ поразилъ Тянь-шань и вдоль по теченію Яркендъ-дарья отправился въ Яркендъ и Хотанъ и затѣмъ переваливалъ въ Нин. Отъ сѣвернаго подножья Кунь-луна экспедиція предприняла нѣсколько экскурсій на Тибетское нагорье и особенно изслѣдовала ту часть его, которая лежитъ къ сѣверу отъ Акка-тасъ.

Обратный путь лежалъ черезъ Лобъ-норъ, Карашаръ и Джунгарію. Экспедиція Пиллова была одной изъ важнѣйшихъ въ этихъ мѣстахъ; ни одинъ путешественникъ такъ точно не опредѣлялъ пройденныхъ имъ мѣстностей, какъ онъ.

На Алтынь-тагѣ и къ югу отъ него маршрутъ четвертой экспедиціи Пржевальскаго во многихъ мѣстахъ скрещивается съ маршрутомъ Кэри. Сопутствующимъ убитымъ въ слѣдствіи Дальгейшемъ, Кэри перешелъ Алтынь-тагъ и Чамень-тагъ и низменными горами площади между этими горами, пока не достигъ собственнаго Кунь-луни и Тибетскаго нагорья. Переваливъ черезъ эти горы нѣсколько западнѣе, назвали Пржевальскій, Кэри затѣмъ пересѣкъ маршрутъ Пржевальскаго къ западу, гдѣ послѣдній изслѣдовалъ плато между Чамень-тагомъ и Кунь-лунемъ. Послѣ того Кэри направился къ востоку вдоль подножія Кунь-луни, прошелъ небольшое пространство между этими хребтомъ и Куку-шви и пересѣкъ обычный путь каравановъ въ Монголію въ Ласеу сейчасъ къ югу отъ того мѣста, гдѣ этотъ путь идетъ по горному проходу въ Кунь-луни. У рѣки Ма-чю онъ повернулъ къ сѣверу и прошелъ часть пути по маршруту А. К. Продолжалась его экспедиція съ 1885 г. до 1887 г.

Капитанъ Юнгусбандъ, наибѣтный кромѣ того своими путешествіями по Памиру, проѣхалъ въ 1888 г. изъ Пекина черезъ Баркузъ, Аксу и Кашгаръ въ Индію, а капитанъ Боуеръ прошелъ въ теченіе времени съ іюня 1891 по мартъ 1892 г. Тибетъ и Китай отъ Ле до Шанхай.

Всѣмъ описаннымъ мною путешествіямъ являются важнѣйшими, касающимися той области, которую я самъ наибѣренъ посѣтить.

Слишкомъ долго было-бы пытаться выяснитъ всѣ тѣ великія задачи, которыя ожидаютъ своего разрѣшенія во внутренней Азіи, какъ-то: открытіе новыхъ хребтовъ, озеръ и рѣкъ, розыскъ слѣдовъ древней культуры и остатковъ ея, могущихъ пролить свѣтъ на переселеніе народовъ, установленіе старыхъ или брошенныхъ караванныхъ путей, нанесеніе на карту совершенно неизвѣстныхъ путей, — задачи, неудержимо влекуція путешественниковъ въ эти отдаленныя области. Я хочу напомнить здѣсь о нѣкоторыхъ вопросахъ особо важнаго значенія.

Нагорная Азія представляет для геологов громадный интерес не только по грандиозности ея горных хребтовъ, но и по ихъ малой извѣстности. Тибетское нагорье круто воздымается, подобно мѣщной платформѣ, на 4,000—5,000 метр. надъ низменностями Индостана и бассейна Тарима. Последний принадлежитъ къ самымъ низкимъ мѣстностямъ, вообще попадавшимъ среди американъ; такъ абсолютная высота Лобъ-нора достигаетъ всего 760 метровъ, а около Локчуна на югъ отъ Турфана, найдена низина которая, спускается значительно ниже уровня моря. Отъ низменностей Тибетское плато отдѣлены хребтами: Гималайскимъ и Куинь-дунемъ, который сходится своими западными отрогами въ Памиръ и юго-вѣ. Въ предшнее время географы и путешественники заботились главнымъ образомъ о топографіи земной поверхности и много-много о ея рельефѣ, современная же наука требуетъ отъ своихъ представителей болѣе глубокаго изученія всѣхъ условій, являющихся гениетическихъ причинъ высшаго характера земной поверхности, способныхъ образованія горныхъ хребтовъ и взаимной ихъ связи. Нагорная Азія и представляетъ въ этомъ отношеніи грандиозную задачу для разрѣшенія, и много лѣтъ пройдетъ еще, прежде чѣмъ всѣ эти задачи будутъ рѣшены даже приблизительно. За послѣдніе 25 лѣтъ только четыре геолога: Столичка, Рихтгофенъ, Лоци и Богдановичъ сдѣлали нѣкоторый вкладъ въ науку по части изслѣдованій хребта Куинь-дунь, но изслѣдованныя ими области отдѣлены другъ отъ друга громадными пробѣлами. И въ прозиряемомъ путешествіи имѣю въ виду хотя отчасти заполнить пробѣлы въ этой области, гдѣ каждое вновь добытое свидѣніе, каждаго пройденный разрѣзъ представляетъ огромное значеніе.

Ныбется на очереди еще и другой ягучій вопросъ, поставленный впервые профессоромъ Рихтгофеномъ и касающійся озера Лобъ-норъ. Я перечислю здѣсь нѣкоторые главные пункты, наложенные имъ по этому вопросу въ своей статьѣ „Bemerkungen zu den Ergebnissen von Oberstlieutenant Pjewalski's Reise nach dem Lop-noor und Altyn-tagh“ (Verhandlungen der Ges. für Erdkunde V 1878, стр. 121 и далѣе).

Первый даль европейцаго свидѣнія о пустынѣ Лобъ-норъ принадлежитъ путешественнику Марко Поло: озеро Лобъ-норъ

съ его рѣками было въ первый разъ обозначено на картѣ Л'Авивилли, но на $42\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣв. шир. Незадолго до путешествія Пржевальскаго полагали, что озеро расположено въ огромномъ бассейнѣ и болѣе удалено отъ южныхъ, нежели отъ сѣверныхъ, пограничныхъ съ нимъ горъ. Пржевальскій, однако, нашелъ озеро гораздо южнѣе того мѣста, на которое указывали карты и записи китайцевъ, и послѣ втораго путешествія Пржевальскаго карта внутренней Азіи совершенно измѣнила свой видъ. Область отъ Курли до Алтынъ-тага была до того времени совершенно неизвѣстна, и никто и не подозревалъ, что низшее теченіе Тарима идетъ такъ далеко на юго-востокъ. Открытіе Алтынъ-тага было также очень важно, какъ для ознакомленія съ физической географіей центральной Азіи, такъ и для разъясненія направленія и положенія старинныхъ торговыхъ путей. Теперь стало понятно, почему въ былыя времена караваны съ шелкомъ изъ Китая въ западныя страны направлялись такъ близко отъ южной части Лобъ-нора, хотя здѣсь приходилось переходить черезъ страшную песчаную пустыню между Са-чжоу и озеромъ.

Свои доказательства Рихтгофенъ основываетъ частью на простыхъ геологическихъ законахъ, частью на большой картѣ Китая и Центральной Азіи, изданной въ 1862 г. въ Ву-чанъ-фу. Онъ говоритъ: „Самое удивительное, что найденное Пржевальскимъ озеро Лобъ-норъ оказалось прѣсноводнымъ, тогда какъ въ этомъ мѣстѣ непремѣнно должно было сидать найти соленую воду. Надо считать почти невозможностью, чтобы бассейнъ, безпрерывно, въ продолженіи нѣскаго ряда геологическихъ періодовъ служившій соленоводнымъ резервуаромъ, питаемымъ огромною рѣкой, содержалъ прѣсную воду и служилъ мѣстопробываніемъ рыбъ. Это было-бы немаслнно даже, если бы весь бассейнъ Тарима лежалъ въ областяхъ, почва которыхъ считалась-бы совершенно лишенной соли. Но въ томъ-то и дѣло, что почва здѣсь повсюду такъ богата солью, что источники прѣсныхъ водъ представляютъ тутъ исключенія и попадаются только непосредственно у подножія горныхъ хребтовъ. Воды Тарима должны поэтому содержать соли значительно болѣе, нежели воды почти всѣхъ другихъ большихъ рѣкъ въ сѣвѣ. Пролетное содержаніе соли должно было еще увеличиться вслѣд-

ствіе испаренія воды въ послѣднемъ водохранилищѣ, въ озерѣ, куда впадаютъ всѣ воды бассейна Тарима и, въ силу того-же испаренія въ теченіе безкончнаго времени, должно было произойти грандіозное окложаніе всевозможныхъ солей... Китайцы изстари обозначаютъ Лобъ-портъ соленоводнымъ озеромъ... Но вопреки всѣмъ теоретическимъ заключеніямъ и историческимъ даннымъ, мы получаемъ теперь отъ пернаго европейца-свидѣтеля, который отличается къ тому-же рѣдкой степенью наблюдательности, положительнѣйшее указаніе, что послѣднее водохранилище, куда несутся воды Тарима, является прѣсноводнымъ озеромъ. Должны поэтому найтись особыя причины, объясняющія такую кажущуюся аномалію*.

Можно было-бы предположить, что вслѣдствіе ничтожнаго испаренія зимою, прѣсная вода наслоилась поверхъ соленой, но противъ этого предположенія говорить малая глубина озера. Другое объясненіе то, что Таримъ, часто мѣняющій теченіе и русло, покинулъ свой прежній водоемъ и измѣнилъ свои воды въ новый, который слѣдовательно существуетъ сравнительно недавно.

„Третье и вѣроятнѣйшее предположеніе, что кромя двухъ, посвященныхъ Пржевальскимъ озеръ-бассейновъ (Кара-бурагы и Кара-курчпынъ или Кара-кошунъ) существуетъ третье, въ которое впадаетъ рукавъ Тарима. На китайскихъ картахъ мѣсто важнаго теченія Тарима показано большое озеро, которое пересѣкается параллелью 41° с. ш.; лежитъ оно, также образомъ, на противоположеніи Тарима и называется на картахъ Лобъ-портъ. За это говорить, между прочимъ, то обстоятельство, что Пржевальскій не тамъ и слышалъ самое названіе Лобъ-портъ, но именно около той части теченія Тарима, къ востоку отъ которой должно лежать настоящее озеро Лобъ-портъ“.

Другой важный аргументъ: Таримъ около устья Угень-Дарыи имѣетъ въ ширину 300—360 футовъ и быстрое теченіе, но шире соединенія всѣхъ рукавовъ только 180—210 ф. ширины и не особенно быстрое теченіе. Когда Пржевальскій проходилъ между этими рукавами, наиболѣе восточные изъ нихъ, можетъ быть, частью направлялись по протоку на востокъ, къ недоступной соленой пустынѣ, но путешественникъ прослѣдилъ этотъ протокъ. Заключаетъ Рихтгофенъ свое из-

сѣдованіе словами: „какъ ни высоко мы должны цѣнить все, что сдѣлалъ Пржевальскій для изслѣдованія Лобъ-нора, мы не можемъ вѣсело считать этой задачей, ради рѣшенія которой онъ обрекъ себя на такіе труды, рѣшенію окончательно“.

Три экспедиціи: Кюри и Дальгемейша, Бонвало и принца Орлеанскаго и экспедиція Шенцова, которая посѣтила Лобъ-норъ послѣ Пржевальскаго, не уяснили вопроса объ этомъ своеобразномъ озерѣ по той причинѣ, что всѣ они шли по тому-же пути, какъ и Пржевальскій.

И такъ, разрѣшеніе вопроса о настоящемъ Лобъ-норѣ, продолжаетъ оставаться желанною цѣлью для всѣхъ путешественниковъ, интересующихся географіей Азіи. Путешественникъ, который въ будущемъ посѣтитъ Лобъ-норъ, не долженъ удовольствоваться констатированіемъ существованія найденныхъ Пржевальскимъ озеръ, но также произвести систематическое и точное изслѣдованіе всей области къ сѣверу отъ нихъ, чтобы попытаться найти то озеро, въ которое, по изображеніямъ Рихтгофена, Таримъ изливаетъ часть своихъ водъ и которое кромѣ того обозначено на китайскихъ картахъ, отличающихся вообще большою точностію въ топографическомъ отношеніи.

Уже много лѣтъ я занимаюсь изученіемъ географіи Центральной Азіи, частью дома, частью въ Берлинскомъ университетѣ подъ руководствомъ знаменитаго знатока Китая, барона фонъ Рихтгофена, а частью во время двухъ своихъ путешествій въ 1885—86 г. и въ 1890—91 гг. въ Персію и Центральную Азію; послѣднее было предпринято по исполненію порученія къ шаху Наеръ-Эддину, данаго мнѣ Вашимъ Величествомъ. Во время этихъ путешествій я имѣлъ случай примѣнить къ способамъ передвиженія по азіатскимъ областямъ и обращенію съ туземцами, а также изучить нѣсколько главнѣйшихъ рѣкъ. Надежда, что предварительныя изученія эти могутъ послужить на пользу наукъ, побудила меня осмѣлится просить Ваше Величество о покровительствѣ и поддержкѣ для осуществленія плана путешествія, которое въ

случаѣ удачи, принесеть честь родинѣ и будетъ способствовать къ разсѣленію тумана, еще окутывающаго громадную пространства внутренней Азіи. Исслѣдованіе сердца той части сѣвера, гдѣ стояла колабель арийскихъ народовъ, откуда разливались полчища монголовъ, наводившіи всю Азію и часть Европы, и гдѣ все еще ждетъ рѣшенія бесконечнаго множества географическихъ вопросовъ, — принадлежитъ къ наиболее великимъ задачамъ въ области географическихъ открытій. Планъ мой: пересѣчь Азію съ запада на востокъ, отъ Каспійскаго моря до Пекина, посѣтить при этомъ важнѣйшія неизвѣстныя области.

Шведская экспедиція должна, по возможности, выйти изъ Стокгольма въ май неизвѣстнаго года. Что до снаряженія то оно будетъ выполнено въ Туркестанѣ и Ладакѣ, а изъ Стокгольма слѣдуетъ главнымъ образомъ взять лишь пробы и оружіе. Я и спутникъ мой, которому будутъ поручены астрономическія наблюденія, отправимся (черезъ Россію) въ Баку, по Каспійскому морю въ Узунъ-Ада и дальше по жезліной дорогѣ въ Самаркандъ. Затѣмъ въ тарантасѣ отправимся по хорошо уже извѣстнымъ мѣѣмъ дорогамъ черезъ Туркестанъ въ Ташкентъ, Кокандъ, Маргеланъ и Ошъ, черезъ проходъ Терекъ-даванъ въ Кангаръ въ Восточномъ Туркестанѣ, бывший конечнымъ пунктомъ моего путешествія въ 1890—91 гг. Въ Кангарѣ мы организуемъ предварительный караванъ на лошадицъ и отправимся, черезъ Яркендъ и проходъ въ Каракорумъ, въ г. Ле въ Ладакѣ, гдѣ проживаютъ англійскій агентъ и англійскіе купцы. Путешествіе въ Кангаръ возьметъ мѣсяца два; отсюда до Ле еще мѣсяць; такимъ образомъ въ лучшемъ случаѣ мы будемъ въ Ле въ началѣ августа.

Первоначальнымъ моимъ намѣреніемъ было проникнуть изъ области Лобъ-нора черезъ хребты Кушъ-лушъ въ сѣверный Тибетъ. Въ прошломъ году въ декабрѣ мѣсяцѣ я встретился въ Петербургѣ съ генераломъ Пинцонемъ, который въ 1889—90 гг. совершилъ упомянутую выше экспедицію въ Восточному Туркестану. Генераль Пинцонъ и Стокгольмскій мѣѣмъ приводитъ въ исполненіе мой планъ въ его первоначальной формѣ. Русскій путешественникъ на горькомъ опытѣ увидѣлъ трудности, съ которыми встрѣчается въ этихъ обла-

стяхъ каждый путешественникъ, и тщетно пытался проникнуть въглубь Тибета на лошадяхъ и верблюдахъ. Въочныя животныя погубилъ отъ бездорожья, суроваго климата, разреженнаго воздуха и почти полнаго отсутствія подножнаго корма. Генераль Пибзонъ и посоветовалъ мнѣ избрать исходнымъ пунктомъ для экспедиціи въ Тибетъ Ле въ Ладакъ. Въ Ле можно найти не только весь нужный провіантъ и всѣ необходимыя предметы для снаряженія, какъ-то: палатки, сѣдла, тулупы, ковры, разную хозяйственную утварь, ящики для коллѣкцій и т. д., но и надежныхъ людей, которые какъ дома въ ближайшихъ областяхъ Тибета, а также домашнихъ яковъ, привыкшихъ къ разреженному воздуху, съ невѣроятной увѣренностью пробирающихся по самымъ невозможнымъ съ виду дорогамъ и способныхъ довольствоваться мхами и лишаями, которые они слизываютъ со скалъ въ этихъ бесплодныхъ областяхъ. Экспедиціи слѣдуетъ составить караванъ въ 15 яковъ и запрясти шестью хорошо вооруженными проводниками.

По словамъ Пибзона лучшимъ временемъ для путешествія по сѣверному Тибету является осень. Экспедиціи должна потому выступить изъ Ле въ срединѣ августа и направиться на ЮО къ озеру Тенгри-норъ почти по той же дорогѣ, по которой прошелъ пундиръ Хантъ-Сингъ въ 1874 г. Гдѣ забудь къ сѣверу отъ Тенгри-нора надо разбить на необитаемомъ тропѣ лагерь, откуда уже и съ однимъ или двумя спутниками и могу, переодѣвшись, попытаться пробраться въ Лассу, а затѣмъ вернуться обратно въ главный лагерь у Тенгри-нора. Этотъ нѣсколько романтической способъ проникнуть въ столицу Тибета будетъ выполнятъ, разумѣется, лишь въ томъ случаѣ, если обстоятельства окажутся благоприятными; собственно же съ географической точки зрѣнія посѣщеніе Лассы не представляетъ значенія. Отъ Тенгри-нора мы направимся по Тибету и, переваливъ черезъ Куиъ-луиъ, попытаемся добраться до Восточнаго Туркестана, гдѣ ближайшимъ пунктомъ нашихъ стремленій ишется городъ Черченъ, куда мы и прибудемъ въ февралѣ будущаго года.

Замѣнивъ яковъ верблюдами, мы направимся къ сѣверу черезъ совершенно неизвѣстную часть пустыни Гоби, пока не достигнемъ теченія Тарима. Въ пустыи ишть ни дорогъ,

если позволить средства, съ южной Монголіей и собственной Гоби, почему и намѣреваемсь направиться обратно черезъ Хами и Турфанъ, такъ какъ я во всякомъ случаѣ отвѣтствененъ на благополучное возвращеніе моихъ людей на родину.

Начнется экспедиція собственно отъ Оша въ Ферганѣ, гдѣ прекращаются русскіе почтовые пути сообщенія и начинаются караванные пути, по которымъ мнѣ предстоитъ пройти почти 800 шведскихъ миль до береговъ Желтаго моря.

Расходы на всю экспедицію исчислены мною въ 30,000 кронъ.

Научныя работы, которыя должны быть выполнены, можно распределить по слѣдующимъ группамъ:

1) Изготовленіе топографической карты всего пройденнаго маршрута.

Опредѣленіе долготы и широты должно производиться по возможности чаще. Должно также производить намѣренія абсолютныхъ высотъ посредствомъ глицеринотермометра и трехъ анероидовъ.

2) Геологическія изысканія, разрѣзы профилей, собраніе горныхъ породъ.

3) Антропологическія изысканія и измѣренія среди племенъ, съ которыми придется сталкиваться. Фотографированіе различныхъ типовъ. Изученіе религій, нравовъ, быта и языка полудикихъ племенъ. Лингвистическія изслѣдованія.

4) Археологическія изысканія. Описаніе, измѣреніе и рисунки развалинъ городовъ, кладбищъ и т. п.

5) Фотографированіе видовъ областей, интересныхъ въ геологическомъ отношеніи.

6) Метеорологическія наблюденія. Периодическія опредѣленія состоянія воздуха, температуры земли и воды, влажности воздуха, направленія вѣтра и т. п.

7) Гидрографическія изысканія. Глубина озеръ, обиліе воды въ рѣкахъ, измѣненіе этихъ условій, согласно временамъ года, быстрота теченія, направленіе и пр.

8) Собраніе растений, особенно подорождей.

9) Веденіе дневника, впродолженія всего путешествія.

Таковъ былъ планъ, представленный мной королю и одобренный его величествомъ.

Прослѣдить теперь, по окончаніи труда, проектированный маршрутъ и сравнивъ его съ дѣйствительнымъ, я нахожу, что въ обидныхъ чертахъ они совпадаютъ,—оба пересекаютъ Восточный Туркестанъ, Тибетъ и Монголію, но вижу и большія отклоненія, обусловленные обстоятельствами. Прежде всего дѣйствительно пройденный маршрутъ гораздо длиннѣе проектированнаго и затрагиваетъ области, которыя я считалъ прежде совершенно недоступными. Затѣмъ, я измѣнилъ планъ въ самомъ-же началѣ, предпочитая начать путешествіе отъ Оренбурга по киргизскимъ степямъ, вмѣсто того, чтобы отправиться по знакомой мнѣ уже дорогѣ отъ Каспійскаго моря. *Памиръ*, вовсе не входившій въ программу, сталъ цѣлью трехъ продолжительныхъ научныхъ экскурсій, причемъ особенно восточный китайскій Памиръ былъ исследованъ по всѣмъ направленіямъ. Такла-маканъ, огромная западная часть пустыни Гоби, была пройдена въ двухъ направленіяхъ, при чемъ мнѣ посчастливилось сдѣлать нѣкоторыя важныя археологическія находки. Наконецъ, была исследована въ нѣсколько приемовъ область между Камгаромъ, Акъ-су и Хотаномъ.

По совершеніи продолжительнаго путешествія черезъ пустыню къ Тариму и Лобъ-нору и назадъ въ Хотанъ, оставался еще одинъ изъ главныхъ пунктовъ программы—Тибетъ. Я какъ разъ узналъ тогда о результатахъ экспедиціи Дютроаи де Рана и Лизледили, имѣвшихъ цѣлью приблизительно тѣ-же области, которыя первоначально имѣлъ въ виду я, узналъ также, что они тщетно пытались пробраться въ Лассу. Это и послужило для меня главной причиной предпочесть заняться тѣми областями сѣвернаго Тибета, которыя продолжали еще оставаться настоящею terra incognita, гдѣ мнѣ повсюду,—исключая того мѣста, гдѣ я перерѣзалъ маршрутъ Бонвало и привпа Орланскаго—предстояло быть первымъ, вступивъ имъ на эту почву европейцемъ, и гдѣ, слѣдовательно, каждый шагъ былъ завоеваніемъ, каждая гора, каждое озеро, рѣка представляли открытіе.

Послѣ-же того, какъ это трудное путешествіе было счастливо закончено, и вмѣсто того, чтобы направиться по первоначальному плану черезъ Монголію въ Ургу, двинулся

болѣе важнымъ путемъ, а именно черезъ Пайдамъ, страну тапугонъ, область Куну-нора и провинцію Гань-су, гдѣ мнѣ волею неволею приходилось идти по маршрутамъ другихъ экспедицій или пересѣкать ихъ. Въ Ала-шанѣ я уже свернула на неизвѣстную дорогу и только въ Ордоѣ, Шань-си и Печки-ли вновь вступилъ на издавна протоптанные пути. Изъ Пекина въ Кяхту я проѣхалъ по Монголіи и затѣмъ черезъ Сибирь посѣщалъ на родину.

Изъ другихъ отступлений отъ проектировавшаго плана экспедицій упомяну еще, что въ послѣднюю минуту я рѣшилъ справиться одинъ, частью ради лучшаго употребленія суммъ, предоставленныхъ мнѣ мое распоряженіе, частью ради того, чтобы не связывать себя рукъ во время путешествія: другой человекъ, можетъ быть, не захотѣлъ-бы такъ рисковать жизнью, или подвергать себя такимъ лишениямъ, съ которыми уже примиренъ я.

Какъ я уже упоминалъ, трудно заранѣе начертить полный и подробный планъ экспедицій, охватывающей такой огромный районъ; можно набросать и осуществить его лишь въ общихъ чертахъ, разумно подчинивъ силѣ обстоятельствъ. Вышего того, чтобы, какъ я полагаю вначалѣ, совершить экспедицію въ одинъ пріѣздъ, я нашелъ болѣе удобнымъ раздѣлить ее на нѣсколько отдѣльныхъ большихъ экскурсій, что мнѣ и удалось, благодаря безграничному гостепримству, оказанному мнѣ русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Кашгарѣ, статскимъ совѣтникомъ Петровскимъ, который за свои неоцінимыя услуги моему предпріятію былъ особенно отличенъ королемъ.

Пройдя зимою и весной 1894 года черезъ Памиръ, и предпринявъ изъ Кашгара въ теченіе лѣта и осени новое путешествіе въ восточный и средней Памиръ; весной и лѣтомъ 1895 г. изъ Кашгара же путешествіе черезъ пустыню Такламаканъ и сѣверную часть Восточнаго Туркестана, и затѣмъ еще лѣтомъ и осенью того-же года — опять таки изъ Кашгара — третье путешествіе въ восточный и южный Памиръ. Такимъ-же исходнымъ пунктомъ я сдѣлалъ позже Хотанъ; въ началѣ 1896 г. я началъ отсюда большое путешествіе вокругъ Восточнаго Туркестана и къ Лобъ-нору, и только, оставивъ Хотанъ въ концѣ іюня 1896 г., я въ серіезъ сжегъ

свои корабли, отрѣзая себѣ всякую возможность связи съ западной областью, имѣя впереди надежду вновь скрѣпить порванную связь лишь на крайнемъ восточномъ пунктѣ — въ Пекинѣ. Такой приемъ сдѣлалъ все путешествие болѣе длиннымъ и продолжительнымъ, но за то и результаты вышли гораздо богаче, и послѣ каждого путешествія я могъ, благодаря русской почтѣ, отправить домой много материаловъ. Словомъ, я думаю, что не нарушая скромности, могу признаться, что съ удонольствиемъ озираюсь на многое, сдѣланное во время этихъ путешествій: географическія открытія и разрѣшеніе вопросовъ, давно бывшихъ предметомъ общаго мыслей между географами.

Вообще мысль — разбить мою экспедицію на нѣсколько отдѣльныхъ была счастливою. Послѣ каждой такой экспедиціи я имѣлъ возможность отдохнуть отъ перенесенныхъ трудовъ и набраться силъ для новой, могъ отчетливо разработать добытые результаты и подготовиться къ работѣ, ожидавшей меня въ слѣдующей экспедиціи; такимъ образомъ я каждый разъ выступалъ въ путь, имѣя въ виду новую цѣль и руководясь новой точкой зрѣнія.

Въ описаніи моихъ путешествій, которое здѣсь предлагается публикѣ, я старался обрисовать все, что сохранила моя память или впечатлѣній, полученныхъ мною во время этого долгаго одинокаго странствія по нѣдрамъ Азіи. Само собою, что отчетъ о путешествіи, длившемся въ общей сложности 3½ года, слишкомъ обширенъ для обыкновенной книги, и я думаю, что поступаю правильно, отдѣливъ чисто научную часть его отъ нѣющей общій интересъ и составившей содержаніе данной книги. Къ этой послѣдней части относится описаніе самаго путешествія, пройденныхъ областей, народовъ, съ которыми я сталкивался, и приключеній, которыя пришлось пережить мнѣ и моимъ людямъ въ этихъ необитаемыхъ и неизвѣстныхъ областяхъ. Чисто-же научная часть отчета, имѣющая болѣе специальный интересъ и требующая болѣе значительнаго срока для разработки, составить отдѣльное изданіе.

Благодаря щедрой помощи его величества короли оказалось нетрудно собрать неисчисленную мною на расходы сумму въ 80,000 кронъ. Болѣе половины было дано королевемъ, семействомъ Нобель и меценатами Гётеборга черезъ посредство

оберъ-интенданта Востина. Остальная сума покрылась пожертвованиями, сдѣланными бывшимъ канцлеромъ барономъ Овергельмъ, коммерсантомъ Е. Седерлуидъ, г-жей Эммою Бенедиксъ, камергеромъ Трешонъ, архитекторомъ Андерсонъ, г-жей Кларой Шаритъ, коммерсантомъ I. Бейстрёмъ, г. ф. Платенъ, генеральнымъ консуломъ Давидсонъ, шталмейстеромъ Сигеръ и директоромъ Карломъ Робертомъ Ламмъ. Пятеро изъ этихъ жертвователей уже умерли; остальнымъ приношу здѣсь горячую и почтительную благодарность.

Прибыть въ Пекинъ, я долженъ былъ, однако, сдѣлать заемъ въ 4,000 кронъ, такъ что всѣ расходы по экспедиціи, включая и приборы и снаряженіе, достигли 34,000 кронъ.

Изъ пожертвованій вещами, съ благодарностью отмѣчаю: двухстволку отъ инспектора В. Павль, штуцеръ express отъ генеральнаго консула I. В. Смитъ, алюминіевый краіометръ отъ профессора Раіусъ и искусственный горизонтъ отъ профессора барона Норденшльда.

Багажъ, взятый мною изъ Стокгольма, былъ не великъ, такъ какъ главное снаряженіе экспедиціи было предположено сдѣлать на азиатской почвѣ. У меня были съ собою слѣдующіе приборы: призма-циркуль (Vegeper) съ двумя горизонтами, два хронометра (одинъ Гродегма изъ шведской королевской академіи наукъ, выданный подъ залогъ 600 кронъ, и другой Верена, выданный мнѣ изъ Ташкентской обсерваторіи безъ всякаго залога), три французскихъ анероида, множество термометровъ, и другихъ метеорологическихъ приборовъ отъ Фуоса (между прочимъ, также инсоляціонный термометръ, психрометры, термометры спиртовые, максимальные и минимальные, одинъ гипсометръ съ тремя термометрами; затѣмъ топографскій станокъ съ дигитромъ, бусоли и компасы — все отъ Берга въ Стокгольмѣ; Ватсоновская камера и Нестановскій кодакъ съ полнымъ ассортиментомъ пластинокъ и проч. принадлежностей — все отъ Свена Шоландера; двое обыкновенныхъ часовъ, полевой бинокль и другой маленький алюминіевый, около 40 паръ очковъ простыхъ и отъ сибирскаго блеска, наконецъ, геологическіе молотки, шпательныя лопаты, краски, приборы для рисованія, альбомы для набросковъ, записная книжка и проч.

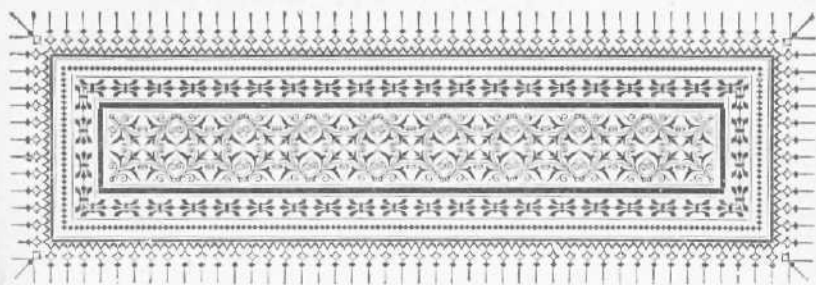
Вооруженіе состояло, во все время экспедиціи, изъ двухъ

вышеупомянутыхъ ружей, шведскаго офицерскаго револьвера, русской берданки и полудюймовыя револьверовъ (Смита и Вессона) и двухъ ящиковъ боевыхъ припасовъ.

Библіотека, разумѣется, была ограничена по возможности и состояла всего изъ нѣсколькихъ важныхъ справочно-научныхъ книгъ и библии; зато была вѣста самая полная коллекція маршрутовъ по внутренней Азіи и карты Памира, Гоби и Тибета, составленныхъ русскими и англичанами.

Снарядившись такимъ образомъ и зашепсавъ китайскимъ паспортомъ, который доставилъ мнѣ съ своей обычной готовностью посланникъ Рейгершъльдъ, оставилъ я въ почъ на 16 октября 1893 г. мой старый дорогой домъ въ Стокгольмѣ, и пароходъ „Фонъ Дабельнъ“ повесъ меня къ востоку къ неизвѣстнымъ пустынямъ.

Никогда не забуду я этого холоднаго мрачнаго осенняго вечера; тяжелыя тучи нависли надъ Стокгольмомъ, и скоро его огни исчезли изъ виду. Впереди меня ожидали болѣе тысячи и одной ночи одиночества и тоски; все, что было у меня дорогаго на землѣ, лежало позади, и эта первая ночь была самой горькой изъ всѣхъ; никогда уже больше я такъ не страдалъ отъ тоски по родинѣ, какъ именно тогда. Чувства эти пойметъ только тотъ, кто какъ и я, надолго покидалъ родину, вмѣи въ перспективѣ туманное, невѣдомое будущее. Съ другой стороны, весь свѣтъ лежалъ теперь передо мною открытымъ, и я имѣлъ твердое намѣреніе сдѣлать все, что только было въ моей власти, чтобы рѣшить поставленную мною самому себѣ задачу.

I.

Двѣ тысячи верстѣ въ тарантасѣ.

Безостановочный переѣздъ по желѣзной дорогѣ на разстояніи 2,116 верстѣ, отдѣляющихъ Оренбургъ отъ Петербурга, вещь не совсѣмъ-то пріятная, особенно въ такое время года, когда дождь, слякоть и вѣтеръ отнимаютъ у путешественника охоту пользоваться остановками на станціяхъ, чтобы прогуляться по платформѣ, а топка вагонныхъ печей или наполняетъ воздухъ зловоніемъ, или производитъ нестерпимую жару, что дѣлаетъ пребываніе въ купѣ не всегда сноснымъ. Четверо сутокъ, понадобившихся, чтобы проѣхать черезъ Европейскую Россію, не показались, однако, ни долгими, ни утомительными. За Москвой всегда можно быть увѣреннымъ въ просторномъ дорожномъ помѣщеніи, можно устроить себѣ уютный уголокъ въ купѣ и спокойно любоваться изъ окна безконечными степями и полями Россіи. Покуриваешь себѣ трубочку, время отъ времени выпьешь стаканъ горячаго чаю, слѣдишь по картѣ, смотришь, какъ мелькаютъ одна за другою губерніи, и коротаешь время въ бесѣдѣ. Разговоръ со спутниками считается въ Россіи самымъ обычнымъ дѣломъ, и если нѣтъ другого предлога для вступленія въ разговоръ, то всегда можно спросить сосѣда, куда онъ ѣдетъ. Мои спутники большею частью направлялись въ разные сосѣдніе города: Рязань, Пензу, Самару и др. и, получая въ отвѣтъ на вопросъ: куда ѣду я, — „въ Пекинъ“, не мало изумлялись и часто даже, по видимому, не вполне ясно представляли себѣ, гдѣ собственно находится такой городъ.

Безконечныя степи, пахотныя поля, бородатые крестьяне въ мѣховыхъ шапкахъ и длинныхъ полушубкахъ, бѣлыя церкви съ зелеными маковками, избушки, вѣтряныя мельницы, которыя, по крайней мѣрѣ въ то время, не имѣли недостатка въ вѣтрѣ — вотъ картины, представлявшіяся мнѣ изъ окна вагона. Часъ за часомъ, день за днемъ тѣ-же самыя картины, и только къ востоку отъ Тамбова паровой конь понесъ насъ черезъ низкій лѣсъ, изъ котораго кое-гдѣ высывались лишь макушки сосенъ.

Такъ проносились мы на востокъ черезъ губерніи Рязань-

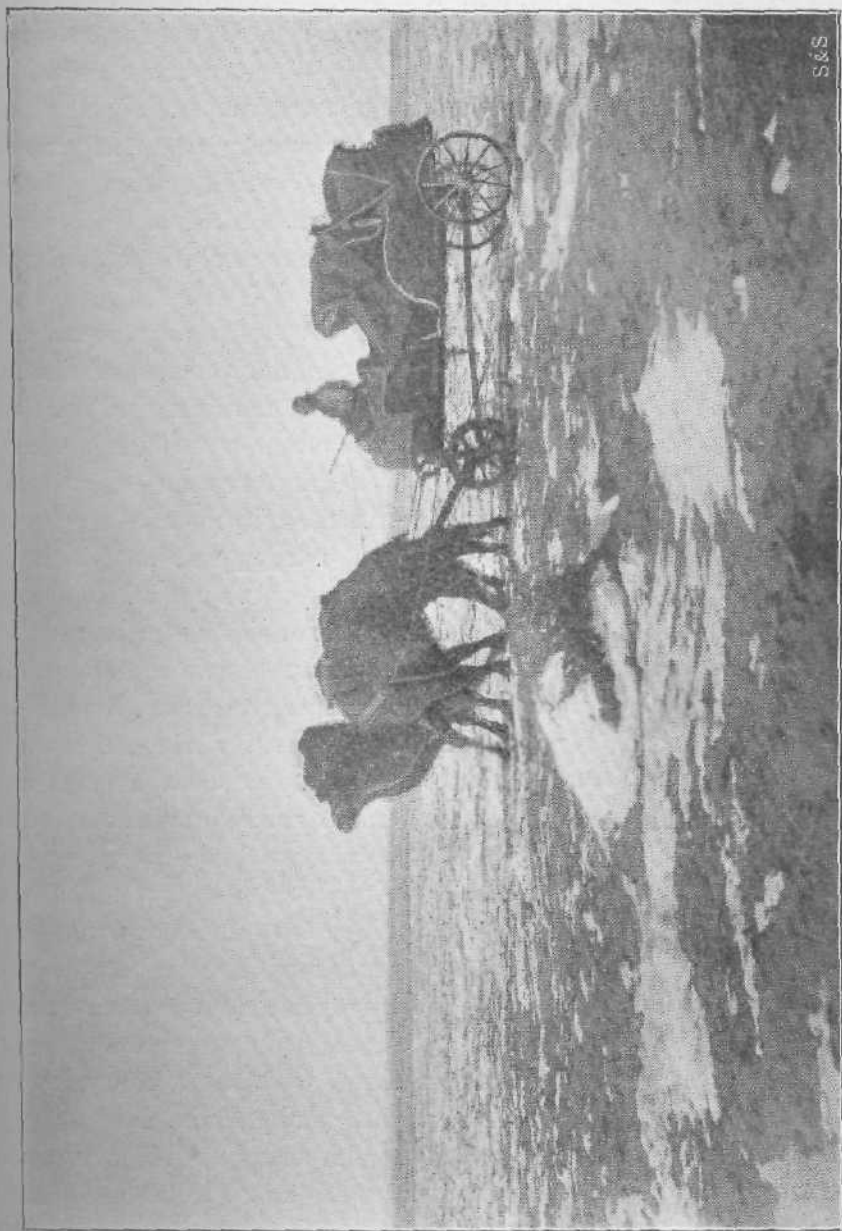

Улица въ Ташкентѣ.

(Съ фотографіи автора).

скую, Тамбовскую, Пензенскую, Саратовскую и Симбирскую, пока, наконецъ, около Сызрани достигли величайшей европейской рѣки, черезъ которую перекинутъ одинъ изъ длиннѣйшихъ мостовъ въ свѣтѣ, длиною въ 1,484 метра. Волга похожа здѣсь скорѣе на море, чѣмъ на рѣку; другой берегъ ея исчезаетъ въ туманѣ; мутныя, темныя волны ея катятся очень медленно подъ гигантскими пролетами желѣзнаго моста. Рѣка здѣсь такъ-же безжизненна, какъ и область, по которой она протекаетъ; виднѣются только нѣсколько яликовъ, да стоящій на якорѣ колесный пароходъ.

А затѣмъ мы опять несемъ по однообразной степи. На

Мой тарантасъ заложень тремя верблюдами.
(Съ фотографіи актора).

границѣ между Самарской и Оренбургской губерніей знакомимся съ югозападными отрогами Урала; мѣстность становится здѣсь болѣе пересѣченной, и желѣзная дорога часто бѣжитъ по кривой линіи между холмами. Вдоль большихъ пространствъ по желѣзнодорожной линіи воздвинуты заборы, которые защищаютъ плотно отъ заносовъ зимою. Чѣмъ дальше подвигаешься къ востоку, тѣмъ пустыньѣ становится мѣстность; лишь около станцій увидишь людей, да въ степяхъ рѣдкій разъ стада рогатаго скота, овецъ и козъ. Небо сѣрое и хмурое, поля желтѣютъ поблекшею травой. Такова сопредѣльная Азія область Европы.

По прошествіи этихъ четырехъ сутокъ, порядкомъ разбитый прибылъ я въ главный городъ края и резиденцію губернатора Оренбургъ, расположенный близъ впаденія р. Самары въ Уралъ. Городъ представляетъ мало интереснаго. Красивыя церкви, изъ которыхъ самая большая — Казанскій соборъ еще не совѣмъ оконченный, и низенькіе каменные домики, расположенные по бокамъ широкихъ, но немощенныхъ улицъ, на которыхъ можно утонуть въ грязи. На окраинахъ-же города можно любоваться чисто азіатскими картинами; тамъ раскинули свои торговыя палатки подъ открытымъ небомъ или въ низенькихъ сараяхъ татары и киргизы. Въ одномъ мѣстѣ продаютъ всевозможныя телѣжки, телѣги, брички и тарантасы, которые, большею частью, привозятся сюда изъ Уфы, въ другомъ — сѣно, наваленное громадными копнами на сани, запряженныя верблюдами, въ третьемъ — лошадей, рогатый скотъ, овецъ, куръ, гусей, индѣекъ и другую живность. Изъ 56,000 жителей Оренбурга около 8,000 мусульманъ; большинство изъ нихъ татары, остальные башкиры и киргизы. Главная татарская мечеть, воздвигнутая на средства одного богатаго купца, очень красива. Между магометанами замѣтно кромѣ того много купцовъ изъ Хивы и Бухары, торгующихъ хлопкомъ, который вывозится изъ Средней Азіи.

Въ Оренбургѣ стоитъ въ военное время 18 казачьихъ полковъ, въ мирное 6; въ каждомъ около 1,000 человекъ. Службу казаки несутъ въ мирное время по очереди, такъ что подъ ружьемъ всегда только 6 полковъ, смѣняющихся каждые 3 года. Остальные 12 обрабатываютъ въ свободный отъ службы ерокъ свою землю, отведенную имъ отъ казны въ вознагра-

ждёніе за службу. Отъ казны-же полагается имъ огнестрѣльное оружіе, а обмундировка и лошади у нихъ свои. Неисущіе нынѣ службу очередные 6 полковъ расквартированы въ Ташкентѣ, Новомъ Маргеланѣ, Петро-Александровскѣ, Кіевѣ, Варшавѣ и Харьковѣ. Оренбургское казачество представляетъ всегда значительную силу и численностью уступаетъ лишь Донскому и Кубанскому. Уральское казачество состояло во время моего пребыванія въ Россіи только изъ трехъ полковъ: одинъ находился въ Самаркандѣ и два на австрійской границѣ. Казаки эти — народъ зажиточный, такъ какъ имъ предоставлено исключительное право ловли рыбы въ нижнемъ теченіи Урала, и они воздвигли повыше своего главнаго города Уральска запруды, чтобы помѣшать стерлядямъ идти къ Оренбургу. Начальникъ казаковъ носитъ титулъ атамана. Атаманомъ оренбургскихъ казаковъ былъ при мнѣ генералъ Ершовъ, губернаторъ Оренбурга.

Если я прибавлю еще, что Оренбургъ расположенъ на рубежѣ Азіи, на самомъ крайнемъ восточномъ пунктѣ огромной Европейской Россіи, что въ немъ есть казармы, больница, богадѣльня, школы, гостинница, носящая характерное названіе „Европа“, театръ, гдѣ какъ разъ при мнѣ давали Тургенева и Ибсена, что въ немъ имѣетъ свое пребываніе губернаторъ, вице-губернаторъ и военный губернаторъ Тургайской области (между рѣкой Ураломъ и Аральскимъ моремъ), — то, думаю, вотъ и все достопримѣчательное, что можно найти въ этомъ городѣ. Климатъ здѣсь вполнѣ континентальный; лѣтомъ стоитъ удушливый зной, бездождіе и пылица. Зимой температура падаетъ часто до -40° , холодъ этотъ бываетъ, однако, не особенно чувствителенъ, такъ какъ обыкновенно при этомъ нѣтъ вѣтра. Время отъ времени поднимаются бураны, наметающіе такіе огромнѣйшіе сугробы снѣга на улицахъ, что иногда по цѣлымъ днямъ нельзя выйти изъ дому, — съ уборкой снѣга здѣсь не такъ-то спѣшать. Зато санный путь стоитъ тогда превосходный; отличныя черныя лошади бойко мчатся по улицамъ, и санки подъ звонъ бубенчиковъ скользятъ по снѣгу съ легкостью перышка. Весною и осенью погода очень непостоянна, выпадаетъ много атмосферныхъ осадковъ, и улицы превращаются въ настоящія болота.

Разстояніе отъ Петербурга до Оренбурга равняется, какъ

сказано, 225 шведскимъ милямъ; между Оренбургомъ и Ташкентомъ — 208 мил. (1,956 в.), и мнѣ предстояло, слѣдовательно, сдѣлать почти такой-же путь въ экипажѣ, какой я сдѣлалъ по желѣзной дорогѣ въ четверо сутокъ: двѣ тысячи килом. въ тарантасѣ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, по каменистымъ, размытымъ, или занесеннымъ снѣгомъ дорогамъ, черезъ степныя пустынные области! Я нѣсколько побаивался такой дороги, почти равняющейя по разстоянію прямому пути отъ Нордкапа черезъ Стокгольмъ и Мальмё до Рюгена, пути отъ Стокгольма до Рима, отъ Берлина до Алжира, или отъ Иерусалима до Хартума. Но желѣзная дорога до Самарканда не представляла уже для меня новизны, и къ тому-же мнѣ хотѣлось воспользоваться случаемъ увидать безграничныя киргизскія степи и киргизскую пустыню Кара-Кумъ (Черный песокъ), чтобы убѣдиться въ соотвѣтственности ея туркменскаго прозвища.

Можно, если угодно, ѣхать въ почтовомъ экипажѣ, но тогда надо мѣнять его на каждой станціи, а такъ какъ этихъ станцій 96, то можно представить себѣ, сколько потеряешь времени и трудовъ на перекладку багажа. Лучше всего поэтому въ самомъ началѣ поѣздки купить собственный тарантасъ, устроиться въ немъ на все время пути какъ можно удобнѣе со всѣми своими войлоками, коврами и тулупами, — тарантасъ не имѣетъ ни сидѣнья, ни рессоръ — и тогда знай только мѣняй лошадей на станціяхъ.

Передъ отъѣздомъ надо запастись разными необходимыми вещами, прежде всего провизіей, потому что на станціяхъ не найдешь въ большинствѣ случаевъ ничего съѣдобнаго; только самоваръ за 15 копѣекъ всегда къ услугамъ путешественника, да иной разъ можно приобрѣсти кусокъ чернаго хлѣба. Затѣмъ надо запастись веревками, бичевками, гвоздями, гайками и тому подобными предметами, на случай неизбежной поломки экипажа, а также смазкой, такъ какъ на каждой третьей станціи необходимо смазывать оси, чтобы онѣ не загорѣлись. Покидая Оренбургъ, разомъ расстаешься со всякой цивилизаціей и, углубляясь на востокъ, оказываешься всецѣло предоставленнымъ самому себѣ.

Первыя 28 миль мы ѣхали еще по европейской почвѣ, по Оренбургской губерніи; слѣдующія 50 по Тургайской области, а остальные по Сыръ-Дарьинской вдоль Аральскаго

моря и Яксарта. Дорога лежитъ на 6 маленькихъ городовъ: Орскъ, Иргизъ, Казалинскъ, Перовскъ, Туркестанъ и Чимкентъ; проѣзжали также много селеній, но обыкновенно бѣленькіе станціонные домики съ четырехугольнымъ дворомъ для лошадей и экипажей лежали среди чистаго поля или много много по сосѣдству отъ какого-нибудь киргизскаго зимняго аула. Попадавшіяся въ глубинѣ степей станціи были болѣе чѣмъ примитивнаго устройства; иногда онѣ состояли просто изъ киргизской юрты, обнесенной изгородью изъ тростника и сучьевъ. Но даже такія юрты, какъ и вообще помѣщенія для проѣзжихъ на почтовыхъ станціяхъ, украшены портретомъ

Видъ магометанской части г. Ташкента.

(Съ фотографіи автора).

царя и снабжены кожанымъ диваномъ, стульями и столомъ. Въ углу виситъ икона съ лампадкой, а на столѣ лежитъ евангеліе для пользованія проѣзжихъ. Между Оренбургомъ и Орскомъ на всѣхъ станціяхъ имѣются библіи, пожертвованныя великимъ Пржевальскимъ.

Станціонные смотрителя (старосты или старшины), величаемые также писцами или писарями, всегда изъ русскихъ и коротаютъ здѣсь свою ужасающе однообразную жизнь со своими семействами. Единственное, что нарушаетъ это вѣчное однообразіе — прибытіе почты или проѣзжаго въ грохочущемъ тарантасѣ. Но такое сопрیکосновеніе съ внѣшнимъ

міромъ обыкновенно лишь мимолетно; проѣзжіи сѣдлать выѣхать изъ этого уединеннаго двора, приказываетъ закладывать свѣжихъ лошадей, пьеть чай, пока ихъ запрягаютъ, и затѣмъ мчится дальше.

Старосты получаютъ отъ 150 до 280 рублей въ годъ жалованья; въ ихъ распоряженіи четыре ямщика, почти всегда изъ татаръ или киргизовъ. Жребій послѣднихъ еще менѣе завиденъ: во всякое время, во всякую погоду будь готовъ сѣсть на козлы и направить свою тройку по дорогѣ, изъѣзженной взадъ и впередъ тысячи разъ въ дождь и въ темень, въ вѣдро и въ бурю,

Въ тарантастъ заложили пятерикъ.

(Съ фотографіи автора).

въ морозъ и въюгу. Спятъ ямщики, когда придется, и поэтому охотно прощаешь имъ, если они иной разъ, слѣдуя примѣру проѣзжаго, тоже начинаютъ клевать носомъ. Ямщики получаютъ отъ 60 до 65 рублей въ годъ, и пудъ или полтора пуда хлѣба и полбарана въ мѣсяцъ. Провизію и другіе, нужные для станціи запасы доставляетъ особый человекъ, который въ известное время объѣзжаетъ съ этой цѣлью весь почтовый трактъ.

Почтовый трактъ между Оренбургомъ и Ташкентомъ содержится частными лицами. На станціяхъ между Оренбургомъ и Орскомъ не уплачиваютъ никакого государственнаго сбора, такъ какъ каждый станціонный смотритель является

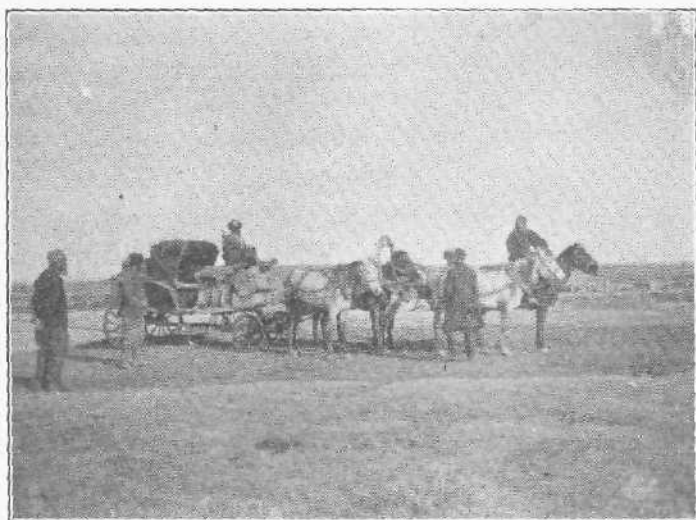
хозяиномъ лошадей и экипажей; но на тракѣ отъ Токана до Тереклы, содержимомъ оренбургскимъ купцомъ Мякиновымъ, надо на каждой станціи платить государственнѣйшій сборъ — по 10 к. съ лошади. Въ Токанѣ уплачивается въ пользу Мякинова сполна вся сумма за проѣздъ до Тереклы. Отъ этого мѣста до Ташкента содержитъ почтовый трактъ ташкентскій купецъ Ивановъ; онъ же содержитъ смотрителей, ямщиковъ, лошадей и экипажи и за то собираетъ весь доходъ, получаемый съ проѣзжихъ, уплачивающихъ на одной изъ конечныхъ станцій за проѣздъ по всему тракту.

Повсюду слышались разговоры о „добромъ старомъ времени“, когда этотъ путь служилъ единственной дорогой въ русскій Туркестанъ, когда по нему проѣзжала масса людей, и на каждой станціи держалось по 9—10 троекъ. Съ походомъ Скобелева противъ туркменъ и постройкой Анненковымъ желѣзной дороги, завелись новые порядки. Главная почта въ Ташкентъ и многочисленные проѣзжіе предпочитаютъ болѣе быстрый, дешевый и удобный способъ сообщенія по желѣзной дорогѣ, и старый почтовый трактъ, идущій черезъ киргизскія степи, пришелъ въ упадокъ. Проѣзжіе стали здѣсь диковинкой, города потеряли значеніе и обѣднѣли, торговля сношенія между Туркестаномъ и Россіей упали, число каравановъ, возившихъ въ Оренбургъ шерсть и хлопокъ, сильно убавилось, и только ради мѣстной почты, да политическихъ и стратегическихъ соображеній не упраздняютъ этого тракта совсѣмъ.

Во время моего пребыванія въ Оренбургѣ, вице-губернаторъ, генералъ Ломачевскій, предоставилъ въ мое распоряженіе одного стараго почтеннаго чиновника, который прослужилъ въ городѣ 45 лѣтъ. Съ его помощью мнѣ и удалось снарядиться въ путь-дорогу хорошо и дешево. Такъ купили мы совершенно новый большой и прочный тарантасъ съ толстыми желѣзными шинами на колесахъ, за 75 рублей. Впослѣдствіи я продалъ его въ Маргеланѣ за 50 р. Въ тарантасъ безъ труда умѣстился я самъ и весь мой багажъ (около 300 килогр.); отнынѣ этому экипажу предстояло служить моимъ постояннымъ жилищемъ въ продолженіи 19 сутокъ непрерывно.

14 ноября въ Оренбургѣ разразился первый зимній бурянь, и термометръ въ полдень показывалъ —6° Ц. Но такъ

какъ все у меня было готово, то я и не захотѣлъ откладывать отъѣзда. И вотъ принялись обшивать рогожами чемоданы и ящики съ разными припасами, привязывать ихъ крѣпкими веревками, частью сзади тарантаса, частью передъ козлами; мѣшки, въ которыхъ могла явиться надобность въ дорогѣ, фотографическіе аппараты, провизія, а также войлоки, ковры, подушки и шубы укладывались въ середину тарантаса; все основательно смазали и запрягли первую тройку. Уладилось все только къ вечеру, и я, привѣтствуемый на прощанье любезнѣйшимъ генераломъ Ломачевскимъ и всѣми обитателями

Тарантасъ готовъ выѣхать.

(Съ фотографіи автора).

гостиницы, наконецъ, отправился. Тяжелый тарантасъ съ грохотомъ выѣхалъ изъ воротъ; звонъ бубенчиковъ будилъ веселое эхо въ улицахъ Оренбурга. Когда стемнѣло, мы были уже въ степи; вѣтеръ гудѣлъ и свисталъ вокругъ кожаннаго фартука и поднятаго верха тарантаса и часто гналъ намъ въ лицо цѣлыя облака мелкой снѣжной пыли. Мало-по-малу вѣтеръ, однако улегся, и звѣзды озарили тонкій снѣжный покровъ, покрывавшій пространство вокругъ.

Въ Нѣжинской меня нагнала почта, которая два раза въ недѣлю ходитъ въ Ташкентъ; такъ какъ она поддерживаетъ лишь мѣстное сообщеніе, то и занимала всего двѣ тройки;

багажъ ея, однако, достигалъ 52 пудовъ. Первый почтальонъ провожаетъ почту лишь до Орска, откуда ѣдетъ съ нею другой до Иргиза, третій до Казалинска, четвертый до Перовска, пятый до Туркестана и шестой до Ташкента. Мы рѣшили ѣхать въ компанію до Орска, и три нарядныя тройки выѣхали, послѣ недолгаго отдыха на станціи, вмѣстѣ. Дорога на Каменноозерную была холмиста и тяжела для лошадей, затѣмъ стала ровнѣе, снѣгъ растаялъ, и почва мѣстами обилужилась.

По дорогѣ на Гирьяльскую мы встрѣтили первыхъ путни-

Киргизы верхомъ на верблюдахъ въ степи.

(Съ фотографіи автора).

ковъ. Это былъ караванъ во сто верблюдовъ, представлявшій весьма живописное зрѣлище среди этого пустынного ландшафта. Гнали верблюдовъ киргизы, а навьючены верблюды были хлопкомъ, который везли изъ Орска въ Оренбургъ. Тутъ у одной изъ почтовыхъ телѣгъ лопнула ось, и телѣга остановилась. Отъ тряски и тренія развязался также мой багажъ, и пришлось перевязывать его. Небо хмурилось, было вѣтряно, но снѣга не выпадало; морозъ стоялъ — 2,5°. Рѣка Уралъ еще не показывалась, но мы переѣхали по деревяннымъ мостамъ черезъ нѣсколько ея притоковъ. По тракту расположены небольшія казачьи станицы съ гарнизонами оренбургскихъ казаковъ.

На Красногорской, куда мы прибыли на зарѣ, мы остановились позавтракать. Старикъ почтальонъ, коренастый, высокій, бородатый русакъ, жаловался мнѣ, что, по случаю поста, нельзя ѣсть ничего мясного, кромѣ рыбы, — все запрещено, и былъ очень пріятно пораженъ, когда я предложилъ ему коробку съ консервированной стерлядью. Покончилъ онъ съ нею невѣроятно быстро и впродолженіи $\frac{3}{4}$ часа выпилъ 11 стакановъ чаю. Онъ сообщилъ мнѣ, что втеченіе 20 лѣтъ 30 разъ въ годъ совершаетъ переѣздъ между Оренбургомъ и Орскомъ; выходитъ, что онъ проѣхалъ за это время пространство на тысячу миль длиннѣе, нежели отдѣляющее землю отъ луны.

Въ Верхнеозерной, въ большомъ прекрасно расположенномъ городѣ съ церковью посреди, женщины продаютъ шали изъ козьей шерсти, похожія на кашмирскія, — ихъ тоже можно, свернувъ, продѣть въ кольцо.

Все степь, да степь! Вдали видны горы; дорога идетъ вдоль замерзшаго, запорошеннаго снѣгомъ Урала. Кое-гдѣ виднѣются киргизскія юрты, но вообще кругомъ пустынно, разстоянія между станціями огромныя; однообразная тряска по твердой замерзшей дорогѣ и монотонное позвякиванье бубенчиковъ нагоняетъ дремоту.

Около Подгорной мѣстность становится пересѣченной; на слѣдующемъ перегонѣ начинается подъемъ на Губерлинскія горы, и намъ пришлось ѣхать на четверкѣ съ холма на холмъ. Два раза переѣзжали широкую рѣку Губерлю. Между этими двумя станціями у одного русскаго офицера свалился подъ гору экипажъ, и ящикъ убился до смерти; послѣ того обрывы въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ обгородили столбиками.

Проѣзжая послѣднія станціи, мы встрѣчали многочисленныя стада рогатаго скота, который гнали въ Оренбургъ, а оттуда еще дальше, въглубь страны. Черезъ двое сутокъ мы прибыли въ Орскъ, городокъ съ 20,000 жителей, расположенный на лѣвомъ берегу Урала, и на правомъ берегу Ори. Лежитъ онъ такимъ образомъ уже на азіатской почвѣ, и, чтобы попасть туда, надо переѣхать черезъ величавый Ураль по узкому деревянному мосту. Дома выстроились вокругъ одинокаго возвышающагося надъ городомъ холма, на вершинѣ котораго высится каланча, гдѣ днемъ колокола звонко отбиваютъ часы, а ночью расхаживаетъ сторожъ, готовый затре-

звонить въ случаѣ, если гдѣ либо вспыхнетъ пожаръ. Съ каланчи открывается безпредѣльный видъ; вблизи виднѣются низкія горы; только на юго-востокѣ, гдѣ идетъ дорога на Ташкентъ, мѣстность представляется ровной.

Между р. Ураломъ и холмомъ раскинулась та часть Орска, гдѣ находится церковь, всѣ административныя учрежденія, школы, почта, телеграфъ и базары и гдѣ живутъ купцы и зажиточные граждане; на югъ отъ холма ютятся жилища бѣдняковъ, крестьянъ, татаръ и киргизовъ.

Хотѣли было возвести на холмѣ городской соборъ, заложили уже фундаментъ, но средствъ не хватило, и работы приостановились. Соборъ этотъ былъ-бы виденъ издалека и со стороны Европы и со стороны Азии.

Весеннимъ разливомъ Урала иногда затопляетъ Орскъ. Рѣка разливается мѣстами въ видѣ обширныхъ озеръ, и горожане въ это время съ удивленіемъ наблюдаютъ со своего холма за обратившеюся въ море степью. Каждую весну ледоходъ ломаетъ деревянный мостъ, который поэтому и возобновляется ежегодно. Бываетъ, что почту приходится переправлять на паромахъ.

Между р. Ураломъ, Каспійскимъ моремъ, Аральскимъ, Сыръ-дарьей и Иртышемъ простирается громадная ровная Киргизская степь. Населеніе здѣсь кочующее и чрезвычайно рѣдкое; животныя и растенія водятся также въ очень небольшомъ количествѣ. Волки, лисицы, антилопы, зайцы и проч. рыщутъ по безконечному пространству; колючія степныя растенія съ трудомъ выдерживаютъ борьбу съ суровой природой. Тамъ, гдѣ почва сыра, растутъ непроходимыми чащами камышъ или тростникъ, и даже въ самыхъ сухихъ песчаныхъ мѣстахъ растутъ косматыми кустами саксаулъ (*anabasis ammodendron*), достигая иногда въ вышину даже 2 метровъ. Его твердые, какъ кость, корни, необычайной длины представляютъ наилучшее топливо; киргизы и запасаются ими на зиму съ осени. Около каждаго аула можно найти настоящія горы такихъ корней, а ще рѣдко попадаются и цѣлые караваны, навьюченные ими.

Степь тамъ и сямъ орошается ручейками, которые къ осени обыкновенно пересыхаютъ; они впадаютъ въ небольшія соленоводныя озера, на берегахъ которыхъ весною и осенью

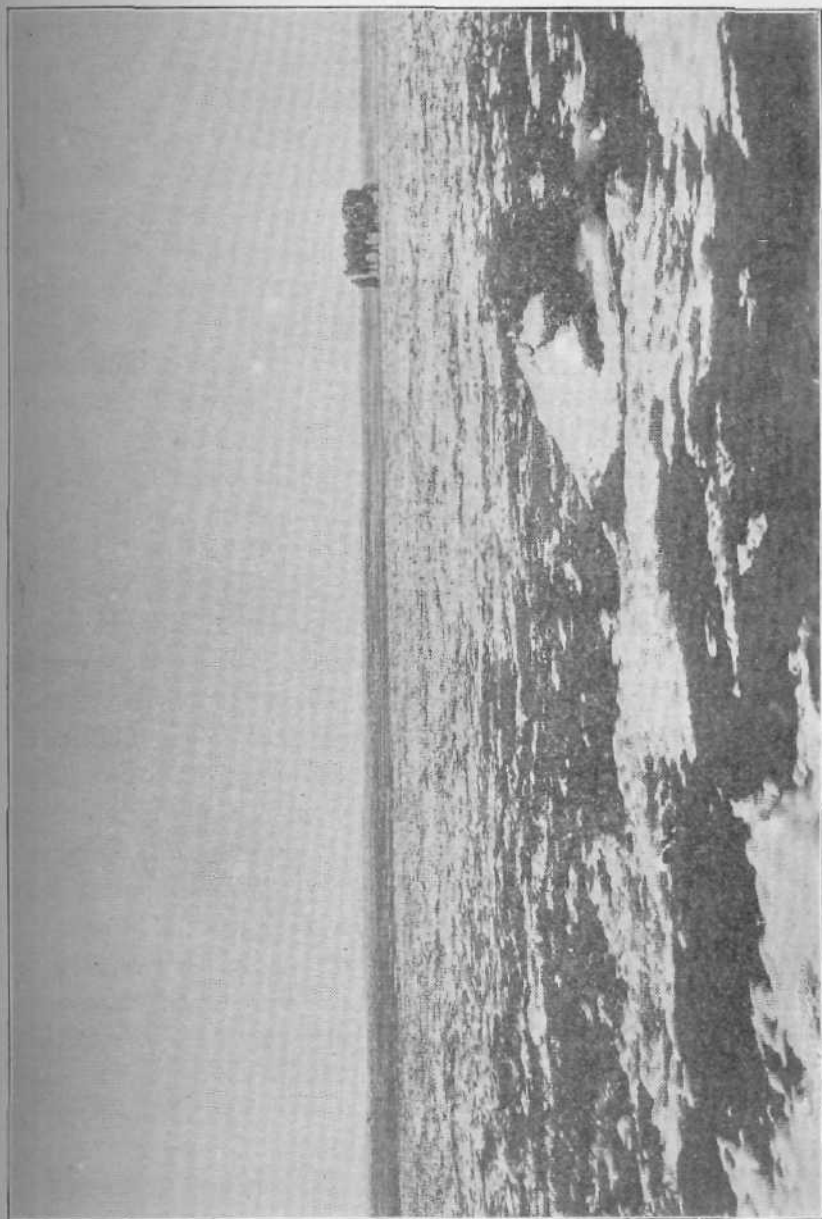
останавливаются пролетомъ безчисленныя массы перелетныхъ птицъ. У источниковъ киргизы разбиваютъ свои кочевья, состоящія изъ черныхъ войлочныхъ юртъ и навѣса изъ камыша. Зимнія-же жилища бываютъ обыкновенно сбиты изъ глины или земли. Лѣтомъ киргизы направляются со своими большими стадами къ сѣверу, чтобы спастись отъ зноя и найти пастбища, невыжженные солнцемъ. Многіе киргизы имѣютъ по 3,000 головъ овецъ, и 500 головъ лошадей, и считаются богачами. Зимой въ сѣверномъ Тургаѣ свирѣпствуютъ сильныя холода, въ январѣ и февралѣ постоянныя бураны; киргизы отыскиваютъ тогда свои старыя зимніе поселки и держатъ овецъ ради защиты отъ вьюгъ въ особыхъ загонахъ изъ тростника. Однимъ словомъ, климатъ здѣсь типично континентальный.

Киргизы полудикій, но способный, здоровый и добродушный народъ. Они любятъ величать себя „кайсаками“, т. е. храбрецами, молодцами, довольны своей одинокой жизнью въ степяхъ, предпочитаютъ всему на свѣтѣ свободу, не любятъ подчиняться и презираютъ тѣхъ, кто живетъ въ городахъ или занимается земледѣліемъ. Борьбу за существованіе имъ приходится вести тяжелую; главнымъ источникомъ благосостоянія служить для киргизовъ скотъ, снабжающій ихъ и пищей и одеждой; скудная растительность и самая земля доставляютъ имъ матеріалъ для возведенія жилья, а длинныя долго тлѣющіе корни саксаула защиту отъ холода. Языкъ киргизовъ не особенно богатъ, и они въ разговорѣ часто дополняютъ слова оживленной жестикуляціей.

Киргизы страстно любятъ свою пустынную степь, гдѣ жили вольною жизнью ихъ родичи; они находятъ степь прекрасной и полною прелести разнообразія, между тѣмъ какъ чужестранецъ тщетно ищетъ здѣсь на чемъ-бы остановить утомленный ея однообразіемъ взоръ. Правда, что степь, какъ и море, величественна и производитъ подавляющее впечатлѣніе, но она такъ тоскливо-однообразна! Я несся день и ночь съ головокружительной быстротой, но виды вокругъ оставались все тѣ-же; тарантасъ попрежнему былъ центромъ громаднаго пространства съ недостигаемымъ горизонтомъ, который ясно позволялъ угадывать шарообразную форму земли.

Только весной можетъ вынести чужой путникъ насла-

жденіе изъ путешествія по этимъ мѣстамъ; весною воздухъ бываетъ напоенъ чуднымъ благоуханіемъ, растительность

Киргизская степь на восточномъ берегу Аральскаго моря.
(Съ фотографіи автора).

развертывается съ необычайной мощью, точно торопясь воспользоваться короткимъ срокомъ, пока жгучее лѣтнее солнце не высушитъ и не сожжетъ всего.

Въ силу самой окружающей природы, можно было ожидать найти у киргизовъ сильно развитыя и утонченныя чутье мѣстности и зрѣніе. Такъ оно и есть. Тамъ, гдѣ чужому путнику мѣстность втеченіе многихъ дней пути представляется совершенно ровною, голой безъ примѣтки, безъ всякихъ слѣдовъ дороги, киргизъ даже ночью ориентуруется съ поразительной увѣренностью. Дорогу указываютъ ему не однѣ звѣзды, — онъ знаетъ каждый кустъ, каждый камешекъ, примѣчаетъ всѣ мѣста, гдѣ кочки расположены рѣже или чаще обыкновеннаго, замѣчаетъ всѣ малѣйшія неровности почвы, которыхъ европеецъ не можетъ открыть безъ помощи особыхъ приборовъ. Киргизъ различаетъ масть лошади, показавшейся на горизонтѣ, куда раньше, чѣмъ чужой путникъ, при всемъ своемъ стараніи, вообще рассмотреть что-либо. Киргизъ опредѣлитъ — приближается или удаляется какая нибудь повозка, которая путнику даже въ хорошій бинокль кажется лишь черною точкою. Я вообще не разъ имѣлъ случай изумляться остротѣ зрѣнія и вѣрности чутья мѣстности у киргизовъ.

Въ Орскѣ багажъ еще разъ былъ уложенъ и перевязанъ снова, оси и колеса смазаны, и я опять залѣзъ въ середину моего катящагося дома; ящикъ свистнулъ, тройка рванулась, понеслась къ югу съ быстротой вѣтра и... прощай Европа! На первой станціи Токанѣ оплачивается сразу за проѣздъ по всему тракту до Джулюса (484 версты) 44 рубля; затѣмъ остается только на каждой станціи показывать квитанцію; между Оренбургомъ и Орскомъ (265 верстъ; плата 34 рубля) приходится платить на каждой станціи отдѣльно.

Отъ Орска почтовый трактъ лежитъ вдоль праваго берега рѣки Ори по чуть замѣтно пересѣченной мѣстности вплоть до станціи Бугаты-сай, по близости которой расположенъ зимній аулъ киргизовъ. Живутъ они въ войлочныхъ юртахъ, и низкихъ мазанкахъ, сбитыхъ изъ глины. Сарай для скота крыты соломой и камышомъ; въ этихъ-же сараяхъ хранится и часть домашняго скарба. Верблюды пасутся прямо въ степи. Киргизы, видимо, были не особенно довольны моимъ посѣщеніемъ, — я притащилъ съ собой оба фотографическіе аппарата — безпрестанно спрашивали, не стрѣляетъ-ли большой изъ нихъ и ни за что не согласились стать въ группу передъ

нимъ. Только посредствомъ маленькаго аппарата (кодака) удалось мнѣ увѣковѣчить нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Послѣ продолжительнаго отдыха мы покинули долину Ори. Снова началась пересѣченная мѣстность, кое-гдѣ покрытая снѣгомъ. Серебряный свѣтъ мѣсяца обливалъ пустынную степь; нигдѣ не было видно ни людей, ни слѣда зимняго поселка; кругомъ стояла мертвая тишина, нарушаемая только звономъ бубенчиковъ, окриками ямщика и хрустомъ снѣга подъ колесами тарантаса.

Станціонные домики похожи одинъ на другой, какъ капли воды: одноэтажный деревянный домъ обыкновенно выкрашенъ въ красную краску; посрединѣ фасада крылечко. По обѣ стороны крыльца стоять по столбу съ фонаремъ и по столбу съ надписью, указывающею разстояніе отъ обѣихъ смежныхъ станцій. Изъ передней попадаешь направо въ „писарскую“, налево въ комнату для проѣзжихъ, гдѣ стоять два дивана, два стола, нѣсколько стульевъ и большая печка, въ которой постоянно трещать сухіе степные кустарники. Неподалеку отъ дома обыкновенно возвышаются огромные стога сѣна и кучи такого сухого топлива. На большомъ, четырехугольномъ заднемъ дворѣ находятся разные экипажи и сани, конюшни и помѣщенія для ямщиковъ.

На станціи тамды я отдохнулъ нѣсколько часовъ ночью, и на слѣдующее утро увидалъ на льду ручья слѣды цѣлой стаи волковъ, которые были такъ смѣлы, что утащили трехъ гусей съ самаго почтоваго двора. Термометръ показывалъ -15.5° ; толстый слой снѣга такъ и хрустѣлъ подъ колесами, когда мы раннимъ утромъ отправились дальше. Каждая былинка въ степи одѣлась сверкающимъ инеемъ; морозъ чувствовался здоровый.

II.

Киргизская степь. Сыръ-дарья.

Первое русское мѣстечко на азіатской почвѣ — Кара-бутаекъ, маленькій городокъ, какъ и Римъ, расположенный на семи холмахъ, но по величинѣ-то нѣсколько уступающій

этому городу, такъ какъ состоитъ всего изъ 33 домовъ; живутъ въ немъ десятка три русскихъ, да сотня татаръ и нѣсколько киргизовъ. Значеніе Карабутакъ имѣетъ единственно, какъ фортъ, воздвигнутый 25 лѣтъ тому назадъ генераломъ Обручевымъ, чтобы сдерживать набѣги киргизовъ, которые тогда беспокоили русскую границу. Командуетъ фортъ „воинскій начальникъ“; у него 84 солдата. По его словамъ сидѣть въ такой пустынѣ не лучше, чѣмъ быть въ ссылке, и онъ не выдержитъ тутъ больше года. Единственными развлечениями служатъ чтеніе, обученіе солдатъ стрѣльбѣ и охота. Прежде, когда сюда ежедневно приходила почта, было иначе. Кругомъ разбросано много большихъ киргизскихъ ауловъ. До Иргиза вообще кочевій попадаются еще много, къ югу отъ этого города они становятся все рѣже и рѣже, и на границѣ пустыни Кара-кумъ совсѣмъ пропадаютъ.

Дорога на Иргизъ идетъ вдоль высохшей въ это время года рѣки Иргизъ, черезъ которую надо переѣхать между станціями Кумъ-сай и Кара-сай. День и ночь несли меня быстрыя почтовые лошади впередъ по однообразной степи. Я уже такъ свыкъся съ ѣздой въ тарантасѣ, что преспокойно спалъ по ночамъ между тулупами и войлоками, просыпаясь лишь тогда, когда тройка останавливалась на новой станціи, гдѣ я предъявлялъ старостѣ подорожную, и черезъ четверть часа мнѣ впрягали свѣжихъ лошадей. Впрочемъ, не очень-то пріятно такое пробужденіе, при 15° мороза; чувствуешь себя усталымъ, разбитымъ, съ оцепенѣвшими членами и жаждешь чаю. Наконецъ, надъ горизонтомъ встаетъ солнце, золотитъ степь, растапливаетъ иней, покрывшій за ночь траву своимъ тонкимъ бѣлымъ налетомъ, и отгоняетъ степныхъ волковъ отъ почтового тракта.

Еще нѣсколько станцій и мы въ Иргизѣ, расположенномъ на небольшомъ возвышеніи около рѣки того-же названія, которая дальше на востокъ впадаетъ въ соленое озеро Чалкаръ-тенисъ. Иргизъ — укрѣпленіе; комендантъ — уѣздный начальникъ. Въ мѣстечкѣ есть небольшая церковь; живетъ здѣсь, включая гарнизонъ, до тысячи душъ; самый гарнизонъ состоитъ изъ 150 чел.; изъ нихъ 70 — оренбургскіе казаки. Большинство жителей купцы — сарты, которые время отъ

времени приѣзжаютъ сюда вести мѣновую торговлю съ киргизами. Привозятъ они свои товары изъ Оренбурга, Москвы и Нижняго Новгорода. Иргизъ основанъ въ 1848 г. русскими и, слѣдовательно, какъ и Карабутахъ и Тургай, чисто русскій городъ. Основанъ онъ въ числѣ другихъ укрѣпленій, вскорѣ послѣ присоединенія къ Россіи киргизскихъ степей, совершившагося въ 1845 г. Въ административномъ отношеніи вся степь была сначала подчинена оренбургскому генералъ-губернатору, но затѣмъ, когда Оренбургъ сталъ губерніей, была подѣлена между Тургайской областью и Сыръ-дарьинской. До оккупации края русскими, Иргизъ назывался „Джаръ-мулла“ — „могила святаго у обрыва“ и имѣлъ значеніе только, какъ пунктъ паломничества киргизовъ и кладбище. Послѣ завоеванія Туркестана мѣстечко разрослось, какъ и другія мѣстечки на этомъ трактѣ, ставъ проходнымъ пунктомъ для большихъ каравановъ. Теперь послѣдніе заходятъ сюда рѣже, но при мѣ всетаки нѣсколько каравановъ останавливалось на привалъ около города. То обстоятельство, что на почтовомъ трактѣ почти никогда не встрѣчаешь каравановъ, объясняется тѣмъ, что они идутъ другими ближними путями. Самая оживленная мѣновая торговля происходитъ въ Троицкѣ и Уральскѣ, такъ какъ тамъ въ окрестностяхъ расположены аулы самыхъ богатыхъ кочевниковъ.

И вотъ, опять помчались во весь духъ. Часовъ около пяти солнце садится. Пурпурно-матовый отблескъ ложится на степь, когда свѣтило дня, пылая, точно раскаленное ядро, медлитъ съ минутой на дальнемъ краю горизонта. Вообще при солнечномъ закатѣ можно наблюдать самые разнообразныя свѣтовые эффе́кты, и часто бываешь введенъ въ самыя забавныя недоразумѣнія относительно разстоянія и величины предметовъ, такъ какъ тутъ нѣтъ никакого мѣрила для сравненія. Пара невинныхъ воронъ, болтающихъ неподалеку отъ дороги, представляется громадными верблюдами, какая-нибудь кочка — гѣнистымъ деревомъ. Когда солнце исчезаетъ, пурпуровая краска смѣняется фіолетовою и свѣтлоглубою, которая черезъ нѣсколько моментовъ переходитъ въ темныя тоны и, наконецъ, въ ночныя тѣни. Послѣднія, впрочемъ, не особенно темны, такъ какъ воздухъ чистъ и ясенъ, звѣзды блестятъ, словно электрическія лампочки, а

мѣсяць обливаешь родину киргизовъ серебромъ. Около Акъ-сая, 21-го ноября, въ часъ пополудни я наблюдалъ самую низкую температуру за все время моей поѣздки на лошадяхъ, а именно — $19,5^{\circ}$. Иней сверкалъ при свѣтѣ мѣсяца тысячами искръ, а стекла въ окнахъ станціоннаго домика были покрыты прекраснѣйшими ледяными узорами — цвѣтами и деревьями.

Перегонъ до Тереклы былъ самымъ долгимъ на всемъ пути, — больше 34 верстѣ. Здѣсь граница между Тургайской и Сыръ-дарьинской областью. Въ Джулюсѣ, первой станціи на тракѣ, содержимомъ купцомъ Ивановымъ, есть прекраснѣйшее помѣщеніе для проѣзжихъ; здѣсь-же взимается плата 25 р. за проѣздъ 228 верстѣ до Казалинска.

Отъѣхавъ 6 верстѣ отъ Тереклы, мы вступили въ Каракумъ. Растительность стала быстро рѣдѣть и, наконецъ, мы очутились среди голыхъ песковъ. Область эта омывалась нѣкогда водами Арало-Каспійскаго моря, о чемъ свидѣтельствуютъ богатые остатки раковинъ *Cardium* и *Mutilus*, находямые въ самой глубинѣ пустыни.

Лунною ночью прибылъ я на расположенную среди песчанаго моря маленькую станцію Константиновскую, гдѣ помѣщеніемъ для проѣзжихъ служитъ киргизская юрта, которая въ такое время года мало привлекательна. Отсюда и до Камышлы-баша, на протяженіи 120 верстѣ, для ѣзды употребляются верблюды, такъ какъ лошади не въ силахъ тащить тяжелый экипажъ по песку, часто образывающему цѣлые холмы или барханы.

Черезъ нѣсколько минутъ по моемъ прибытіи на Константиновскую, я слышалъ знакомые мнѣ звуки: храпѣніе, сопѣніе и ревъ верблюдовъ, и при лунномъ свѣтѣ вырисовались три величественныхъ силуэта съ горбами. Ихъ впрягли въ тарантасъ, и они понеслись легкой рысцою подъ посвистыванье ямщика. Обыкновенно они всегда бѣгаютъ ровною рысью, но нерѣдко переходяютъ и въ галопъ.

Мѣстность замѣтно начинаетъ понижаться къ юго-западу, и въ той-же сторонѣ нависаютъ надъ Аральскимъ моремъ тяжелыя густыя тучи водяныхъ паровъ, тогда какъ на востокѣ и на сѣверѣ небо чисто. Между станціями Алты-кудукъ и Акъ-джулпасъ дорога идетъ вдоль берега моря, часто всего въ разстояніи ширины экипажа отъ него. Тонкій желтый пе-

сокъ здѣсь такъ плотенъ и твердъ, что верблюды оставляютъ на немъ едва замѣтные слѣды; подальше-же отъ берега идутъ барханы, въ которыхъ тарантасъ вязнетъ по ступицы колесъ.

Аральское море расположено на 48 метр. выше уровня океана, имѣетъ въ окружности около 70,000 кв. килом. и, слѣдовательно въ 10 разъ больше озера Венернъ. Берега его голы и пустычны; глубина незначительна; вода такая соленая, что пить изъ него можно только у самыхъ устьевъ рѣкъ. Кромѣ того въ серединѣ озера есть, говорятъ, извѣстная доля прѣсной воды. Около сѣверовосточной бухты, неподалеку отъ берега и на невысокомъ песчаномъ холмѣ, лежитъ станція Акъ-джулпась; на горѣ киргизы устроили кладбище. Восемь лѣтъ тому назадъ станція лежала на самомъ берегу, но при высокомъ подъемѣ воды ей часто грозило быть затопленной и отрѣзанной отъ почтового тракта, потому ее и перенесли подальше.

Когда вѣтеръ дуетъ съ юго-запада, воду гонитъ въ бухту, затѣмъ она разливается по берегу и скопляется въ ямахъ въ которыхъ можно потомъ руками наловить всякой рыбы, стерлядей и др. Теперь вся бухта была подо льдомъ, и видно было, какъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ берега по блестящему зеркальному льду переходилъ караванъ. Лѣтомъ караваны также ищутъ здѣсь кратчайшихъ путей, переходя бухту вбродъ, такъ какъ она очень мелка; глубина самое большее достигаетъ 2 метр. а обыкновенно бываетъ не выше 1 или $\frac{1}{2}$ метра. Въ теплое время года, когда песокъ сухъ, его сноситъ вѣтромъ въ море, и береговая линія постоянно измѣняется, бухта засоряется, образуются отмели, косы и песчаные бугры. Вдоль береговъ находятъ много солончаковыхъ лагунъ; лѣтомъ онѣ обыкновенно пересыхаютъ и напоминаютъ видомъ бухточки, отдѣлившіяся отъ моря летучими песками. Уловъ рыбы бываетъ очень богатый и ведется уральскими казаками, которые закидываютъ свои невода даже въ 20 верстахъ отъ берега. Когда озеро покрыто льдомъ, они отъѣзжаютъ отъ берега къ своимъ прорубямъ на саняхъ, или на верблюдахъ; въ другое время ѣдутъ къ неводамъ на небольшихъ лодкахъ. Климатъ въ этой области хорошъ; лѣтній зной умѣряется близостью Аральскаго моря, и зимою рѣдко

выдаются рѣзкіе холода, бураны также не обычное явленіе, зато дожди и густые туманы повторяются очень часто. Пока я былъ тамъ, дождь не переставалъ, и мѣстами дорога совсѣмъ исчезала подъ глубокими лужами, по которымъ звучно плепали верблюды; экипажу часто грозило завязнуть въ размокшемъ, засасывающемъ пескѣ; дождь безъ остановки барабанилъ по верху и по фартуку тарантаса. Температура 22-го ноября въ 9 час. вечера поднялась до $-0,5$, и въ воздухѣ вѣяло тепломъ.

Верблюды вообще очень послушны, бѣгутъ хорошо, и тогда ямщикъ можетъ себѣ преспокойно сидѣть на козлахъ, но иногда намъ попадались такіе упрямые, которые все поровили свернуть съ пути и идти своей дорогой; тогда ямщику приходилось взгромоздиться и ѣхать на среднемъ изъ нихъ. Поводья прикрѣплены къ палочкѣ, продѣтой сквозь носовой хрящъ; такимъ-то жестокимъ способомъ заставляютъ этихъ громадныхъ животныхъ повиноваться.

Какъ ни оригиналенъ переѣздъ на верблюдахъ, я все-таки не безъ нѣкотораго удовольствія снова увидалъ передъ своимъ тарантасомъ тройку черныхъ лошадокъ. Радость моя, однако, была кратковременна, — не проѣхали мы и полдороги до слѣдующей станціи, какъ завязли въ солончаковомъ болотѣ. Ямщикъ кричалъ, хлесталъ лошадей, тѣ лягались, становились на дыбы и рвали постромки. Кончилось тѣмъ, что ямщику пришлось сѣсть на одну изъ лошадей и вернуться на станцію за подмогой, а мнѣ два часа сидѣть одному въ потмахъ, на дождѣ и вѣтрѣ и поджидать въ гости волковъ. Наконецъ, появились два киргиза съ парой лошадей, которыхъ и припрягли впереди тройки, превратившейся такимъ образомъ въ пятерикъ. Соединенными силами лошади вытащили тарантасъ изъ мѣсива, куда онъ погружался все глубже; налипшіе на колеса большіе комки песку и глины заставляли колеса отчаянно скрипѣть, когда мы двинулись по стени дальше.

Я предполагалъ было добраться къ ночи до послѣдней станціи передъ Сыръ-дарьей и тамъ уже отдохнуть, но пока я пилъ чай, поднялся страшный буранъ, наполнившій все пространство кругомъ облаками мелкой снѣжной пыли. Тарантасъ прикрыли брезентами, и мнѣ пришлось дожидаться

зари. Последніе два перегона передъ Казалинскомъ, по причинѣ отвратительной дороги, пришлось сдѣлать на пятерикѣ и съ двумя ямщиками; второй ѣхалъ верхомъ на лѣвой изъ переднихъ пристяжныхъ.

На правомъ берегу Сырь-дарьи, въ 170 верстахъ водяного пути и 80 вер. сухопутнаго отъ Аральскаго моря, лежитъ городъ Казалинскъ, имѣющій 600 домовъ, изъ которыхъ 200 принадлежитъ русскимъ, и 3,500 жителей; изъ послѣднихъ 1,000 приходится на долю уральскихъ казаковъ съ ихъ семействами. Къ остальному населенію принадлежатъ между прочимъ сарты, бухарцы, татары, киргизы и даже нѣсколько евреевъ. Богатѣйшіе купцы — бухарцы. Киргизы, напротивъ, всё бѣдны; зажиточные изъ нихъ остаются въ степи, гдѣ живутъ своими стадами. Въ маѣ, когда пастбища хороши, киргизы гоняютъ въ Оренбургъ на продажу цѣлыя отары овецъ и козъ. Караванныя сношенія почти прекратились; незначительная караванная торговля ведется еще главнымъ образомъ на Троицкѣ, откуда саргскіе купцы везутъ русскіе желѣзные товары киргизамъ въ степи, въ Ташкентъ и въ Фергану.

Въ эпоху походовъ на Хиву и Бухару Казалинскъ имѣлъ извѣстное значеніе, какъ депо и укрѣпленное мѣсто; тогда Аральская флотилія, пять небольшихъ пароходовъ, имѣла здѣсь свою станцію, а гарнизонъ достигалъ цѣлаго батальона. Теперь городъ имѣетъ всего 24 человекъ гарнизона и 2 баркаса; остальные суда отошли въ Чарджуй на Амударью. Жизнь и движеніе здѣсь замерли; только крылья вѣтряныхъ мельницъ да многочисленныя рыбачьи лодки и ожиwiająтъ этотъ печальный городъ, по улицамъ котораго въ это время года не пройти даже въ калошахъ, доходящихъ до коленъ. Низенькіе, бѣлые русскіе дома построены изъ кирпича; дома сартовъ, бухарцевъ и киргизовъ изъ высушенной на солнцѣ глины, сѣраго цвѣта, готовы разрушиться, часто бывають обнесены длинными унылыми стѣнами. Въ городѣ есть двѣ школы, церковь и нѣсколько общественныхъ зданій (лучшее изъ нихъ — домъ уѣзднаго начальника), расположенныхъ среди настоящей рои стройныхъ серебристыхъ тополей; въ вершинахъ ихъ гнѣздится безчисленное множество воронъ, производящихъ страшный шумъ.

Право на рыбную ловлю въ рѣкѣ принадлежитъ уральскимъ казакамъ; ведется ловля, главнымъ образомъ, въ устьѣ. Въ прошломъ году (1892 г.) было поймано 14,000 стерлядей. Теперь со дня на день ждали, что рѣка станетъ, и въ виду того, что это случается иногда въ одну ночь, рыбаки начали уже вытаскивать свои лодки на берегъ. Тамъ, гдѣ берегъ рѣки чуть выше уровня воды, такой ночной морозъ причиняетъ обширныя наводненія, потому что вода, текущая поверхъ замершаго сверху льда, смерзается все въ болѣе и болѣе толстый пластъ, и заставляетъ теченіе искать другихъ путей. Случается, что вслѣдствіе этого приостанавливается всякое движеніе, такъ какъ черезъ затопленныя мѣста нельзя пробраться ни верхомъ, ни въ экипажѣ, и почти тогда приходится дѣлать большіе объѣзды по степи.

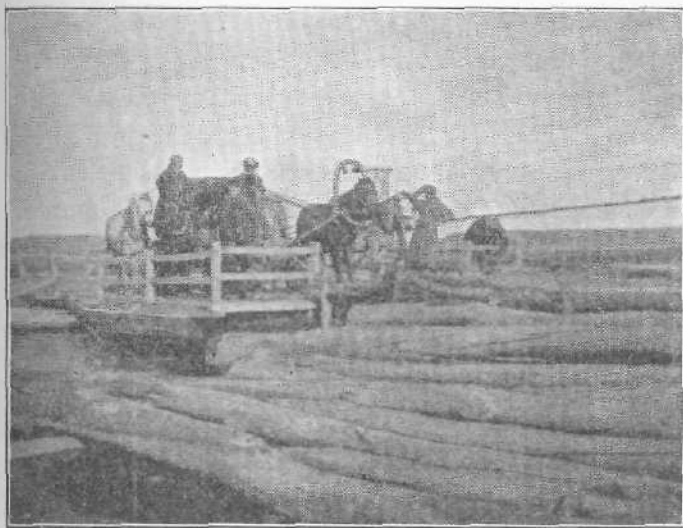
Я совершилъ съ семью казаками небольшую экскурсію для изслѣдованія теченія рѣки и проч. Близъ крѣпости у праваго берега мы нашли 7 сажень глубины; уровень воды случился какъ разъ самый низкій за 15 лѣтъ. Въ іюлѣ и въ августѣ глубина бываетъ наибольшая; затѣмъ, къ осени вода понемногу спадаетъ. Цвѣтъ воды желтовато-сѣрый, но для питья она хороша.

Близость Аральскаго моря оказываетъ извѣстное вліяніе на климатъ Казалинска, хотя морозы здѣсь всетаки доходятъ до $-30 - 35^{\circ}$. Снѣгу выпадаетъ немного, и онъ быстро таетъ такъ что санный путь устанавливается рѣдко. Во время моего пребыванія здѣсь стояли туманы и изморозь. Въ Казалинскѣ уплачивается 49 р. за 360 верстъ пути на 4 лошадахъ до Перовска, а отъ этого мѣста на тройкѣ до Ташкента (581 верста) 61 рубль.

Дѣлать мнѣ въ Казалинскѣ больше нечего было, и я отправился на четверкѣ лошадей дальше, вдоль по берегу рѣки. Аллювиальная почва изъ желтой глины была здѣсь ровна, какъ поле, и по дорогѣ разставлены были съ короткими промежутками небольшіе глиняные конусообразные столбики съ пучками камыша на верхушкахъ, служащіе указателями пути зимою, когда все дороги бываютъ занесены снѣгомъ. Словомъ, столбы эти играютъ здѣсь въ степномъ морѣ роль бакеновъ. Мѣстность остается все такою-же пустынною, какъ и до сихъ поръ; на разстояніи дневного пути

не встрѣтишь ни человѣка, ни жилья. Намъ попались только двое верховыхъ киргизовъ, гнавшихъ въ степь сотню верблюдовъ. Вообще-же, единственнымъ предметомъ для вниманія проѣзжаго остается величественная Сырь-дарья.

По берегу Яксарта дорога идетъ до незначительнаго укрѣпленія Кармакчи, обыкновенно называемаго русскими „фортомъ № 2“; здѣсь 70 домовъ, принадлежащихъ магометанамъ, и 9 русскимъ. Тутъ намъ опять пришлось свернуть въглубь степи, чтобы избѣжать большого болота, носящаго названіе Бакалы-копа и ежегодно заливаемаго измѣнчивымъ

Переправа черезъ рѣку Арысь.

(Съ фотографіи автора).

теченіемъ Сырь-дарьи. На этомъ пути проѣзжаешь самыя худшія станціи, а именно Александровскую и Семеновскую, состоящія собственно изъ нѣсколькихъ киргизскихъ юртъ, — одной для старосты, одной для проѣзжихъ и нѣсколькихъ для ямщиковъ съ ихъ семьями. Въ первой изъ названныхъ юртъ обитаютъ еще четвероногіе жильцы, — по войлочнымъ кошмамъ, не стѣсняясь, прыгали огромныя крысы. Станція окружена, какъ кольцомъ, изгородью изъ тростника, а за нею стоятъ въ рядъ тарантасы и телѣги.

Дорога на протяженіи многихъ перегоновъ шла по настоящей пустынѣ, гдѣ могъ провзрастать много-много одинъ

саксаулъ; затѣмъ пошла по мѣстамъ, носившимъ слѣды недавняго затопленія, и здѣсь росъ густой и высокій камышъ.

Отъ самаго форта Перовска, расположеннаго на берегу Яксарта и во всемъ напоминающаго Казалинскъ, только чище и красивѣе, и до станціи Тюмень-арыкъ растительность очень богата; камышъ, саксаулъ и косматые кустарники образуютъ настоящія чащи; дорога часто идетъ словно по узкому корридолу. Чащи эти служатъ любимымъ мѣстопробываніемъ для тигровъ, кабановъ, газелей, не говоря уже о гусяхъ, уткахъ и фазанахъ, водящихся тутъ въ несмѣтномъ количествѣ. Эти послѣдніе такъ смѣлы, что посматриваютъ на проѣзжихъ съ края дороги, но стоитъ остановиться, чтобы прицѣлиться, они съ шумомъ и свистомъ улетаютъ. Включеніе на остатокъ пути въ мое меню нѣжнаго, бѣлаго мяса фазановъ было самой пріятной переменной, тѣмъ болѣе, что моя провизія вообще подходила къ концу. Киргизы стрѣляютъ фазановъ изъ своихъ дрянныхъ ружей и продаютъ ихъ въ хорошіе года по 6—7 копѣекъ за штуку; я покупалъ ихъ по 10—12 копѣекъ. Но уже въ Оренбургѣ фазанъ стоитъ 1½ р., а въ Петербургѣ 2 и больше. Въ это охотничье Эльдorado часто наѣзжаютъ офицеры и спортсмены изъ Ташкента и всегда возвращаются съ богатой добычей.

Станціонный домикъ въ Джулекѣ расположенъ всего въ 10 метрахъ отъ берега рѣки, и ему ежегодно грозитъ наводненіе. Между этимъ мѣстечкомъ и Мешеули мѣстность нѣсколько пересѣченная; попадаются небольшія полосы песковъ, и приходится переѣзжать по деревяннымъ мостамъ, перекинутымъ черезъ овраги и высохшія русла. По всей дорогѣ идетъ гать изъ сухаго тростника, чтобы экипажи въ дождливое время не завязали въ трясинѣ; въ настоящее время дорога, по причинѣ холода, была тверда и бугриста. Стали опять попадаться киргизскіе аулы; мы часто проѣзжали мимо нихъ, и въ чащахъ видѣли стада.

29 ноября былъ роскошный закатъ. На западѣ небо горѣло, точно объятые заревомъ степного пожара, узловатыя косматыя вѣтки саксаула вырисовывались на этомъ фонѣ черными силуэтами. Вся степь была залита волшебнымъ огненнымъ свѣтомъ, а на востокѣ скромныя степныя растенія казались золотыми.

Въ общемъ, конечно, удобнѣе ѣхать въ вагонѣ желѣзной дороги, нежели въ тарантасѣ. Избравъ первый способъ передвиженія, нѣтъ надобности опасаться, что загорится ось или разлетится колесо, а при ѣздѣ въ тарантасѣ можетъ случиться и то и другое, и надо время отъ времени осматривать экипажъ. Можно поэтому представить себѣ, каковъ былъ для меня сюрпризъ, когда я подвергнувъ въ Мешеули мой тарантасъ такому осмотру, открылъ, что передняя ось переломилась пополамъ и держалась только четырьмя гайками. А староста еще утѣшилъ меня сообщеніемъ, что я найду кузнеца только въ Туркестанѣ, т. е. въ 180 верстахъ. Оцъ, впрочемъ, полагалъ, что злосчастная ось продержится, если ямщикъ поѣдетъ по буграмъ потише.

Яны-курганъ — киргизскій городокъ, съ караванъ-сараемъ и развалинами старинной коканской крѣпости, расположенъ на самомъ берегу Сыръ-дарьи. Дорога мѣстами ужасная, и я страшно боялся, что ось вотъ-вотъ разлетится, а это было-бы въ высшей степени непріятно посреди степи. Однообразіе ровной мѣстности нѣсколько нарушалось теперь горами Кара-тау, выступавшими налѣво низкой стѣной.

У Ташъ-суата, гдѣ Сыръ-дарья широка и величественна и видна на далекое разстояніе, дорога уклоняется отъ рѣки влѣво, чтобы направиться къ старому городу Туркестану. Растительность опять стала крайне тощей; зато по превосходной твердой дорогѣ, не размякшей даже отъ продолжительныхъ дождей, стали попадаться медленно шествующіе караваны.

Наконецъ, показались сады Туркестана съ высокими тополями, окруженные длинными сѣрыми стѣнами, кое-гдѣ новыми, но по большей части старыми, развалившимися; вотъ и гордый курганъ временъ Тимура, а вотъ мы и проѣхали по пустому, по случаю пятницы, базару къ станціонному домику, гдѣ кузнецъ киргизъ тотчасъ-же взялся за починку тарантаса.

Туркестанъ, завоеванный въ 1864 году генераломъ Черняевымъ, самъ по себѣ захудалый и неинтересный городъ, производилъ тѣмъ болѣе печальное впечатлѣніе въ дождь и туманъ. Единственное, что можетъ оправдать здѣсь остановку на нѣсколько часовъ, это грандіозная мечеть-мавзолей, воздвигнутая въ 1397 г. Тамерланомъ въ честь одного киргизскаго

святаго Хазретъ-Султанъ-ходжа-Ахметъ-Ясеви. Ея порталъ чрезвычайно высокъ, и украшенъ двумя живописными башнями, а самая мечеть увѣнчана множествомъ дынеобразныхъ куполовъ. Облицовка фасада изъ каолина (фарфоровой глины) разрушилась, но боковыя и задняя стѣны прямоугольнаго зданія уцѣлѣли и пестрѣютъ, какъ и въ Самаркандѣ, голубой и зеленой краской. Мечеть обнесена воздвигнутой Худояромъ-ханомъ квадратной крѣпостной стѣной изъ глины; внутри стѣны расположены теперь русскія казармы. Нѣсколько сартскихъ мальчишекъ проводили меня черезъ лабиринтъ узкихъ про-

Верблюды въ Ташкентѣ.

(Съ фотографіи автора).

ходовъ и по мрачнымъ холоднымъ лѣстницамъ на верхъ одной башни, откуда съ головокружительной высоты открылся дивный видъ на Туркестанъ, испорченный, впрочемъ дождемъ. Обычное востоку унылое впечатлѣніе охватываетъ васъ и здѣсь: съ одной стороны памятники древняго зодчества, ослѣпляющіе васъ своей роскошью и подавляющіе своимъ величіемъ, а съ другой — современныя строенія, эти жалкія глиняныя лачуги, съ плоскими разрушившимися кровлями, эти узкія кривыя улицы!

Была, какъ сказано, пятница, и я посѣтилъ мечеть какъ разъ во время „намаза“ или богослуженія. Сарты въ цвѣтныя

кафтанахъ и бѣлыхъ тюрбанахъ собирались толпами и торжественно вступали подъ гигантскіе своды мечети, оставивъ свои громоздкіе стучащіе „калоши“ у входа. Посреди мечети стояла огромная чаша, окруженная множествомъ туговъ — пучковъ конскихъ волосъ на длинныхъ древахъ. Стѣны бѣды, украшенныя мѣстами изреченіями изъ Корана. Старый ахунъ вѣжливо указалъ мнѣ на дверь, такъ какъ звали къ молитвѣ. Я взошелъ на одну изъ верхнихъ галлерей и оттуда уже сталъ смотрѣть на длинные ряды колѣнопреклоненныхъ и кладущихъ поклоны сартовъ; это была красивая картина, напомнившая мнѣ ночь Рамазана въ Стамбулѣ.

Два первыхъ перегона отъ Туркестана страшно грязны, кочковаты и представляютъ самый ужасный конецъ на всемъ пути. Между Иканомъ и Ногай-Курой мы, наконецъ, и завязли. Я не суевѣренъ, но это былъ тринадцатый перегонъ отъ Туркестана и до Ногай-Куры оставалось тоже тринадцать верстъ. Лошади не могли сдвинуть тарантаса съ мѣста; коренникъ всталъ на дыбы, пристяжныя лягались и угрожали разбить тарантасъ. Время было около полуночи, темень стояла непроглядная, ящикъ уѣхалъ назадъ въ Иканъ за подмогой, а я заснулъ и проспалъ три часа, пока пятерикъ не выдернулъ тарантаса изъ трясины и не помчалъ меня дальше. На эти жалкія 21 версту пошло 6½ часовъ.

Отъ Арыса до Буру-джара мѣстность опять пересѣченная, и безъ пятерика лошадей не обойдешься. Внизъ по наклону несешься съ быстротой вѣтра, лошади летятъ, вытянувшись въ струну, только въ ушахъ свистить. Тамъ и сямъ мелькнетъ мимо селенье или верховой, караванъ или арба; нельзя не пожалѣть отъ души возницъ этихъ арбъ, громадныя колеса которыхъ то и дѣло увязаютъ въ трясинѣ.

Вдоль пути по обѣимъ сторонамъ идутъ часто разставленные столбики изъ высушенной на солнцѣ глины, служащіе для обозначенія дороги зимой. Казалось для этого было-бы довольно телеграфныхъ столбовъ, но дорога то и дѣло виляетъ отъ нихъ то вправо, то влѣво, и въ буранъ ихъ вовсе не увидишь. Съ почтами бываетъ поэтому въ степи не мало приключеній; столба отъ столба бываетъ не видно, и между двумя столбами сплошь и рядомъ можно заблудиться. Нерѣдко поэтому сбившимся съ пути почтовымъ тройкамъ случается за-

вочевать въ сугробахъ, въ ожиданіи прекращенія бурана или наступленія утра.

Арысь порядочная рѣка, которую прежде прямо переѣзжали вбродъ на высококолесныхъ арбахъ, но какъ разъ, недѣли за двѣ до моего прибытія сюда, была устроена переправа — паромъ, на который ставятъ экипажъ со всѣми пятью лошадьми, а перевозчики тащутъ всю эту махину за толстыя канаты на другой берегъ.

За Буру-джаромъ овраги и обрывы представляютъ обычное явленіе. На крутыхъ спускахъ ямщикъ сдерживаетъ лошадей насколько возможно; коренникъ несетъ на себѣ тяжесть всего экипажа, и когда это становится ему ужъ не подъ силу, ямщикъ предоставляетъ экипажъ на волю законовъ тяжести, и въ результатѣ онъ несется съ такой быстротой, что лошади часто не въ мочь поспѣвать перебирать ногами. Обѣ переднія пристяжныя должны держать ухо востро, чтобы не получили по ногамъ удара вальками; стоило бы лѣвой изъ нихъ споткнуться, сидящій на ней верховой ямщикъ былъ бы неминуемо раздавленъ тяжелымъ экипажемъ. Все, однако, обошлось хорошо, хотя мѣстами намъ и угрожала опасность; лошади и ямщики оказались бывалыми, и на нихъ можно было положиться. На одной изъ станцій одна изъ пристяжныхъ совсѣмъ взбѣсилась, начала лягаться и ни за что не давала запрячь себя. Шестерымъ мужикамъ едва удалось сдержать ее; по двое повисли по бокамъ, одинъ на уздѣ и одинъ на хвостѣ. Когда, наконецъ, ее пристягнули и отпустили, она понеслась съ экипажемъ вскачь, только искры изъ подъ копытъ посыпались. Въ сумерки прибыли мы въ Чимкентъ первый знакомый мнѣ (съ прошлаго путешествія) городъ. На улицахъ было тихо и пустынно, вся жизнь какъ будто замерла; только въ окошкахъ мерцали огоньки.

Теперь уже не далеко было до резиденціи генералъ-губернатора; еще два тяжелыхъ перегона по грязи по колѣно и остался одинъ, послѣдній. Онъ показался мнѣ безконечно длиннымъ, хотя дорога здѣсь и была очень хороша. Съ меня уже довольно было ѣзды въ тарантасѣ и, добравшись до Ташкента въ ночь на 4 декабря, я тотчасъ-же съ наслажденіемъ покинулъ свой экипажъ и отправился въ гостинницу, гдѣ занялъ два прекрасныхъ номера.

Въ заключеніе нѣсколько любопытныхъ цифръ. Въ 19 сутокъ я проѣхалъ 2060 верстъ, миновалъ $11\frac{1}{2}$ градусовъ широты, 96 станцій, 30,000 телеграфныхъ столбовъ; переднія колеса моего тарантаса сдѣлали за это время 983,000 поворота; везли меня 111 ямщиковъ, 317 лошадей, 21 верблюдъ. Я имѣлъ возможность наблюдать, какъ дни становились все длиннѣе, хотя приближалась середина зимы; проѣхалъ область, гдѣ свирѣпствовали бураны и стояла самая настоящая зима, испытывалъ въ началѣ пути 19.5° мороза, а теперь прибылъ въ область, гдѣ уже, повидимому, вступала въ свои права весна, гдѣ теплый, чудесный вѣтеръ дѣлалъ пребываніе на свѣжемъ воздухѣ наслажденіемъ, а термометръ показывалъ $10 - 12^{\circ}$ тепла.

III.

Отъ Ташкента до Маргелана. Сыръ-дарья.

Въ Ташкентѣ я пробылъ около семи недѣль, но такъ какъ я описалъ городъ еще въ предыдущей моей книгѣ, то здѣсь ограничусь бѣглымъ наброскомъ. Генераль-губернаторъ баронъ Вревскій принялъ меня съ безграничнымъ радушіемъ, я былъ его ежедневнымъ гостемъ и имѣлъ случаи завязать у него знакомства, которые весьма пригодились мнѣ для моего путешествія по Памиру.

На святкахъ я участвовалъ въ цѣломъ рядѣ веселыхъ, блестящихъ праздниковъ. Сочельникъ, первый и пріятнѣйшій за все время моего пребыванія въ Азій, праздновали у барона Вревскаго почти такъ-же, какъ въ обычаѣ у насъ на сѣверѣ. Были приготовлены рождественскіе сюрпризы, изъ которыхъ многіе были снабжены французскими посвященіями въ стихахъ, а посреди одной изъ залъ возвышалась гигантская „елка“ изъ вѣтвей кипариса, украшенная сотнями восковыхъ свѣчекъ. Вечеръ прошелъ въ обычной веселой бесѣдѣ около шумящаго самовара въ убранномъ съ большимъ вкусомъ и чисто восточною роскошью салонѣ. Украшеніями

служили, между прочимъ, портреты Царя, шведскаго короля Оскара и эмира бухарскаго, снабженные Собственноручными надписями. Достоинѣйшею представительницею дамскаго элемента являлась дочь генераль-губернатора, княгиня Хованская, блестяще исполнявшая на всѣхъ официальныхъ и частныхъ празднествахъ роль хозяйки дома.

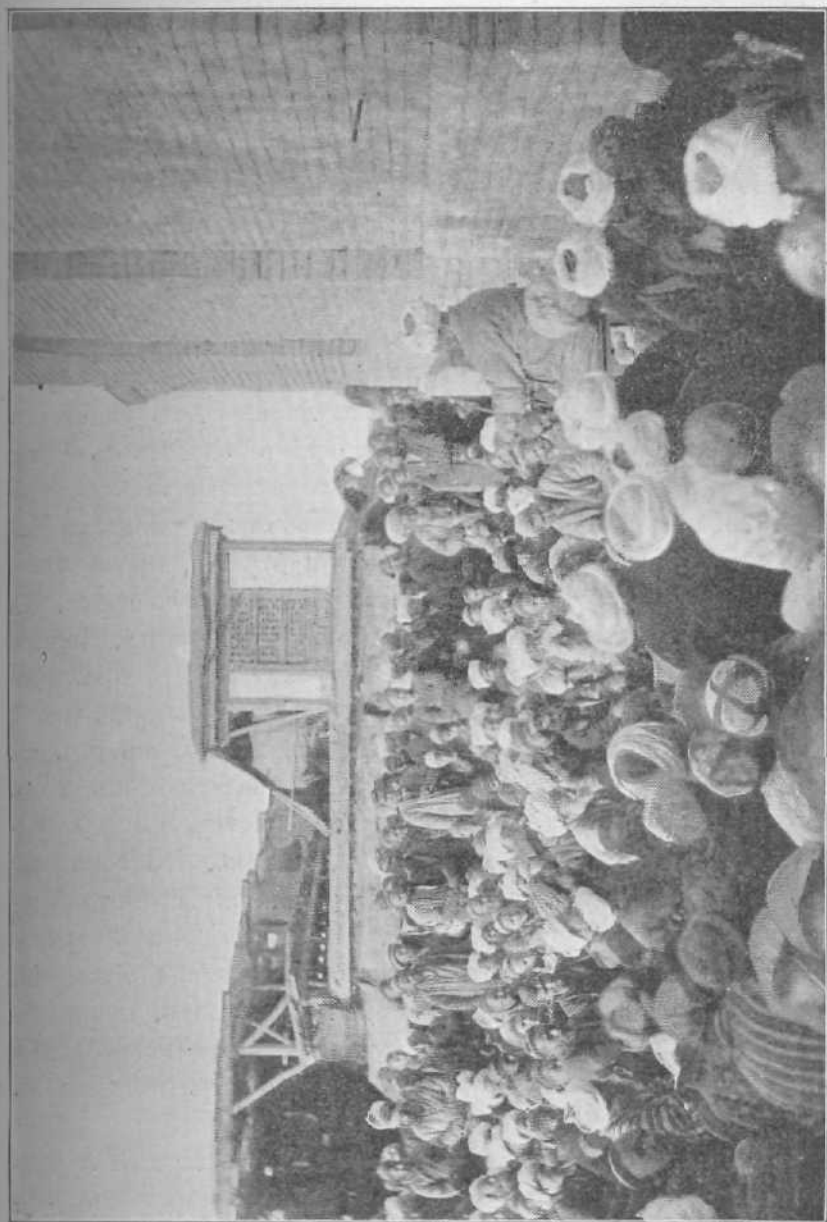
Сочельникъ мы провели „en famille“, но подѣ Новый годъ баронъ Вревскій пригласилъ человѣкъ тридцать гостей. Около полуночи было подано шампанское, затѣмъ, подняты полные бокалы, среди полной тишины стали ждать „двѣнадцати ударовъ“. При звонѣ часовъ всѣ стали привѣтствовать Новый годъ, обмѣниваясь направо и налево словами: „Съ Новымъ годомъ“.

2 января состоялся обычный торжественный обѣдъ въ большой парадной залѣ. Въ числѣ приглашенныхъ были всѣ представители администраціи и войска, посолъ эмира бухарскаго, три почетнѣйшихъ сартскихъ кади (судьи) и проч. Бухарскимъ посломъ, который ежегодно приѣзжаетъ къ Новому году въ Ташкентъ, поздравить генераль-губернатора отъ лица эмира, оказался тотъ самый чернобородый милѣйшій таджикъ, Шади-бекъ-карауль-беги-шигауль, котораго эмиръ три года тому назадъ высылалъ привѣтствовать меня на границѣ Самарканда и Бухары.

По обычаю онъ привезъ подарковъ на сумму 10,000 руб.: восемь лошадей съ великолѣпными шитыми золотомъ и серебромъ сѣдлами, съ голубыми и красными бархатными попонами, нѣсколько сотенъ почетныхъ халатовъ, главнымъ образомъ бухарскихъ, но также нѣсколько кашмирскихъ и китайскихъ, много ковровъ, матерій, драгоценностей и проч.

Между приглашенными былъ также человѣкъ, игравшій большую роль въ новѣйшей исторіи Центральной Азіи, по имени Джура бекъ. Въ молодости онъ служилъ эмиру бухарскому Насрулаху, и по смерти послѣдняго захватилъ въ свои руки управленіе плодородной провинціей Шааръ-Сабизъ, древнимъ Кешемъ, родиной Тамерлана. Здѣсь онъ пробылъ бекомъ нѣсколько лѣтъ, затѣмъ былъ низвергнутъ однимъ изъ своихъ соперниковъ и посаженъ въ темницу. Народъ, недовольный его преемникомъ, однако, освободилъ Джура-бена

и вернулъ ему власть. Когда русскіе подъ начальствомъ генерала Кауфмана взяли въ 1868 г. Самаркандъ, Джура-бекъ

Дервишъ рассказываетъ сказки у мечети въ Ташкентѣ.
(Съ фотографіи автора).

поспѣшилъ со значительными силами на освобожденіе знаменитаго города, обложилъ его и сильно стѣснилъ русскихъ, которые избавились отъ неминуемой опасности въ самую

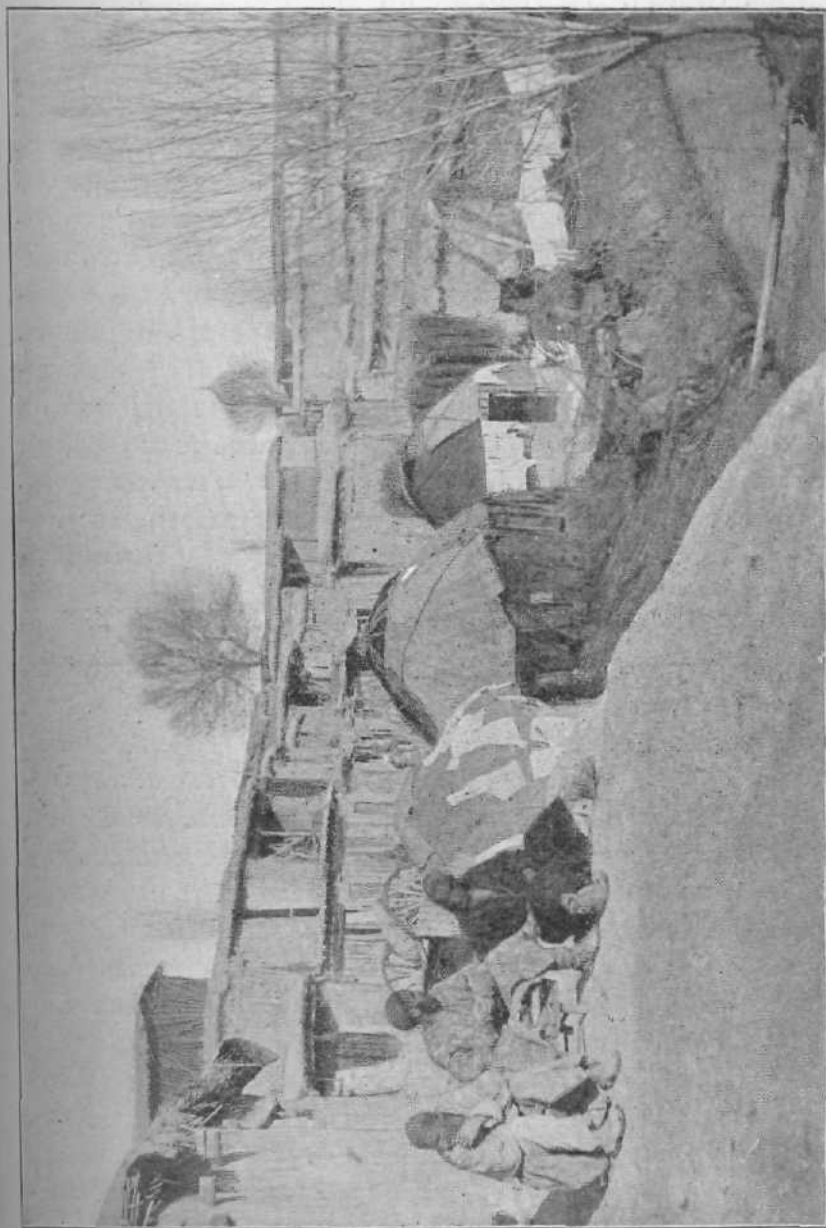
критическую минуту, только благодаря подоспѣвшей помощи.

Генераль Кауфманъ заключилъ затѣмъ съ Джурой-бекомъ миръ на такихъ условіяхъ: онъ остается бекомъ въ Шааръ-Сабизѣ, но не долженъ тревожить русскихъ владѣній. Черезъ два года въ Шааръ-Сабизѣ было умерщвлено нѣсколько казаковъ и генераль Кауфманъ заставилъ бека бѣжать изъ владѣній, которыми тотъ управлялъ 10 лѣтъ. вмѣстѣ со своимъ другомъ Бабой-бекомъ онъ долго бродилъ безъ пріюта по горамъ и, наконецъ, явился въ Коканъ искать гостепрѣимства и помощи послѣдняго изъ хановъ Кокана Худояра хана. Этотъ, однако, поступилъ съ нимъ вѣроломно, схватилъ его, заковалъ въ цѣпи, а затѣмъ отослалъ къ его врагу, генералу Кауфману.

Послѣдній принялъ Джуру-бека ласково, но удержалъ у себя плѣнникомъ. Въ Ташкентѣ русскіе обошлись съ нимъ, какъ нельзя лучше, и онъ сталъ пользоваться сравнительной свободой. Когда Скобелевъ предпринялъ свой походъ на Коканъ, Джура-бекъ, знавшій всѣ пути и дороги, предложилъ ему свою помощь противъ хана Худояра, своего врага. Въ этомъ походѣ, нанесшемъ Кокану послѣдній ударъ, Джура-бекъ такъ отличился, что получилъ чинъ русскаго полковника и георгіевскій крестъ. Теперь, по образу жизни, языку и одеждѣ, его не отличить отъ русскихъ; живетъ онъ въ Туркестанѣ, въ прекрасномъ домѣ и, получая въ годъ 3,000 рублей пенсія отъ русскаго правительства, и 5,000 рублей отъ эмира Бухарскаго, который, однако, его заклятый врагъ, ведетъ мирную, спокойную жизнь, занимается изученіемъ восточныхъ ученыхъ книгъ, и очень доволенъ переворотомъ въ своей судьбѣ. Его сказочно интересная біографія, которую онъ сообщилъ мнѣ втеченіе вечеровъ, проведенныхъ мною въ его гостепрѣимномъ домѣ, тѣмъ не менѣе дышитъ трагизмомъ, — азіатскій деспотъ, превратившійся въ русскаго полковника!

Но вернемся къ обѣду. Онъ былъ по истинѣ лукуловскимъ; блескъ канделябръ и шитыхъ и осыпанныхъ звѣздами мундировъ, заставлялъ забывать объ Азіи; единственное, что могло напомнить о ней, было присутствіе восточныхъ гостей, одѣтыхъ въ пестрые, драгоценныя халаты и тюрбаны. Когда подали шампанское, генераль-губернаторъ всталъ и

прочелъ новогоднюю телеграмму отъ Царя и провозгласилъ тостъ за Его Величество. Затѣмъ, стоя и повернувшись ли-

Киргизскія войлочныя кибитки въ Ташкентѣ.
(Съ фотографіи автора).

цомъ къ портрету государя, девяносто гостей выслушали русскій національный гимнъ. Послѣ того баронъ Вревскій провозгласилъ тосты за туркестанское воинство и за эмира

Бухарскаго. Подъ конецъ былъ провозглашенъ тостъ и за самого правителя Сыръ-дарьинской области.

Меня, однако, удерживали въ Ташкентѣ такъ долго не веселые праздники и пиры, — я все время былъ занятъ приготовлениями къ экспедици. Я велъ оживленную переписку, снялъ массу фотографій съ сартскаго города, провѣрилъ въ обсерваторіи свои инструменты и собралъ много разныхъ статей и сообщений о Памирѣ. Всѣ мои инструменты оказались въ превосходнѣйшемъ состояніи, исключая ртутнаго барометра, который разбился въ дорогѣ и долженъ былъ подвергнуться генеральной починкѣ у нѣмца механика обсерваторіи. Особенно же пострадали отъ тряски въ тарантасѣ боевые припасы. Когда я открылъ оба ящика, мнѣ представилось грустное зрѣлище. Сотни двѣ гильзъ съ патронами съ дробью были смяты въ своихъ скомканныхъ, точно бумага, жестянкахъ. Мнѣ казалось просто чудомъ, что ни одинъ изъ острыхъ угловъ жестянокъ не наткнулся на пистонъ, и не произошло взрыва. Тогда мое путешествіе обрѣло бы скорый конецъ и иную цѣль. Итакъ, боевые припасы надо было возобновить и уложить снова.

Кромѣ того мнѣ предстояла въ Ташкентѣ масса закупокъ. Я запасся всевозможнымъ провіантомъ: консервами, чаемъ, кексами, сыромъ, табакомъ и проч. на долгое время. Затѣмъ накупилъ разныхъ мелочей, какъ-то револьверовъ съ патронами, часовъ, карманныхъ зеркалъ, шарманокъ, компасовъ, биноклей, калейдоскоповъ, микроскоповъ, серебряныхъ чарокъ, украшеній и матерій и проч., для подарковъ киргизамъ, китайцамъ и монголамъ. Во внутренней Азіи матерія почти ходячая монета; за нѣсколько метровъ простой шерстяной матеріи можно приобрѣсти лошадь или провіантъ на нѣсколько дней для цѣлаго каравана.

По особому распоряженію генераль-губернатора я получилъ самыя послѣднія и лучшія карты Памира, хронометръ (Вирена), берданку съ патронами и 20 ф. пороху.

Когда все было готово, я распростился со своими ташкентскими друзьями и оставилъ величественный городъ въ 3 часа утра 25 ноября 1894 г.

Уже въ Чирчикѣ, гдѣ нужно уплатить 37 рублей за проѣздъ (140 верстъ) до Ходжента на восьми лошадяхъ (теперь

у меня было два экипажа), вышла задержка изъ-за недостатка лошадей. Взда здѣсь такая оживленная, что хотя на станціяхъ держать даже по 10 троекъ, лошади всё на расхватъ, а если еще столкнешься съ почтой, то ничего и не остается, какъ вооружиться терпѣніемъ.

Стало опять холодно, и въ девять часовъ утра термометръ показывалъ — 11°; окрестность была вся подъ снѣгомъ, по дорога такъ тверда и кочковата, что экипажи превратились въ орудія пытки. Ртутному барометру опять стала угрожать опасность разбиться, и, чтобы спасти его, пришлось положить его на подушку, взять на колѣни и нячиться съ нимъ, какъ съ груднымъ младенцемъ. Въ холодномъ густомъ туманѣ, окутывавшемъ окрестность, тамъ и сямъ проглядывали длинные караваны верблюдовъ.

Городъ Бскентъ играетъ извѣстную роль въ новѣйшей исторіи Средней Азіи, такъ какъ здѣсь около 1825 г. родился Якубъ бекъ, завоевавшій въ 1865 году всю Кашгарію. Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ воителей, котораго не скоро забудутъ въ Азіи, гдѣ онъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ Бадаулета или „Счастливейшаго“. Послѣ его смерти (убить въ Курлѣ въ 1877 г.) вся страна пришла въ смятеніе. Сынъ его Хакъ-кулы-бекъ пошелъ въ Кашгаръ съ отцовской арміей, воевавшей съ китайцами, но въ свою очередь былъ убитъ, какъ говорятъ, своимъ братомъ Беккомъ-кулы-бекомъ. Послѣдній живетъ еще и понынѣ въ Бскентѣ, гдѣ у него много домовъ, и получаетъ пенсію отъ русскихъ. Онъ отлично сложенный, сильный мужчина лѣтъ 50, съ черной, какъ смоль, бородой и суровыми чертами лица. У него 8 сыновей, и онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ новаго возстанія въ Кашгаріи, чтобы попытаться вернуть себѣ тронъ отца. Такъ, по крайней мѣрѣ, заявилъ онъ самъ. Бѣдняга живетъ этой надеждой, не зная, какія громадныя политическія перемѣны произошли въ Восточномъ Туркестанѣ со временъ Якубъ-бека.

Послѣ многихъ задержекъ изъ-за недостатка лошадей, я, наконецъ, добрался 27-го до Ходжента, гдѣ мнѣ предстояло только сдѣлать нѣкоторыя наблюденія на Сырѣ-дарьѣ.

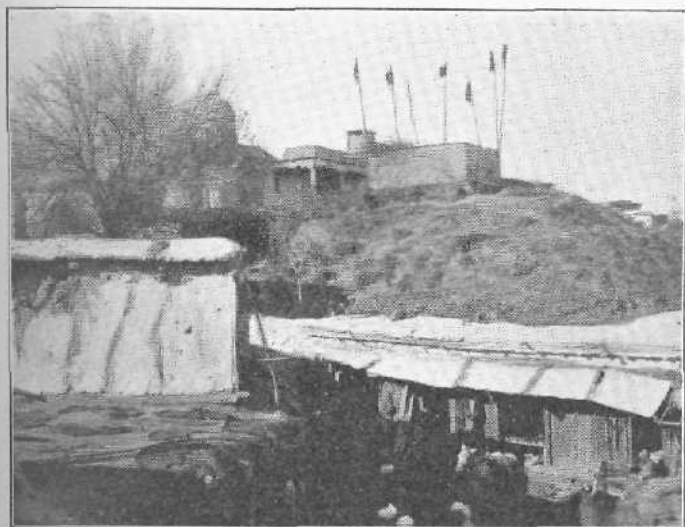
О послѣднихъ скажу нѣсколько словъ позже; о городѣ, подробное описаніе котораго я далъ въ первой моей книгѣ, говорить нечего, и остается упомянуть лишь о большомъ

мостъ черезъ Сыръ-дарью. Раздѣленный, ради удобства, на два пѣшеходныхъ перехода и снабженный массивными перилами, мостъ опирается на три кессона и сваи. Строитель его — частное лицо, заключившее съ правительствомъ выгодный контрактъ на 30 лѣтъ. Въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ мостъ представлялъ его полную собственность, приче́мъ съ него не взымали никакого налога въ казну; въ теченіе же слѣдующихъ десяти лѣтъ онъ обязанъ былъ уплачивать въ казну 3,000 рублей ежегодно. Изъ этихъ 10 лѣтъ прошло теперь уже 4 года. Расходы на постройку моста достигли 50,000 рублей; его два раза пришлось перестраивать. Черезъ шесть лѣтъ мостъ перейдетъ въ казну и долженъ быть сданъ вполне въ исправномъ видѣ.

О Коканѣ, куда я прибылъ 29 января, могу прибавить въ дополненіе къ описанію, помѣщенному въ первой моей книгѣ, еще нѣсколько подробностей. Изъ 35 медресе, или высшихъ духовныхъ мусульманскихъ училищъ, стоитъ упомянуть: медресе Хакъ-кулы, основанное въ 1221 г. п. Геждры; медресе Ханъ, имѣющее 86 комнатъ и 300 учениковъ; медресе Джамі, съ громаднымъ четырехугольнымъ дворомъ, осѣненнымъ тутовыми деревьями, тополями и ивами, съ минаретомъ, красивой, покрытой пестрой живописью галлереей, разрисованной квадратиками крышею и рѣзными деревянными колоннами, между которыми сидѣли и читали множество молодыхъ муллъ; въ этомъ медресе 86 покоевъ и 200 учениковъ. Далѣе отмѣчу медресе Хакимъ-аджимъ, основанное 23 года назадъ матерью хана Худояра и имѣющее библіотеку или китабъ-хана съ живописнымъ балкономъ, обращеннымъ на четырехугольный дворъ. Основательница подарила медресе землю и сады, приносящіе въ годъ 1,500 тилля (10,000 кронъ) дохода, идущихъ на содержаніе училища и поддержку учащихся. Медресе султана Мурада-бека, основанное младшимъ братомъ Худояра, имѣетъ 99 покоевъ и 150 учениковъ. Медресе-и-миръ старѣйшее въ Коканѣ, основано Нарбуга ханомъ и реставрировано въ 1212 г. п. Г.; имѣетъ 57 покоевъ и 140 учениковъ.

Во время моего посѣщенія Кокана, въ коканскихъ медресе насчитывалось 5,000 учащихся, живущихъ на счетъ медресе, и 300 своекоштныхъ учениковъ. Остальныя магометанскія учебныя заведенія: 48 мектебъ-хана или школъ, въ которыхъ учатся 600 мальчиковъ и 200 дѣвочекъ, и 30 кары-хана, или

кихъ школъ, которыя основаны на средства, отказанныя по духовному завѣщанію, и расположены около могилы завѣщателя; въ этихъ школахъ 360 учениковъ. Наконецъ имѣется еще три еврейскихъ школы съ 60 учениками. Число жителей окана доходитъ теперь до 60,000, изъ которыхъ 35,000 сарыевъ, 2,000 кашгарцевъ и таранчей, 575 евреевъ, 500 цыганъ (gypsies), 400 дунганъ, 100 татаръ, 100 афганцевъ, 12 индусовъ, и обыкновенію ростовщиковъ, и 2 китайца. Къ этому надо

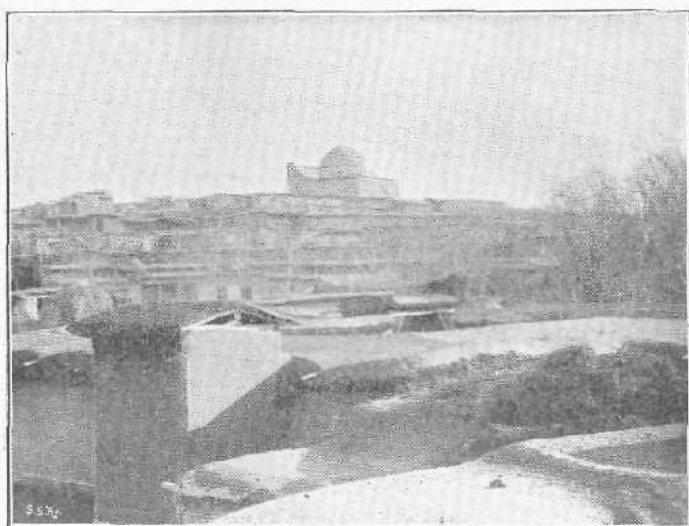
Атурлыкъ Ата-мазаръ въ Ташкентѣ.

(Съ фотографіи автора).

прибавить 350 русскихъ и гарнизонъ въ 1,400 человекъ; стальные таджики.

Весною приѣзжаетъ обыкновенно съ десятокъ китайцевъ въ коврами изъ Кашгара. Въ городѣ 11,600 домовъ и 9 фабрикъ для очистки хлопка. Въ послѣдніе годы процвѣтаніе Кокана замѣтно увеличивается; особенно растетъ и расширяется русскій кварталъ. Кромѣ русской администраціи, въ поддержку ей, существуетъ и низшая туземная. Городской голова называется куръ-баши; у него въ подчиненіи четыре аксакала, изъ которыхъ каждый управляетъ большимъ кварталомъ, — катта-ахалля; аксакаламъ подчинены въ свою очередь 96 элликъ-ашей, начальствующихъ надъ участками или кичкинтай-маалля.

Въ Коканѣ я посѣтилъ нѣсколько бань, разумѣется только ради любопытства, а не ради пользованья, такъ какъ онѣ представляютъ въ сущности не бани, а разсадники накожныхъ болѣзней. Входишь въ большую залу съ покрытыми цыновками скамьями и деревянными колоннами; это раздѣвальная. Изъ нея переходишь по лабиринту узкихъ корридоровъ въ темныя наполненные парами сводчатые покои различной температуры. По срединѣ каждаго находится широкая скамья, на которой моющагося растираетъ и моетъ голый банщикъ. Въ этихъ пегребообразныхъ кельяхъ царствуетъ таинственный пол-

Ташкентъ.

(Съ фотографіи автора).

мракъ, и въ облакахъ пара только мелькаютъ какія-то на-
 фигуры съ длинными черными или сѣдыми бородами. Мусу-
 мане часто проводятъ въ банѣ полдня, курятъ, пьютъ тамъ ча-
 а иногда и обѣдаютъ. Въ нравственномъ отношеніи городъ
 представляетъ отталкивающую картину растлѣнія нравовъ,
 чему не мало способствуютъ труппы танцовщиковъ, выступ-
 ющихъ на свадьбахъ и при другихъ торжественныхъ случаяхъ.

Вмѣсто того, чтобы прямо отправиться по большому
 чтовому тракту въ Маргеланъ, я выбралъ окольный путь
 200 верстъ на Чустъ и Наманганъ, чтобы еще раза два пер-
 сѣчь Сырь-дарью и закончить мои наблюденія. Отправивъсь

багажъ на двухъ арбахъ прямо въ Маргеланъ, я въ своемъ старомъ тарантасѣ выѣхалъ изъ Кокана 30 января къ сѣверу на Урганчи, большой кышлакъ, гдѣ какъ разъ была ярмарка, и улицы были запружены народомъ. Дорога все время идетъ по разнымъ селеніямъ, а по обѣ ея стороны бѣгутъ арыки или оросительныя канавы, послѣдніе отпрыски системы искусственнаго орошенія Коканскаго оазиса. Около города Гурумъ-сарая переправились на паромѣ черезъ Сыръ-дарью и продолжали путь по ужасной дорогѣ на городокъ Чустъ, единственное значеніе котораго въ производствѣ хлопка, риса и хлѣба. Отсюда дорога идетъ по небольшимъ лѣсовымъ и конгломератовымъ холмамъ. Повсюду стоялъ уже прекрасный санный путь, поэтому тащиться въ тарантасѣ было очень тяжело. Около Тюря-курмана переѣхали черезъ рѣку Касанъ-су, которая лѣтомъ несетъ массу воды изъ горы Чаткалъ. Воды эти, однако, никогда не достигаютъ Сыръ-дарьи, — ихъ по дорогѣ отводятъ арыками для затопленія рисовыхъ полей.

Наманганъ окруженъ селами и садами; въ немъ живетъ уѣздный начальникъ. Сеидъ-кулы-бекъ, Ходжа ишанъ и медресе Сердаби единственныя зданія въ городѣ, достойныя мимолетнаго вниманія путешественника; четырехугольная базарная площадь Исхакъ-ханъ, разстилающаяся передъ вышеупомянутымъ медресе, является мѣстопребываніемъ мѣстныхъ кузнецовъ и торговцевъ желѣзомъ.

Выбраться изъ Намангана не такъ-то легко. По замершей теперь уличной грязи проходили глубокія твердыя колеи, прорѣзанныя колесами арбъ; по этимъ-то колеямъ и надо было ѣхать во что бы то ни стало. Трясаясь и подпрыгивая, плелись мы по нимъ всю дорогу до Нарына, настоящаго восточнаго Сыръ-дарьи, черезъ который надо переѣзжать по деревянному мосту. Каждую весну его сноситъ напоромъ воды и къ лѣту его строятъ вновь. Дорога пересѣкаетъ Нарынъ близехонько отъ впаденія Кара-дарьи, главнаго его притока. Отъ города Балыкчи, расположеннаго на лѣвомъ берегу Кара-дарьи, ямщикъ повезъ меня въ Минъ-булакъ на Сыръ-дарьѣ, которая повыше отдѣляетъ отъ себя своеобразный рукавъ Мусульманъ-куль, образующій поросшее тростникомъ болото Сары-су. Болото все было покрыто льдомъ и снѣгомъ; кругомъ было голо и пусто, мѣстность порою слегка пересѣ-

ченая; временами показывались стада пасущихся овецъ, но на чемъ собственно онѣ паслись, такъ и осталось для меня загадкой. Миновавъ Ясъ-ауанъ, достигъ я 4 февраля главнаго города Ферганы Маргелана, гдѣ губернаторъ, генералъ Повало-Швейковскій принялъ меня съ изысканной любезностью и оказывалъ мнѣ всякое содѣйствіе въ продолженіе двадцати дней, которыя я провелъ у него въ домѣ, занимаясь приготовлениями къ отъѣзду на Памиръ.

Но прежде чѣмъ оставить Фергану и отправиться въ полный приключеній путь, черезъ Памиръ, я хочу дать краткій отчетъ о тѣхъ наблюденіяхъ, которыя я произвелъ на Сырь-дарьѣ.

Первая серія измѣреній, произведенная 25 ноября 1893 г. около Казалинска дала въ результатъ 565 куб. метр. воды въ секунду. Глубина колебалась между 2—3 метр.; средняя глубина была 2.46 м., а средняя скорость 78 сантим. въ секунду; температура воды $+ 0.4^{\circ}$. Въ воздухѣ было вполне тихо, и наблюденія производились съ заякоренной лодки въ 6 пунктахъ посреди рѣки.

Два мѣсяца спустя, 27 января 1894 г. я произвелъ подобную-же серію наблюдений около Ходжента. Температура воздуха была въ 1 ч. 30 м. пополудни $- 2.9^{\circ}$; дулъ слабый восточный вѣтеръ; въ водѣ термометръ показывалъ $+ 0.5^{\circ}$. Около праваго берега лежалъ тонкій ледяной покровъ въ 9 метровъ ширины, а около лѣваго въ 17 метр. ширины; оба образовались подъ прикрытіемъ моста; выше же и ниже моста совсѣмъ не было льда; по водѣ плыло только сало; самая вода была здѣсь чище, прозрачѣе, чѣмъ около Казалинска. Благодаря длинѣ моста въ 175 метровъ, изъ которыхъ 44 метра находились на сухомъ пескѣ, легко было опредѣлить ширину рѣки, достигающую здѣсь, слѣдовательно, 131 метра. Наблюденія производились, какъ и около Казалинска, въ шести пунктахъ съ лодки, которую укрѣпили посредствомъ веревки въ 60 метрахъ ниже моста. Глубина измѣрялась шестомъ въ 6 метр. длины, а скорость течения, какъ обыкновенно, посредствомъ неподвижныхъ и свободныхъ поплавковъ.

Какъ и надо было ожидать, принимая во вниманіе условія рельефа Ферганской долины, наибольшая глубина и

соотвѣтственная наибольшая скорость течения оказывается недалеко отъ праваго берега, гдѣ находится крутая изолированная гористая мѣстность, тогда какъ лѣвый южный берегъ сравнительно пологъ, но все же настолько возвышается надъ водой, что жители Ходжента не безъ труда достаютъ себѣ оттуда воду, когда небольшой источникъ Акъ-су, протекающій черезъ городъ, высыхаетъ.

Средняя глубина доходила до 3.87 м. (максимумъ 5.77 м.) площадь живого сѣченія рѣки до 480 кв. м.; средняя скорость течения до 76.3 сантим. (максимумъ 94 сантиметра), а притокъ воды до 365 куб. м. въ секунду. Пространство между мостомъ и поверхностью воды доходило теперь до 6.18 м., но на сваяхъ моста мнѣ показали знаки, свидѣтельствовавшіе, что прошлымъ лѣтомъ вода стояла почти на $4\frac{1}{2}$ м. выше.

Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, что около Ходжента притокъ воды оказался приблизительно на 200 куб. метр. меньше, нежели около Казалинска, но фактъ этотъ объясняется самымъ простымъ образомъ. Прежде всего рѣка Чирчикъ около Ташкента приноситъ при самомъ низкомъ уровнѣ воды около 100 куб. метровъ въ секунду; кромѣ того Сырь-дарьѣ принимаетъ въ нижнемъ теченіи разные притоки, текущіе изъ горъ Кара-тау и Таласъ-тау; изъ нихъ уже упомянутый мной Арысъ довольно значительная рѣка, и, наконецъ, надо помнить, что зимою мало расходуется воды на орошеніе (арыки), что испареніе въ это время года незначительно, и что при низкомъ уровнѣ воды мало или совсѣмъ не пропадаетъ воды въ береговыхъ болотахъ; наблюденія около Ходжента производились, вѣдь, двумя мѣсяцами поздне, нежели около Казалинска.

Лѣтомъ наблюдений надъ количествомъ воды въ Сырь-дарьѣ не производилось, но можно почти съ увѣренностью предполагать, что въ это время года, наоборотъ, количество воды около Чиназа (близъ Ташкента) гораздо значительнѣе, нежели около Казалинска.

Въ январѣ 1891 г. на обратномъ пути изъ Кашгара на Иссыкъ-куль, я имѣлъ случай видѣть, какія огромныя массы снѣга скопляются зимою въ горахъ къ югу отъ Иссыкъ-куля. Весной и лѣтомъ эти массы таютъ, и Нарынъ превращается въ мощную рѣку, несущуюся по своему каменному ложу въ

Ферганскую долину. Кара-дарья также значительно увеличивается въ размѣрахъ, хотя снѣговые осадки въ той части Тянь-шаня, гдѣ ея источники, и не такъ обильны, какъ въ областяхъ къ югу отъ Иссыкъ-куля. Кара-дарья, какъ и Чирчикъ, вноситъ въ Сыръ-дарью значительную массу воды, и около Чиназа Сыръ-дарья весной и лѣтомъ является мощною рѣкою, хотя и не можетъ сравниться съ сестрой своей Амударьей.

Тѣмъ не менѣе, водная масса не достигаетъ такихъ размѣровъ, какія, казалось, должны были-бы обезпечить данныя условия мѣстности. Чиназъ лежитъ на 186 м. надъ уровнемъ Аральскаго моря, но отстоитъ отъ него почти на 1,420 кил. и величина паденія равняется поэтому только 1,31 децим. на килом., такъ что вода имѣетъ достаточно времени для испаренія, еще облегчающагося чрезвычайною сухостью и теплою воздухомъ въ лѣтнее время.

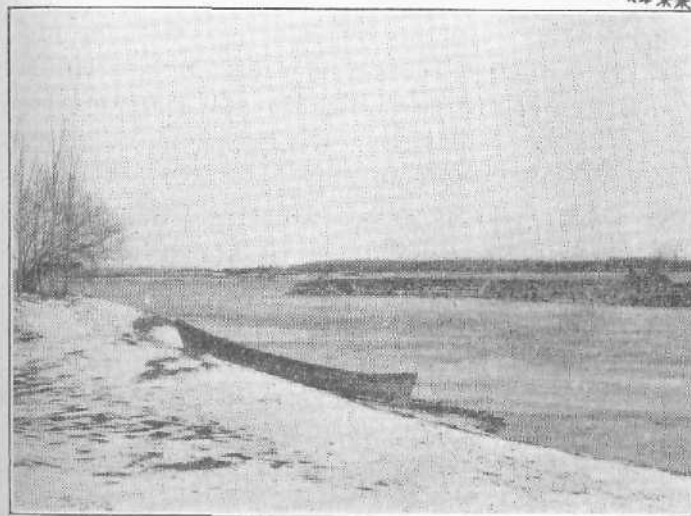
Вліяютъ на рѣку и другія причины. Часть воды всасывается почвой, часть отводится арыками, часть, и довольно значительная, уходитъ на образованіе по берегамъ, особенно на правомъ, болотъ и озеръ. Самыя большія болота находятся между Казалинскомъ и устьемъ, другія къ востоку отъ Перовска, а главнымъ образомъ между Перовскомъ и Кармакчи, гдѣ поросшее камышомъ Бакалы-копа занимаетъ площадь въ 4,500 кв. верстъ. Такимъ образомъ рѣка теряетъ большія массы воды, и вотъ почему и можно утверждать, что лѣтомъ количество воды гораздо значительнѣе около Чиназа, нежели около устья.

Между Минъ-булакомъ и Ходжентомъ проѣзжія дороги пересѣкаютъ Сыръ-дарью въ 15 мѣстахъ, и сообщеніе поддерживается 27 парами, содержимыми однимъ русскимъ подрядчикомъ. Самый оживленный провозъ товаровъ идетъ черезъ Шахандъ, гдѣ переправа въ лѣтнее время даетъ до 1.200 рублей въ мѣсяцъ, зимою-же только 300—400 рублей. Около Минъ-булака выручаютъ только 400 р. лѣтомъ и 200 зимой.

За переправу нагруженной товарами арбы берутъ 25 к., за навьюченнаго верблюда 15 к., за лошадь 5 к., за пѣшаго челоука 2 к.

Около Гурумъ-сарая, гдѣ находится одна изъ важнѣй-

шихъ переправъ, я произвелъ третью серію наблюденій. Небо было ясно, вѣтра не было, температура воздуха въ 5 ч. пополуночи равнялась — 4.9°, а средняя температура воды + 1.9°. Ширина рѣки (по тригонометрическому измѣренію) оказалась 195 м. Правый берегъ пологій и низкій, лѣвый очень крутъ, 3 м. вышиной и сильно подмытъ теченіемъ. Въ 10 метр. разстоянія отъ него и оказалась наибольшая глубина, 2.88 м. не сопутствуемая, однако, наибольшею скоростью теченія (126 сантим. въ секунду), которая замѣчается всего въ 5 метрахъ отъ праваго берега. Почти посрединѣ русла мель, и ско-

Сыръ-дарья около Казалинска.

(Съ фотографіи автора).

рость теченія тутъ незначительная, но увеличивается по направленію къ обоимъ берегамъ, около которыхъ расположены наиболѣе глубокія мѣста.

Средняя глубина 1.61 м., площадь живого сѣченія рѣки 285 кв. м.; средняя скорость 78,3 сантим., а притокъ воды 222 куб. м. въ секунду. Большая разница — 143 куб. м. — между притокомъ воды около Ходжента и около Гурумъ-сарая поражаетъ особенно въ виду того, что рѣка на этомъ протяженіи не принимаетъ особенно значительныхъ притоковъ, и объясняется, какъ я постараюсь сейчасъ доказать, температурой и осадками.

На пути между Наманганомъ и Маргеланомъ я пересѣкъ нижнее теченіе Нарына, около кышлака Джида-копа, и нижнее теченіе Кара-дарьи между городами Чуджа и Балыкчи. Объ этихъ двухъ истокахъ Сыръ-дарьи говорятъ вообще, что Нарынъ самый обильный водой, а Кара-дарья быстрѣйшій. Последнее положеніе всегда оправдывается, — на прострaнствѣ 147 килом. отъ Узгена (982 м.) до Чуджи (400 м.) величина паденія Кара-дарьи равняется 582 м. или 3.96 м. на километръ; паденіе Нарына, напротивъ, на протяженіи 141 килом., т. е. отъ мѣста около развалицъ крѣпости Кетмень-тюбе (854 м.) до Джида-копа (399 м.) только 455 м. или 3.23 м. на километръ. Разница высотъ не особенно велика, но всетаки обуславливаетъ то, что Кара-дарья и въ нижнемъ своемъ теченіи нѣсколькими сантиметрами быстрѣе Нарына. Первое-же положеніе не всегда оправдывается, такъ какъ зимою Кара-дарья вдвое многоводнѣе Нарына.

Происходитъ это оттого, что Нарынъ протекаетъ по болѣе сѣверной и холодной области и окаймленъ со всѣхъ сторонъ высокими горными цѣпями, гдѣ держатся сильные холода, между тѣмъ такъ Кара-дарья течетъ южнѣе и проходитъ по восточной части Ферганской долины, гдѣ зимняя температура значительно мягче, да и долина защищена высокими горами отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ.

Словомъ уровень воды въ Нарынѣ понижается потому, что большая часть его водъ бываетъ скована льдомъ. Особенно относится это къ маленькимъ притокамъ и ручьямъ, протекающимъ по высокимъ поперечнымъ долинамъ. Въ области Кара-дарьи холода, напротивъ, не такъ сильны, и рѣка поэтому принимаетъ въ себя и въ холодное время года сравнительно много воды, хотя снѣговые осадки здѣсь и менѣе обильны. Въ сравненіи съ Нарыномъ Кара-дарья такимъ образомъ тратитъ на образованіе льда меньше воды. Зато весною, когда льды и снѣга на прилегающихъ къ Нарыну горахъ начинаютъ таять, воды въ рѣкѣ прибываетъ, и она быстро становится куда обильнѣе водою, нежели Кара-дарья, въ области которой нѣтъ такихъ запасовъ снѣговъ и льда.

Сартскіе мосты на сваяхъ, перекинутые черезъ Нарынъ и Кара-дарью, значительно облегчали измѣренія. На Нарынѣ я произвелъ 2 февраля въ 2 часа дня, при благоприятной по-

годѣ и температурѣ—5.6° слѣдующія наблюденія. Средняя глубина равнялась 1.78 м. (максимумъ 2.61 м.), площадь живаго сѣченія 78 кв. м.; средняя скорость 111.6 сантим. (максимумъ 138 сантим.), притокъ воды 87 куб. метр. Наибольшая глубина и скорость приходились на правую половину рѣки. Тутъ-же по теченію несло въ избиліи ледяное сало. Наибольшее количество его приходилось на полосу воды, отстоящую всего въ 11 метр. отъ праваго берега и, такимъ образомъ, не совпадало, какъ можно было ожидать, съ полосой наибольшей скорости теченія, приходившеюся на разстояніи 23 метровъ отъ того же самого берега.

Приблизительно въ верстѣ съ половиной къ югу я часа черезъ два пересѣкъ Кара-дарью и произвелъ слѣдующія наблюденія: средняя глубина 1.6 м.; наибольшая глубина 3.32 м.; площадь живаго сѣченія 113 кв. м.; средняя скорость 118 сантим. (максимумъ 138 сантим.); притокъ воды 133 куб. м.

Въ общемъ притокъ воды Нарына и Кара-дарьи 220 куб. м. или столько-же, сколько я нашелъ на Сыръ-дарьѣ около Гурумъ-сарая.

Если сравнить обѣ рѣки между собою, выходитъ, что Кара-дарья на 28 м. шире Нарына, но въ общемъ мелководнѣе, хотя максимумъ глубины ея и больше. Въ обѣихъ рѣкахъ максимальная глубина находится близъ праваго берега, а наибольшая скорость теченія влѣво отъ наибольшей глубины. У обѣихъ рѣкъ правый берегъ гораздо болѣе подмытъ, круче и выше, нежели лѣвый, пологій и низкій. Тѣ-же условія находимъ мы и на Сыръ-дарьѣ около Ходжента.

Условія эти, повидимому, въ связи съ стремленіемъ рѣки уклоняться вправо. Въ 1892 г. явилось ясное доказательство, что и Нарынъ въ нижнемъ своемъ теченіи обнаруживаетъ такое-же стремленіе. Въ десяти верстахъ повыше Учъ-кургана Нарынъ покидаетъ свою поперечную долину и направляется по ровной Ферганской долинѣ. А какъ только рѣка покидаетъ свое глубокое, рѣзко очерченное скалистое русло, она становится широкой и мелкой, пересѣченной отмелями и песчаными островами, и протекаетъ только незначительное пространство.

Въ какихъ нибудь двухъ верстахъ ниже Учъ-Кургана, отъ праваго берега рѣки идетъ самый большой арыкъ Наманганской области Янги-арыкъ, проведенный для орошенія рисо-

выхъ полей. Теперь рѣка, однако, сама выказала стремленіе перемѣститься въ русло арыка, что, разумѣется, было-бы въ высшей степени опасно для земледѣлія въ этой плодородной области; чтобы помѣшать этому, русская администрація возвела въ началѣ 1893 года четыре дамбы подѣ прямымъ угломъ къ правому берегу; такимъ образомъ заставили воду идти по прежнему руслу лѣвѣе.

Изъ этихъ четырехъ дамбъ самая верхняя имѣетъ 43 м. длины, а самая нижняя 287 м.; первая три 10 м. ширины, а четвертая, самая нижняя, 6 м. Матеріаломъ для возведенія дамбъ послужили древесные стволы, камни и фашины. Работы были закончены въ два мѣсяца, велись подѣ наблюдениемъ русскаго офицера 200—400 рабочими сартами и обошлись въ 18,000 р. Въ „стоячей водѣ“ пониже каждой дамбы скоро скопились большія массы песку и шлама, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стали сажать деревья, чтобы придать сооруженію большую устойчивость. Примѣръ этотъ ясно говоритъ о стремленіи рѣки уклониться вправо.

На пути отъ Минъ-булака до Маргелана и во многихъ мѣстахъ наблюдались слѣды старыхъ рѣчныхъ руселъ. Самое значительное изъ нихъ Сары-су, которое впадаетъ въ поросшее камышемъ болото того-же названія, бывшее во время моего посѣщенія скованнымъ тонкимъ блестящимъ ледкомъ. Весьма вѣроятно, что расположенное дальше на востокъ продолженіе арыка Мусульманъ-куль представляетъ старое русло Сыръ-дарьи.

Къ югу отъ Сыръ-дарьи между меридіанами Кокана и Маргелана идетъ непрерывная полоса болотистыхъ мѣстностей: Ачи-куль, Дамъ-куль и Сары-су, которыя весной и лѣтомъ снабжаются водой изъ рѣки черезъ старыя покинутыя русла, а также излишкомъ воды изъ арыковъ Андижана. Къ югу отъ этихъ низкихъ болотистыхъ мѣстностей простирается песчаная пустыня. Къ сѣверу отъ Сыръ-дарьи, напротивъ, нѣтъ никакихъ болотъ или старыхъ руселъ. Только по нижнему теченію, преимущественно вдоль праваго берега, идутъ трясины и лагуны.

И здѣсь мы находимъ довольно убѣдительныя доказательства того, что рѣка перемѣщается вправо, или къ сѣверо-востоку. На протяженіи 635 килом. отъ Казалинска до Тапъ-Су-

ата почтовый трактъ идетъ вдоль праваго берега, совсѣмъ близко отъ него. Многіе изъ станціонныхъ домиковъ, которые первоначально были построены въ значительномъ разстояніи отъ берега, теперь оказываются вблизи воды, и нѣкоторые изъ нихъ пришлось даже бросить и выстроить новые подалше.

Сравнивая Нарынъ и Кара-дарью мы видимъ, что первый несетъ большое количество пловучаго льда, а на второй, напротивъ, нѣтъ и слѣда льда. Вода въ Нарынѣ была почти совсѣмъ свѣтлая и прозрачная, а въ Кара-дарьѣ мутная и нечистая. Температура воды въ Нарынѣ равнялась -0.1° , а въ Кара-дарьѣ $+3.3^{\circ}$. Количество землистыхъ частицъ, приносимыхъ водой, зависитъ, разумѣется, частью отъ неоднородности почвы, частью отъ количества воды и наклона русла, а можетъ быть, также до нѣкоторой степени и отъ температуры воды. Низкая температура воды и присутствіе льда въ Нарынѣ зависитъ, конечно, отъ того, что рѣка протекаетъ по болѣе холоднымъ областямъ, нежели Кара-дарья, которая поэтому и теплѣе и свободна ото льда.

Наконецъ, да будетъ мнѣ позволено сказать нѣсколько словъ о влияніи, которое оказываетъ на Сыръ-дарью около Минъ-булака, Гурумъ-сарая и Ходжента обиліе воды въ Нарынѣ и Кара-дарьѣ. Около Минъ-булака я рѣшилъ привести послѣднюю серію наблюдений; къ сожалѣнію, перевозъ здѣсь такъ устроенъ, что парома нельзя удержать неподвижно на рѣкѣ. Ширина рѣки достигаетъ 180 м. Въ десяти метрахъ отъ лѣваго берега глубина равнялась 1.5 м., а скорость теченія цѣлымъ 147 сантим. въ секунду. Въ 20 метрахъ отъ праваго берега глубина равнялась 1.45 метр., а скорость только 57 сантим. Приблизительно посреди рѣки глубина равнялась 2.5 м.

Неравномерность температуры и цвѣта воды даетъ поводъ къ нѣкоторымъ интереснымъ заключеніямъ. Около праваго берега термометръ показывалъ $+1.1^{\circ}$; въ 60 м. оттуда $+1.5^{\circ}$; въ 60 м. отъ лѣваго берега $+2.1^{\circ}$, а вблизи этого берега $+2.3^{\circ}$. Здѣсь надъ рѣкою въ 11 ч. утра при температурѣ воздуха -9.7° подымался облаками густой туманъ, и перевозчики сообщили мнѣ, что рано утромъ туманъ былъ до того густъ, что въ нѣсколькихъ метрахъ парома уже не было видно съ берега. Такое явленіе, повидимому, весьма обычно здѣсь въ это время года.

Около праваго берега, гдѣ течетъ холодная вода, рѣка „не дымилась“. Здѣсь полоса воды шириною приблизительно въ 15 метр. имѣла тотъ-же прозрачный свѣтло-зеленый цвѣтъ, какъ и вода въ Нарынѣ; но за этой полосой вода сразу становилась мутной и оставалась такой вплоть до лѣваго берега, — совершенно, какъ въ Карѣ-дарьѣ. Это доказываетъ, что воды этихъ двухъ рѣкъ не смѣшиваются даже на 7-ой верстѣ послѣ своего слиянія, или вѣрнѣе, что теплая, мутная вода Кара-дарьи разливается поверхъ холодныхъ свѣтлыхъ струй Нарына, оставляя свободной только узкую полосу воды около праваго берега. То обстоятельство, что послѣдняя становится на короткомъ протяженіи на 1° теплѣе, зависитъ, конечно, отъ тѣснаго соприкосновенія съ болѣе теплой водой Кара-дарьи.

Около Гурумъ-сарая вода, какъ сказано выше, вездѣ имѣла температуру въ $+19^{\circ}$, а также во всю ширину тотъ-же мутный цвѣтъ, какъ въ Карѣ-дарьѣ, причемъ рѣка здѣсь была совершенно свободна ото льда. И даже безъ измѣренія температуры можно было доказать, что теченіе Кара-дарьи здѣсь сильнѣе теченія Нарына, и что пловучій ледъ имѣлъ время разтаять на протяженіи 89 килом. О томъ, что условія были одни и тѣ-же, какъ 30 января, такъ и 2 февраля, свидѣтельствуетъ количество воды, бывшее одинаковымъ въ обоихъ случаяхъ.

Около Ходжента условія оказались совершенно иными. Прежде всего количество воды было здѣсь на 140 куб. м. больше, нежели около Гурумъ-сарая; дальне температура воды равнялась только $+0.5^{\circ}$, т. е. почти на полтора градуса холоднѣе, нежели около Гурумъ-сарая, отстоящаго на 173 килом. отъ Ходжента. Наконецъ, здѣсь вода была гораздо чище, чѣмъ около Гурумъ-сарая, и несла не малое количество льда. Отсюда слѣдуетъ, что вода, струившаяся 27 января около Ходжента по руслу Сырѣ-дарьи, состояла главнымъ образомъ изъ воды Нарына, потому что вся водная масса имѣла свойства этой послѣдней: была холодна, прозрачна и смѣшана съ пловучимъ льдомъ.

Вскорѣ послѣ того температура понизилась; 30 января въ 9 ч. вечера въ Чустѣ температура была -11.2° ; 1-го февраля въ 8 ч. утра въ Наманганѣ -9.5° , а на слѣдующій день въ то же время и въ томъ-же мѣстѣ -10.6° .

Въ горахъ, конечно, паденіе температуры было замѣтно въ болѣе сильной степени. Притоки и отчасти самъ Нарынъ стали замерзать; рѣка потеряла поэтому большое количество воды и стала значительно меньше, нежели Кара-дарья. Уровень воды въ Сырѣ-дарьѣ быстро понизился, и около Гурумъ-сарая количество воды стало на 140 куб. м. меньше, чѣмъ за нѣсколько дней до того.

Въ сущности поразительно, что количество воды можетъ такъ сильно убывать въ столь короткое время, но это обычное и легко объяснимое явленіе. Такъ намаганскій областной начальникъ сообщалъ мнѣ, что уровень Нарына не рѣдко въ теченіе пяти дней повышается на 3 м., а затѣмъ такъ-же быстро спадаетъ. Происходить это всегда послѣ сильнаго и продолжительнаго дождя въ прилегающихъ горахъ. Итакъ, какъ я раньше и указалъ, нельзя утверждать, что Нарынъ вообще наиболѣе обильный водой изъ двухъ рѣкъ, такъ какъ отношенія между количествомъ воды въ нихъ мѣняются съ временами года, т. е. соотвѣтственно температурѣ и количеству осадковъ въ рѣчныхъ областяхъ.

Сырѣ-дарья не замерзаетъ на всемъ протяженіи по Ферганѣ до Ходжента, но уже около Чиназа часто покрывается такимъ толстымъ льдомъ, который въ состояніи сдерживать почтовые тройки.

IV.

Зимнее путешествіе по Памиру.

На границахъ восточнаго и западнаго Туркестана, Бухары, Афганистана и Индіи возвышается огромное плато, гигантскій горный узелъ, отъ котораго расходятся къ востоку и юго-востоку величайшіе горные хребты Кунь-лунь и Гималайскій, къ сѣверо-востоку Тянь-шань и къ юго-западу Гинду-ку, а между двумя первыми изъ названныхъ хребтовъ уходитъ вглубь Тибета Каракорумъ. Здѣсь, согласно показаніямъ многихъ ученыхъ, жили первые люди, а преданія рассказываютъ, что отсюда вытекали четыре большія рѣки, протекающія по раю и упоминаемыя въ библии. Жители Нагорной

Азии до сихъ поръ еще величаютъ Памиръ „крышей міра“, откуда огромные великаны смотрѣли на всю остальную землю.

Въ политическомъ отношеніи Памиръ находился въ недавнее время подъ властью коканскихъ хановъ, а съ отнятіемъ могущественнымъ сосѣдомъ власти у послѣдняго изъ хановъ Кокана, право на Памиръ перешло къ Россіи. Послѣдняя, однако, мало обращала вниманія на эту непроходимую и почти необитаемую область, что и ободрило восточныхъ сосѣдей присоединить къ своимъ владѣніямъ различныя ея части. Афганцы овладѣли Бадахшаномъ и Шугнаномъ, и показались въ Рошанѣ и Вашанѣ, гдѣ они около рѣки Чянджъ и воздвигли форты. Китайцы овладѣли восточными пограничными областями Памира, а англичане взяли Читралъ и Канджуртъ.

Русскіе перестали, наконецъ, оставаться равнодушными къ такимъ захватамъ. Въ 1891 г. полковникъ Іоновъ съ 1,000 казаковъ и караваномъ, везшимъ полное боевое вооруженіе, провіантъ и даже митральезы, выступилъ изъ Маргелана и прошелъ весь Памиръ до Гинду-ку, гдѣ близъ перевала Барогилъ имѣлъ стычку съ афганцами. Вскорѣ затѣмъ былъ основанъ около р. Мургаба фортъ Ша-джанъ, позже Памирскій постъ; сотни двѣ казаковъ блюдутъ оттуда интересъ Россіи въ Памирѣ.

Въ послѣдніе годы о Памирѣ столько говорили и писали, что эта прежде почти забытая, окутанная полярными холодами страна въ самомъ сердцѣ Азии стала предметомъ живѣйшаго интереса и цѣлью важныхъ, пожалуй, роковыхъ политическихъ и стратегическихъ мѣропріятій. Нѣкоторыя области Памира оставались еще безъ хозяевъ, и обитавшіе тамъ въ вѣчной борьбѣ съ холодами немногочисленные киргизы, не знали надъ собой ничьей власти и не платили никакихъ налоговъ. Но всѣ сосѣди стали протягивать къ нимъ руки, сооружая по близости форты, и хотя никто еще и не рѣшается сдѣлать перваго шага, всѣ готовы открыть огонь при первомъ удобномъ случаѣ.

Во время моего пребыванія въ домѣ барона Вревскаго, мы часто говорили о Памирѣ, и мнѣ пришла мысль отправиться въ Кашгаръ черезъ Памиръ. Когда я принялъ это рѣшеніе, почти всѣ стали отговаривать меня, а офицеры, принимавшіе

участіе въ Іоновской экспедиціи, предсказывали мнѣ всевозможныя опасности и совѣтовали подождать мѣсяца два-три.

Одинъ капитанъ, зимовавшій годъ передъ тѣмъ на Мургабѣ, увѣрялъ, что я подвергаю себя ужаснымъ бѣдамъ и неминуемо рискую очутиться въ критическомъ положеніи. Даже житель сѣвера не имѣетъ понятія о томъ холодѣ и буранахъ, которые свирѣпствуютъ зимою на Памирѣ. Да и среди лѣта бураны и морозъ въ 10° тамъ не въ рѣдкость. Зимою 1892-93 г. температура въ концѣ января упала до — 43° а бураны не прекращались. Буранъ раздражается неожиданно, — часто за минуту до того небо бываетъ совершенно безоблачно, ясно; тропа моментально оказывается занесенной, воздухъ наполняется крутящеюся снѣжною пылью, и въ двухъ шагахъ ничего не видно; необходимо немедленно остановиться, завернуться въ шубу и переждать, да благодарить Бога, коли удастся еще остаться въ живыхъ.

Капитанъ совѣтовалъ мнѣ также во время переходовъ никогда не удаляться отъ своего каравана; внезапный буранъ можетъ отрѣзать меня отъ моихъ спутниковъ и тогда уже невозможно будетъ опять соединиться съ ними, даже если разстояніе, отдѣляющее насъ другъ отъ друга, не превыситъ нѣсколькихъ десятковъ шаговъ. Все будетъ окутано облаками снѣга, среди которыхъ едва различимъ лошадь, на которой сидишь; крики о помощи замрутъ неслышанными; даже выстрѣловъ не будетъ слышно изъ-за воя снѣжной бури, и путникъ, очутившійся въ такой буранъ, безъ палатки, безъ провіанта, безъ шубы, безъ войлоковъ, можетъ читать себѣ отходную. Словомъ полковникъ Іоновъ и капитанъ Ванновскій, оба извѣстные и опытные путешественники по Памиру, отнюдь не завидовали моему путешествію и всячески предупредили меня.

Нашлось всетаки двое людей, которые не такъ мрачно смотрѣли на мое предпріятіе и, напротивъ, ободряли меня и обѣщали сдѣлать все возможное, чтобы облегчить мнѣ его осуществленіе. Это были генералъ Вревскій и губернаторъ Ферганы генералъ Повало-Швейковскій, и они блестяще сдержали свое слово. По инициативѣ барона Вревскаго губернаторъ Ферганы еще за недѣлю до моего отъѣзда изъ Маргелана отдалъ черезъ джигитовъ (сартскіе курьеры) приказаніе

зимовавшимъ въ долині Алая киргизамъ принимать меня повсюду и держать для меня на готовѣ юрту, снабжать меня бараниной и топливомъ, сзывать народъ, чтобы расчищать дорогу отъ снѣга, вырубать ступеньки на опасныхъ узкихъ ледяныхъ тропинкахъ Алайскаго хребта, помогать при нагружкѣ каравана, отыскивать проводниковъ и проч. Съ такимъ же приказаніемъ снарядили курьеровъ на Мургабъ. Затѣмъ, я получилъ письмо къ тамошнему коменданту и къ китайскому коменданту на Булюнь-кулѣ около границы; было также сдѣлано распоряженіе, чтобы джигиты сопровождали меня весь путь. Что-же до снаряженія каравана, то свѣдующіе люди, какъ нельзя лучше, помогли мнѣ и въ этомъ.

Заранѣ составленный маршрутъ нашъ лежалъ черезъ Алайскій хребетъ, переваль Тенгисъ-бай и долину Алая, черезъ переваль Кызылъ-артъ и озеро Кара-куль, черезъ переваль Акъ-байталъ и на Памирскій постъ у Мургаба; всего 459 в., раздѣленныхъ на 18 дневныхъ переходовъ и 5 дневокъ, согласно слѣдующему росписанію:

Отъ Маргелана до Учъ-Кургана	35	верстъ
„ „ „ Аустана	23	„
„ „ „ Лянгара	40	„
„ „ „ Тенгисъ-бая	26	„
„ „ „ Дараутъ-курмана	24	„
„ „ „ Кызылъ-ункура	22	„
„ „ „ Кашка-су	26	„
„ „ „ Джиптыка	25	„
„ „ „ Арча-булака	20	„
„ „ „ Боръ-доба	27	„
„ „ „ Кокъ-сая	27	„
„ „ „ Кара-куля (сѣв. берега)	25	„
„ „ „ Кара-куля (южнаго берега)	20	„
„ „ „ Мусъ-кола	27	„
„ „ „ Акъ-байтала	18	„
„ „ „ Рабата № 1	23	„
„ „ „ Чичекты	25	„
„ „ „ Памирскаго поста	20	„

Въ Аустанѣ, Дараутъ-курманѣ, Арча-булакѣ, Кара-кулѣ и рабатѣ № 1 мы должны были останавливаться и днелать, чтобы не слишкомъ изнурить лошадей.

Въ общемъ я и слѣдовалъ по этому маршруту съ нѣкоторыми маленькими отступленіями, вызванными обстоятельствами.

Старый сартекій купецъ доставилъ лошадей. Я нанялъ себѣ одну верховую и 7 вьючныхъ лошадей съ платой по рублю въ день за каждую. Выгоднѣе было-бы купить лошадей и потомъ продать ихъ въ Кашгарѣ, но зато въ настоящемъ случаѣ жизнь и цѣлость наемныхъ лошадей, уходъ за ними и кормъ уже не касались меня. Въ придачу были даны еще двое проводниковъ и три вьючныхъ лошади. Маленькій, смѣшленный, бывалый джигитъ Рехимъ-бай съ обвѣтреннымъ лицомъ, умѣвшій говорить по русски, отличный поваръ, опредѣлился для ближайшихъ услугъ мнѣ за 25 р. въ мѣсяцъ „со столомъ и квартирой“, но долженъ былъ имѣть свою зимнюю одежду и лошадь. Въ пути онъ нѣсколько разъ собирался умереть и сопровождалъ меня только до Кашгара.

Одинъ изъ двухъ верховыхъ киргизовъ былъ гораздо выносливѣе и отлично замѣнялъ Рехима, когда тотъ бывалъ боленъ. Звали его Исламъ-бай, родомъ онъ былъ изъ Оша; во все время нашего длиннаго пути онъ оставался лучшимъ моимъ слугой. Я теперь-же выдаю ему почетный отзывъ, но на слѣдующихъ страницахъ читатель самъ увидитъ, что я дѣйствительно былъ многимъ обязанъ этому человѣку, который былъ моимъ вѣрнымъ спутникомъ во всякую погоду и во всѣхъ опасностяхъ. Онъ видѣлъ меня впервые, не имѣлъ понятія о томъ, куда мы идемъ, но оставилъ свой домъ и семью въ Опѣ и спокойно послѣдовалъ за мною дѣлать неизвѣстную судьбу, ожидавшую насъ въ глубинѣ Азіи.

Мы бродили вмѣстѣ по сыпучимъ пескамъ пустыни Гоби, чуть не умирали отъ жажды, и, когда другіе пали, онъ спасъ мои замѣтки и карты. Онъ всегда былъ первымъ, когда надо было переходить черезъ высокія, покрытыя снѣгомъ горы, вѣрной рукой велъ мой караванъ вбродъ черезъ пѣнящіяся рѣки, оставался на своемъ посту, когда тангуты хотѣли напасть на насъ. Онъ оказалъ мнѣ неисчисленныя услуги; безъ него мое путешествіе не закончилось бы такъ счастливо. Теперь онъ съ честью и съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія носить пожалованную ему королемъ Оскаромъ золотую медаль.

Въ Маргеланѣ я оставилъ часть ненужныхъ вещей, между прочимъ старый заслуженный оренбургскій тарантасъ и европейскіе чемоданы, а вмѣсто нихъ купилъ сартскіе „ягданы“, деревянные сундуки, обитые кожей и устроенные такъ, что ихъ легко можно было вѣшать парами на спину лошади. Куплены были также сѣдла, шубы, валенки и провіантъ.

Намъ предстояло часто разбивать палатку на покрытой снѣгомъ равнинѣ, поэтому взяли съ собой два стальныхъ заступа; предстояло карабкаться по отвѣснымъ обледѣлымъ тропинкамъ, поэтому забрали топоры и кирки; предстояло ѣхать по льду черезъ озеро Кара-куль, въ которомъ я намѣревался измѣрять глубину, поэтому бралъ съ собой лотъ и 500 м. крѣпкой бичевки, раздѣленной узлами на концы въ 10 м. каждый. Подставка для измѣрительнаго прибора была устроена такъ, что могла превращаться съ помощью кавказской бурки въ временную миниатюрную палатку, годную на случай бурана.

22-го февраля караванъ съ джигитами выступилъ въ Учъ-курганъ. На одной лошади были навьючены фотографическіе приборы въ двухъ ягданахъ, на другой—ящики съ приборами, книгами и аптекой; четвертая и пятая шли съ провіантомъ, шестая и седьмая съ оружіемъ и остальными вещами. Въ хвостѣ каравана шли еще три лошади съ фуражомъ, и одна изъ нихъ совсѣмъ исчезала подъ громадными мѣшками соломы.

Оба караванныхъ проводника шли пѣшкомъ, подбодряя животныхъ; джигиты ѣхали верхомъ. Въ общемъ составилъ длинный величественный караванъ, и я съ гордостью наблюдалъ съ губернаторскаго двора за его выступленіемъ. Самъ я оставался ночевать въ Маргеланѣ и имѣлъ случай еще разъ сказать прости европейской цивилизаціи: въ этотъ вечеръ у губернатора собрался весь высшій свѣтъ Маргелана. Какая разница со слѣдующими вечерами! Поговоривъ въ послѣдній разъ по шведски съ генераломъ Матвѣевымъ и поручикомъ Кивекесъ, добродушными финляндцами, и сердечно распрощавшись съ губернаторомъ и его любезной семьей, я раннимъ утромъ 23 февраля оставилъ Маргеланъ и присоединился къ Учъ-курганѣ къ моему каравану. Пройдено было всего 35 верстъ, но мѣстность успѣла подняться на 335 метр., и мы очутились уже на высотѣ въ 900 м. слишкомъ.

Учъ-курганъ большой городъ, прекрасно расположенный при рѣкѣ Исфайранѣ, вытекающей изъ Алайскаго хребта. Здѣсь меня ожидалъ торжественный приѣмъ. Еще въ двухъ верстахъ отъ города меня встрѣтили „волостной старшина“ Учъ-кургана въ сопровожденіи своего коллеги изъ расположеннаго выше Аустана; первый былъ сартъ, второй киргизъ; на обоихъ были синіе парадные халаты, бѣлые тюрбаны, пояса изъ кованаго серебра и кривыя сабли въ окованныхъ

Выступленіе моего перваго каравана со двора губернаторскаго дома въ Маргеланѣ.

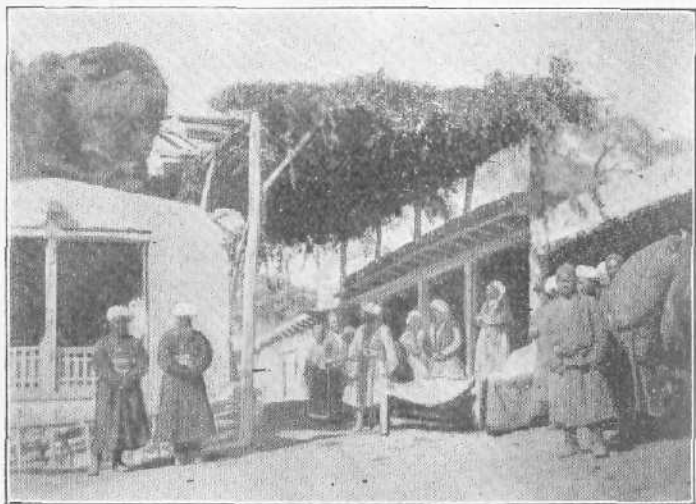
(Съ фотографіи автора).

серебромъ ножнахъ. Имъ сопутствовала большая конная свита. Они проводили меня въ селеніе, гдѣ собралась, въ ожиданіи моего вѣзда, большая толпа народа, чтобы полюбоваться настоящимъ „тамаша“ (зрѣлище, увеселеніе).

Послѣ „дастархана“ караванъ выступилъ снова, сопровождаемый всей конной толпой. Долина Исфайрана стала уже болѣе рѣзко очерченной, но все еще въ нѣсколько сотъ метровъ шириною. Подъемъ шелъ частью по самому дну долины,

между крутыхъ склоновъ. Рѣка глубоко вѣззалась въ твердые конгломераты, и ея темнозеленыя хрустально-прозрачныя воды весело журчали между каменныхъ глыбъ.

Послѣ четырехчасовой ѣзды мы достигли слѣдующаго привала въ Аустанѣ. „Волостной“ приготовилъ прекрасную юрту изъ бѣлой „кошмы“ (толстый киргизскій войлокъ), украшенную снаружи широкими цвѣтными лентами, а внутри выстланную киргизскими коврами; въ ней весело трещалъ огонь. Временную метеорологическую обсерваторію устроили неподалеку отъ стана; багажъ разложили около палатки, лошадей подставили мѣшки съ кормомъ, люди усѣлись вокругъ

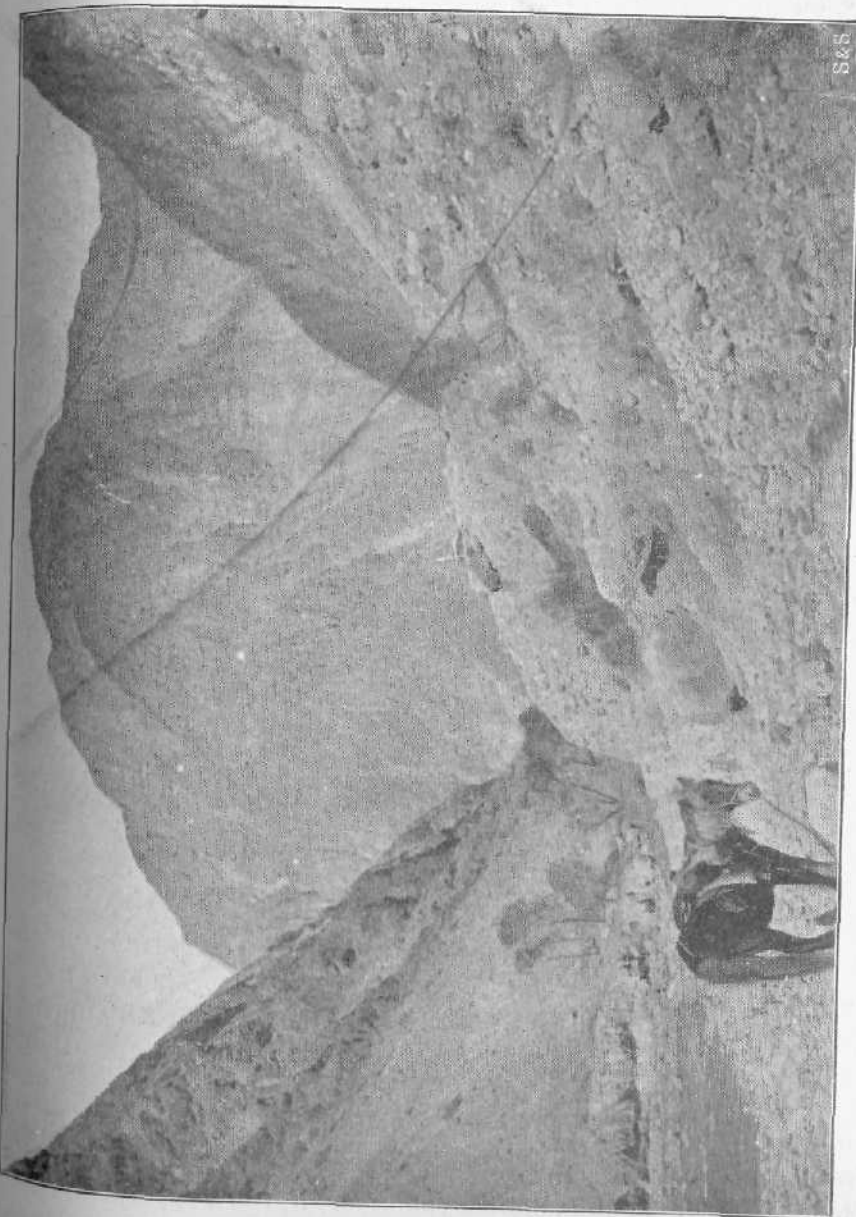

Старшины Учъ-кургана и Аустана около Учъ-курганскаго базара.
(Съ фотографіи автора).

огня подъ открытымъ небомъ, и Рехимъ-баю въ первый разъ представился случай показать свое поварское искусство. Вечеромъ, когда наблюденія были закончены, мнѣ поставили мою походную постель, состоявшую изъ двухъ подставокъ и парусины, натянутой между двумя ягданами.

Слѣдующій день былъ посвященъ отдыху. Киргизскій кышлакъ (зимнее поселеніе) Аустанъ, красивые тополевыя сады котораго виднѣлись въ долинѣ въ верстѣ разстоянія, насчитываетъ сто юртъ. Въ теченіе дня была предпринята экскурсія и сдѣланы различныя наблюденія. Притокъ воды Исфайрана 8 куб. м. въ секунду; температура воздуха равнялась

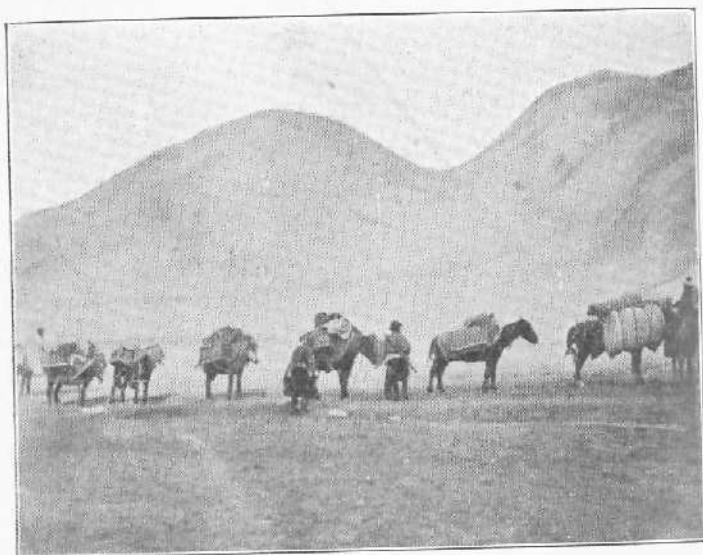
въ 7 ч. утра — 0.5° , максимальный-же термометръ даль за день $+10.6^{\circ}$; гипсотермометръ показалъ 95.7° , а абсолютная высота равнялась почти 1,375 м.

Долина Исфайрана.
(Съ фотографіи автора).

При выступленіи изъ Маргелана я въ хлопотахъ совсѣмъ забылъ достать себѣ собаку, которая-бы караулила нашу юрту,

но оплошность моя была поправлена самым неожиданным образом. 25 февраля мы прошли до расширения долины Лянгаръ (40 верст), и тутъ къ намъ пристала большая желтая киргизская собака; она слѣдовала за нами до самаго Кашгара и каждую ночь держала самый строгій караулъ около палатки. Назвали ее „Джолчи“, или „найденная на дорогѣ“. Тотчасъ за Аустаномъ подъемъ идетъ круто вверхъ; лошади карабкались гуськомъ. Скоро мы поднялись такъ высоко, что журчанье рѣки едва достигало до нашего слуха. Подъемъ шель зигзагами то вдоль кучъ щебня, то извиваясь между ними, то

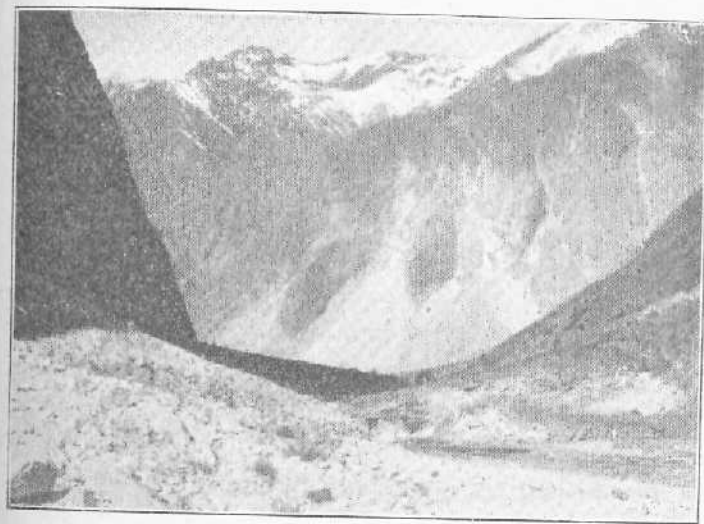

Мой первый караванъ на пути къ Аустану.
(Съ фотографіи автора).

по сильно расширенной долинь, то между гигантскими каменными глыбами, то внизъ къ рѣкѣ, чтобы слѣдовать нѣкоторое время по ея теченію, а затѣмъ опять круто подняться кверху. Параллельные Алайскіе хребты, прорѣзанные поперечной долиной Исфайрана, представляютъ въ высшей степени величественныя скалы, образующія въ долинь точно кулисы и сливающиеся съ нею въ прекраснѣйшую декорацию. Высокія кучи щебня, образующіяся путемъ вывѣтриванія горныхъ породъ, обрушиваются прямо на дно долины, гдѣ по берегамъ Исфайрана растутъ деревья и кусты. Съ обры-

вовъ свѣшиваются косматыми верхушками старыя приземистые кусты можжевельника.

То и дѣло приходится переходить черезъ горныя рѣчки по небольшимъ качающимся деревяннымъ мостикамъ. Одинъ изъ нихъ носитъ знаменательное имя „Чокуръ купрукъ“ или „глубокой мостъ“. Съ вершины скалы, по краю которой бѣжитъ тропинка, мостъ этотъ кажется тоненькой жердочкой въ глубинѣ узкаго ущелья. Тропинка опускается къ мосту почти отвѣсно и такъ-же отвѣсно пзвивается по ту сторону долины. Лошади выбиваются изъ силъ, сопятъ и останавливаются чуть не на каждомъ шагу, чтобы перевести духъ.

Долина Исфайрана близъ Аустана.
(Съ фотографіи автора).

Вьюки то и дѣло приходится поправлять, такъ какъ они все свѣзжаютъ то впередъ, то назадъ. Ободряющіе крики проводниковъ звонко раздаются между отвѣсныхъ скалъ, и караванъ медленно, осторожно, шагъ за шагомъ подвигается по опасной, всего въ шагъ шириною тропинкѣ.

Недалеко отъ моста тропинка оказалась обледенѣвшей и спускалась около одѣтаго сѣгомъ вертикальнаго склона, у подножья котораго торчали острые уступы сланца. Первую лошадь, несшую мѣшки съ соломой и мою походную постель, осторожно велъ опытный киргизъ. Тѣмъ не менѣе лошадь поскользнулась и, напрасно поискавъ ногами точки опоры,

слетѣла въ обрывъ, перевернулась раза два въ воздухѣ и, ударившись о почти вертикальный сланцевый выступъ на днѣ долины, угодила въ рѣку; мѣшки разорвались, и солома высыпалась на камни.

Раздаются громкіе крики, караванъ останавливается, и мы спускаемся окольными тропами внизъ. Одинъ изъ киргизовъ ловить мою походную постель, прыгающую по волнамъ, другіе пытаются вызвать лошадь, которая лежитъ въ водѣ, положивъ голову на камень. Она не движется, и киргизы разуваятся, входятъ въ воду и вытаскиваютъ ее на берегъ.

Лошадь, однако, погибла, — сломала себѣ хребетъ и скоро въ судорогахъ агоніи опять скатилась въ рѣку, гдѣ и осталась. Вьюкъ погибшей лошади собрали и привели въ порядокъ, а затѣмъ навьючили на одну изъ запасныхъ лошадей, которая и донесла его до ночнаго привала. Опасное мѣсто надъ обрывомъ обработали топорами и кирками и посыпали пескомъ; каждую лошадь всетаки провели подъ уздцы; нечего и прибавлять, что я прошелъ это опасное мѣсто пѣшкомъ.

Сумерки захватили насъ врасплохъ, ночныя тѣни укутали узкую долину въ свое сумрачное покрывало; только блестящія звѣздочки озаряли нашъ путь блѣднымъ сіяніемъ. Много бывало со мной приключеній въ Азіи, но эти три часа, что еще оставалось намъ идти до Лянгара, были, пожалуй, самыми тяжелыми изъ всѣхъ пережитыхъ мною до тѣхъ поръ.

Эта первая обледенѣлая тропа была еще только „цвѣточкомъ“, а „ягодки были впереди“. Такія тропы пошли одна за другою, одна другой опаснѣе. Мы шли, ползли и тащились надъ зияющими въ ожиданіи добычи пропастями. То и дѣло приходилось останавливаться, чтобы вырубить во льду ступеньки и посыпать ихъ пескомъ. Каждую лошадь вели двое; одинъ держалъ ее подъ уздцы, другой за хвостъ, чтобы удержать ее въ случаѣ, если она поскользнется. Лошади много разъ падали, но опять вставали на ноги. Одна таки поскользнулась и порядкомъ глубоко погрузилась въ снѣгъ, но ее во время успѣли подхватить и освободить отъ вьюка, который снова прикрѣпили, когда лошадь выбралась. Я метровъ по сту проползалъ на четверенькахъ; за мной по

пятамъ слѣдовалъ киргизъ, поддерживая меня въ опасныхъ мѣстахъ. Паденіе въ пропасть означало-бы вѣрную смерть.

Словомъ, это былъ отчаянный переходъ. Въ долинѣ Исфайрана было темно и холодно. Тишина нарушалась время отъ времени только пронзительными вскриками проводниковъ, когда падала лошадь, или ихъ предостерегающими окриками передъ опасными мѣстами, да шумомъ сбѣгающей внизъ пѣнящейся рѣки. Мы шли по снѣгу больше двѣнадцати часовъ, когда, наконецъ, усталые, замерзшіе и голодные добрались до самой долины Лянгаръ, гдѣ насъ ожидали двѣ юрты съ пылающими огнями.

Мы приблизились теперь, направляясь почти прямо на югъ, къ перевалу Тенгисъ-бай; но прежде чѣмъ я стану описывать нашъ переходъ черезъ него, я скажу нѣсколько словъ о пяти важнѣйшихъ перевалахъ, соединяющихъ Фергану съ долиной Алая. Они идутъ съ востока на западъ: Талдыкъ (3,537 м.), Джигитыкъ (4,146 м.), Сарыкъ-моголь (4,300 м.), Тенгисъ-бай (3,850 м.) и Кара-казыкъ (4,360 м.). Эти цифры даютъ намъ среднюю высоту Алайскаго хребта — 4,039 м. или круглымъ числомъ 4,000 м. Кромѣ того цифры эти показываютъ, что высота переваловъ становится болѣе значительною къ западу, хотя дно Ферганской долины понижается въ томъ-же направленіи. Согласно этому, различіе въ высотѣ между дномъ долины и переваломъ становится все значительнѣе къ западу.

Изъ названныхъ переваловъ легче всего перейти черезъ Талдыкъ; тамъ, съ тѣхъ поръ, какъ проложена новая дорога, можно пробраться даже съ повозками и артиллеріей, но большую часть зимы онъ бываетъ засыпанъ снѣгомъ. Оба слѣдующіе перевала представляютъ болѣе затрудненій, вслѣдствіе лавинъ, вѣтровъ и бурановъ. На перевалѣ Тенгисъ-бай количество снѣга годъ на годъ не приходится, но обыкновенно не такъ значительно, и этимъ переваломъ болѣею частью и пользуются зимою; джигиты, поддерживающіе почтовое сообщеніе между Маргеланомъ и Памирскимъ постомъ, также ѣздятъ этимъ путемъ. Однако, и этотъ перевалъ бываетъ закрытъ обыкновенно въ теченіе двухъ, трехъ недѣль въ концѣ февраля. Въ 1893 г. онъ былъ непроходимъ всего въ теченіе 10 дней, въ 1892 г., напротивъ, цѣлыхъ два мѣсяца, а въ

1891 г. снѣгу навалило столько, что одно время, очень недолго впрочемъ, подъ сугробами исчезли даже кусты можжевельника въ 4 метра вышиной.

Февраль кромѣ того мѣсяцъ лавинъ и бурановъ, и, если погода не совсѣмъ тихая и ясная, даже храбрѣйшіе киргизы не отваживаются пускаться черезъ перевалъ. Тѣмъ не менѣе зима рѣдко проходитъ безъ несчастій, и лѣтомъ путь бываетъ обыкновенно отмѣченъ многочисленными останками лошадей и даже людей. Такъ киргизы въ Дараутъ-курганѣ съ сожалѣніемъ рассказывали мнѣ объ одномъ человѣкѣ, который въ началѣ 1893 г. пришелъ сюда изъ Учъ-кургана, чтобы провести Рамазанъ у своихъ друзей въ Дараутъ-курганѣ. На обратномъ пути его застигъ 23 марта на самомъ перевалѣ сильный буранъ, и ему пришлось четверо сутокъ отлеживаться, скорчившись подъ своей шубой. Лошадь его околѣла, провіантъ весь вышелъ, а, когда буранъ утихъ, дорога на обѣ стороны оказалась заваленной снѣгомъ. Гдѣ пѣшкомъ, гдѣ ползкомъ, несчастный, однако, перебрался черезъ сугробы, и на десятый день вышелъ на дорогу въ Кара-кію, гдѣ встрѣтилъ киргизовъ, которые накормили и отогрѣли его. Потомъ онъ продолжалъ путь домой въ Учъ-курганъ и, прибывъ туда, въ первую-же ночь умеръ отъ переутомленія. Еще мнѣ рассказывали, что въ ту-же зиму цѣлый караванъ изъ 40 человѣкъ былъ погребенъ подъ лавиной на перевалѣ Терекъ-даванъ.

Въ ночь на 26 февраля мы послали 8 киргизовъ съ ступами, топорами и кирками впередъ проложить дорогу, а затѣмъ раннимъ утромъ выступилъ и караванъ. Около Кара-кіи встрѣтилось первое трудное мѣсто, гдѣ все еще возились наши киргизы, вырубая ступеньки во льду, образующемся по ночамъ изъ воды, стекающей сверху, гдѣ таютъ сугробы снѣга. Маленькія горныя лошадки, несшія каждая до 5 пудовъ клади (80 килогр.), поистинѣ достойны удивленія. Онѣ скатываются внизъ по склонамъ, карабкаются, какъ кошки, на кручи и съ невѣроятной увѣренностью балансируютъ по узкимъ скользкимъ тропинкамъ, часто покрытымъ льдомъ и круто спускающимся внизъ къ обрывамъ.

Кара-кія (черное ущелье) вполне подходящее къ мѣсту названіе. Между мрачными отвѣсными скалистыми стѣнами идетъ здѣсь узкій проходъ, гдѣ царствуетъ глубокій мракъ,

куда не проникаетъ ни одинъ лучъ солнца. Здѣсь перекинуты черезъ Исфайранъ два моста; около перваго рѣчка образуетъ грохочущій водопадъ. Великолѣпные, но въ то-же время зловѣщіе и прекрасные виды смѣняють здѣсь одинъ другой. Дивныя перспективы открываются взорамъ и вверхъ и внизъ по долинѣ; дикая и величественная природа!

За мостомъ Гайдыръ-бека долина называется Чатынды. Рѣчку переходятъ по 4 небольшимъ, деревяннымъ мостамъ; послѣдній изъ нихъ былъ такъ плохъ, что люди со страхомъ слѣдили за каждой лошадей, переходившею по полусгнившимъ бревнамъ. Дальше вся долина была завалена недавно скатившеюся лавиной, покрывшею и рѣчку и дорогу. Рѣчка журчала изъ подъ ея краевъ, точно выходя изъ туннеля; дорогу-же замѣнила тропинка, которую расчистили вдоль снѣжной глыбы. На наше счастье мы встрѣтили здѣсь съ десятокъ киргизовъ, которые пѣшкомъ шли изъ Каратегина, направляясь въ Коканъ и Маргеланъ на поиски работы. Они помогли намъ прочистить дорогу. Тропинка вышла всетаки настолько крутой, что каждую лошадь пришлось тащить вверхъ шестерымъ людямъ.

Долина сузилась, дно ея неимоვნю круто поднялось и понемногу слилось съ склонами горъ. Относительныя высоты уменьшаются по мѣрѣ того, какъ растутъ абсолютныя. Послѣдній конецъ дороги былъ очень труденъ; пришлось переходить одну лавину за другой. Почти все лошади падали хотъ по разу или по два, и такъ какъ имъ не въ мочь было вставать подъ тяжестью вьюковъ, приходилось развьючивать ихъ и потомъ навьючивать снова, отчего безпрестанно выходили задержки. Переходъ черезъ послѣднюю лавину былъ такъ труденъ, что большую часть клади киргизамъ пришлось нести на рукахъ до рабата (караванъ-сарая), небольшого навѣса изъ камней и бревенъ, обращеннаго къ долинѣ; здѣсь-же была разбита юрта для пасъ.

Я шелъ пѣшкомъ большую часть дороги и совсѣмъ изнемогъ. Поднялись мы на высоту 2,850 м. Ночью дала себя знать „горная болѣзнь“; страшная головная боль и сердцебиеніе продолжались и весь слѣдующій день. Причиняетъ эти болѣзненные припадки рѣзкій переходъ относительной высоты, но черезъ нѣсколько дней припадки эти безслѣдно проходятъ.

V.

Черезъ перевалъ Тенгисъ-бай.

Когда расчищавшіе дорогу киргизы и аксакаль изъ Каратепа, Джанъ-Али-Эминъ, наблюдавшій за работой, вернулись на другое утро въ караванъ-сарай, мы въ самомъ серьезномъ настроеніи двинулись къ перевалу, всюду покрытому глубокимъ снѣгомъ. Послѣ неслыханныхъ трудовъ и усилій, мы преодолѣли все препятствія и достигли корытообразнаго

Видъ съ перевала Тенгисъ-бай.

(Съ фотографіи автора).

углубленія въ гребнѣ Алайскаго хребта, который затѣмъ отлого подымается вверхъ; снѣгъ здѣсь лежалъ въ два метра глубины. Въ сугробахъ была протоптана узкая глубокая тропа; идти по ней было все равно, что по узкой перекладинѣ черезъ трясину. Одинъ невѣрный шагъ въ сторону — и лошадь совсѣмъ погружалась въ снѣгъ, изъ котораго ее еле вытаскивали соединенными силами, теряя массу времени.

На юго-западѣ виднѣлась обособленная горная область Кара-кыръ, которая высовываетъ свою изъѣденную вѣтрами вершину изъ вѣчныхъ снѣговъ и, точно бакенъ въ морѣ, указываетъ путь къ самому перевалу. Тропинка ведетъ черезъ

последній гребень сотнями извилинъ, и когда наши лошади дошли до крайняго напряженія силъ, мы, наконецъ, цѣлые и невредимые, со всѣмъ багажомъ достигли грознаго Тенгисъ-бая. Здѣсь отдохнули нѣсколько часовъ, напились чаю, сдѣлали кое-какія наблюденія, фотографическіе снимки и полюбовались чуднымъ видомъ.

Пунктъ, гдѣ мы находились, былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ покрытыми снѣгомъ гребнями; лишь кое-гдѣ выглядывали изъ снѣга голыя вершины скалъ. На сѣверѣ видна была долина Исфайрана, которую мы, наконецъ, оставили за собою

Видъ съ перевала Тенгисъ-бай на Алайскій и Заалайскій хребты.

(Съ фотографіи автора).

съ такимъ трудомъ. На юго-востокѣ развѣртывалась величественная панорама. За рѣзко очерченными гребнями Алайскаго хребта виднѣлся вдаль и по ту сторону долины Алая Заалайскій хребетъ, щеголявшій чудеснѣйшими бѣлыми и голубыми тонами; вершины были окутаны облаками и снѣгами.

Отдохнувъ и надышавшись чистымъ легкимъ воздухомъ на высотахъ водораздѣла, мы покинули область Сыръ-дарьи и медленно направились внизъ въ области, воды которыхъ стекаютъ въ Аму-дарью. Спускъ былъ здѣсь такъ-же крутъ, какъ съ сѣверной стороны; приходилось переходить одну лавину за другою. Нѣкоторые изъ нихъ захватили съ собою въ паденіи

массу земли и щебня, которыя и прикрыли снѣгъ сверху, такъ что мы шли, ничего не замѣчая, пока лошади не провалились вдругъ въ предательскую рыхлую почву по брюхо. Одна изъ самыхъ большихъ лавинъ, скатившаяся наканунѣ, была въ 400 м. шириною и почти 20 м. глубиною. Киргизы сказали, что мы должны почитать себя счастливыми, что какъ разъ успѣли избѣгнуть встрѣчи съ нею. Когда лавина съ страшной силой несется внизъ, нижній слой ея силою давленія превращается въ ледъ, и несчастные, погребенные ею на пути, точно впадаютъ въ эту стекловидную массу, изъ которой нѣтъ спасенія. Оглушенные ударомъ они не успѣваютъ и опомниться, какъ замерзають.

Усталые отъ дневныхъ трудовъ, мы сдѣлали привалъ въ боковой долинь; тутъ лежалъ снѣгъ въ метръ глубиною, но киргизы расчистили для насъ площадку; посреди нея и раскинулась юрта, окруженная высокимъ снѣжнымъ валомъ.

На слѣдующій день отправились дальше черезъ долину ручья Дараутъ-курмана. Чуть не каждыя 10 минутъ приходилось переходить вбродъ черезъ этотъ ручей, журчавшій подъ сводами и мостами изъ снѣга. Отъ подошвы лавинъ лошадямъ приходилось, сломя голову, бросаться въ воду, чтобы однимъ сильнымъ прыжкомъ очутиться затѣмъ на противоположномъ берегу. Я каждый разъ съ большимъ безпокойствомъ слѣдилъ за лошадьми, несшими выюки съ фотографическими аппаратами и боевыми припасами. Все, однако, обходилось благополучно. Только разъ скатилась съ гребня высокой лавины одна изъ лошадей, несшихъ съѣстные припасы. Ее развьючили, вытащили веревками ящики изъ снѣга, снова навьючили, и караванъ медленно продолжалъ свой путь между сугробовъ до слѣдующаго паденія и слѣдующей остановки.

Около полудня пошелъ снѣгъ, и густой туманъ заволокъ все вокругъ. Одинъ киргизъ пошелъ впередъ, мѣряя глубину длиннымъ шестомъ, точно морякъ на неизвѣстномъ фарватерѣ, съ тою лишь разницею, что мы искали мелкихъ мѣсть. Часто онъ проваливался въ снѣгъ и долженъ былъ возвращаться, чтобы искать дороги въ другомъ мѣстѣ.

Долина эта открывается въ большую долину Алая, гдѣ возвышаются длинныя, глиняныя, съ башнями по угламъ, стѣны крѣпости Дараутъ-курманъ, воздвигнутой Худояръ-

ханомъ. Съ часъ спуста, мы были въ киргизскомъ кышлакѣ того-же названія, состоящемъ изъ 20 юртъ; старшиною былъ

Отдыхъ каравана около перевала Тенгисъ-бай.
(Съ фотографіи автора).

тутъ гостепріимный Ташъ-Мухамедъ-Эминъ.

Къ снѣгу и туману присоединился еще сильный запад-

ный вѣтеръ и, по словамъ киргизовъ, на перевалѣ Тенгисъ-бай долженъ былъ свирѣпствовать страшный буранъ, отъ котораго мы такъ счастливо успѣли уйти. Кто знаетъ, что было-бы съ моимъ караваномъ, если-бы мы вышли днемъ раньше и попали подъ лавину, или днемъ позже, и настъ засталъ-бы буранъ.

Прежде чѣмъ описывать наше дальнѣйшее путешествіе, я хочу сказать нѣсколько словъ о долиинѣ Алая, глубокой впадинѣ, отдѣляющей Алайскій хребетъ отъ Памирскаго нагорья. Ограниченная съ сѣвера Алайскимъ хребтомъ, съ юга Заалайскимъ, съ востока горнымъ кряжемъ Мусъ-дагъ-тау, а съ запада продолженная долиной Каратегинъ, долина Алая имѣетъ въ длину 120 килом.; въ ширину самое меньшее 5, самое большее 20 килом.; надъ уровнемъ моря на востокѣ возвышается на 3,200 м., тогда какъ въ западной части около Дараутъ-куртана лишь на 2,500 м. На всемъ протяженіи Алая протекаетъ рѣка Кызыль-су, вытекающая изъ прилегающихъ горъ, текущая черезъ Каратегинъ, подъ именемъ Сурхаба, и, подъ именемъ Вахша, впадающая въ Аму-Дарью.

Притокъ воды въ Кызыль-су равнялся около Дараутъ-куртана 22 куб. м. воды въ секунду, къ которымъ надо прибавить 5 куб. м. въ сек. приносимыхъ маленькимъ притокомъ Кара-су, итого свыше 2 миллионъ куб. м. въ сутки. Въ срединѣ лѣта рѣка всего обильнѣе водою, такъ какъ въ это время происходитъ наиболѣе сильное таяніе нагорныхъ снѣговъ, которые и стекаютъ массой воды въ русло рѣки около Дараутъ-куртана; ее и нельзя бываетъ переходить вбродъ въ теченіе шести недѣль. Сообщение между селеніями, расположенными на обоихъ берегахъ, ежегодно прерывается поэтому на нѣкоторое время. По ночамъ воды въ рѣкѣ бываетъ гораздо больше, чѣмъ днемъ, такъ какъ вода изъ таящихъ въ горахъ снѣговъ успѣваетъ добраться до главной рѣки лишь къ ночи. Уровеньъ воды въ ней начинаетъ повышаться еще часовъ съ 8 вечера, а часовъ съ 6 утра начинаетъ снова понижаться; въ 8 ч. утра вода уже стоитъ на самомъ низкомъ уровнѣ и такъ держится до 8 ч. вечера. Во время моего пребыванія тамъ, вода была хрустально-прозрачная, но лѣтомъ она бываетъ красновато-кирпичнаго оттѣнка отъ песку и глины и потому носитъ названіе Кызыль-су или Красной рѣки такъ-же, какъ и ея восточ-

ная сосѣдка, текущая отъ перевала Терекъ-даванъ черезъ Кашгаръ къ Лобъ-нору.

Въ сѣверномъ, среднемъ и восточномъ Памирѣ, который я проѣхалъ, снѣжные осадки распределены очень неравномерно. Можно отмѣтить три рѣзко отличающіяся другъ отъ друга, по рельефу мѣстности, снѣговья области: на сѣверѣ долина Алая, которая зимою заносится огромнѣйшими массами снѣга; на востокѣ область Сары-коль, гдѣ снѣга выпадаетъ уже гораздо меньше, и область, не имѣющая стока водъ, между двухъ вышеназванныхъ, около озеръ Кара-куль и Рангъ-куль, гдѣ

Выступленіе изъ Дараутъ-куртана.
(Съ фотографіи автора).

снѣговые осадки совсѣмъ незначительны. Вообще можно констатировать, что влажные вѣтры, дующіе на Памирское нагорье, преимущественно осаждаютъ снѣгъ на окраинныхъ горахъ и уже сухими достигаютъ центральныхъ областей страны. Здѣсь мы находимъ большія скопленія снѣга только въ защищенныхъ мѣстахъ съ подвѣтренной стороны, напри- мѣръ около переваловъ. Вообще-же тонкій сухой снѣгъ скоро сметается вѣтромъ.

Естественнымъ слѣдствіемъ неравномерности распределенія снѣговыхъ осадковъ является неравномерность объемовъ и распределенія рѣкъ и ледниковъ. Они приходятся

почти исключительно на обильныя снѣговыми осадками области; въ областяхъ-же центральныхъ рѣки и ледниги распространены скудно. Руководствуясь произведенными мною измѣреніями, я высчиталъ, что среднимъ числомъ съ каждыя кв. м. земли попадаетъ въ рѣки количество воды, получающееся отъ таянія 1 куб. метра снѣга. Снѣгъ чрезвычайно плотенъ такъ что только четвертая часть его становится водой.

Если опредѣлить площадь долины Алая съ прилегающими обильными снѣгомъ горными склонами въ 2,400 кв. килом., то такая площадь должна дать среднимъ числомъ 600 милліоновъ куб. м. воды, или водяной кубъ въ 250 м. ребро. Цифра не преувеличенная, если вспомнить, что рѣка лѣтомъ несравненно обильнѣе водой, чѣмъ въ холодное время года, и что если даже мы опредѣлимъ среднее годовое количество воды только въ 25 куб. метровъ въ секунду, то въ годъ выйдетъ 788,400,000 куб. метр. Расчетъ этотъ, основывающійся на такихъ немногихъ данныхъ, само собой разумеется, лишь приблизительный, излишекъ же, конечно, надо отнести на счетъ лѣтнихъ дождей.

Зимою въ долину Алая вообще постоянно дуютъ сильные западные вѣтры. Иногда задуетъ восточный, но очень рѣдко. Съ сѣвера и съ юга защищаютъ долину горные хребты, но юго-восточный вѣтеръ здѣсь иногда дуетъ. Лѣтомъ бываетъ тише; вѣтры рѣдкіе и слабые. Западный вѣтеръ зовется Каратегинъ-хамаль; восточный — Иркештамъ-хамаль, а юго-восточный Мургабъ-хамаль, согласно областямъ, откуда они дуютъ.

Въ серединѣ марта въ Ферганской долинѣ наступаетъ время весеннихъ дождей; одновременно въ долину Алая выпадаетъ „сарыкъ-каръ“ или „желтый снѣгъ“; такъ называется послѣдній зимній снѣгъ. Почему онъ такъ называется киргизы нигдѣ не могли мнѣ объяснить, но названіе это распространено по всему Памиру. Вѣроятно, снѣгъ въ это время грязнится и принимаетъ желтоватый отбѣнокъ отъ пыли, приносимой вѣтромъ изъ областей, гдѣ почва въ это время года бываетъ уже обнажена.

Ясно, что снѣгъ въ различныхъ частяхъ Памира выпадаетъ впервые и сходитъ въ различное время года. Такъ въ высочайшихъ поясахъ снѣгъ выпадаетъ круглый годъ,

какъ въ долину Алая первый снѣгъ выпадаетъ въ концѣ октября, а послѣдній въ серединѣ апрѣля.

Но вернемся къ нашему путешествію. Въ ночь на 1 марта ураганъ такъ и ревѣлъ и рвалъ нашу палатку, расширяя щели между полосами войлока. Утромъ въ палаткѣ протянулись по направленію вѣтра длинные хвосты изъ мелкой снѣжной пыли, точно хвосты кометъ; одинъ проложилъ себѣ путь прямо черезъ мое изголовье. Спалъ я, однако, какъ медвѣдь въ берлогѣ, — пусть себѣ тамъ мететъ и крутитъ, сколько угодно.

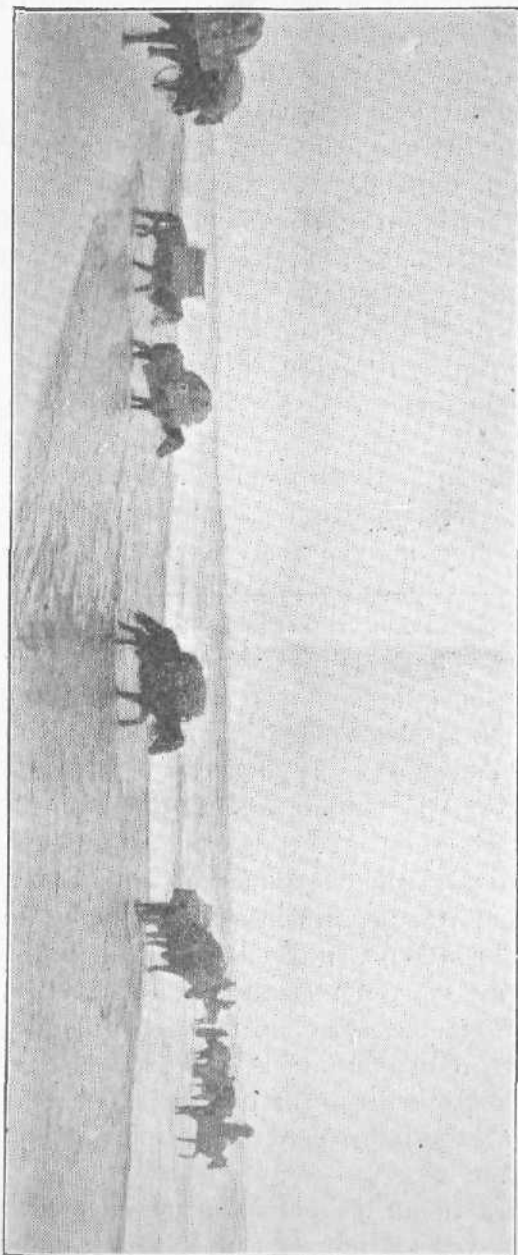
Мы простояли день въ Дараутъ-курганѣ, такъ какъ буря продолжалась свирѣпствовать; западный вѣтеръ взрывалъ вокругъ нашей юрты густыя облака снѣга, мелкаго, какъ мука, и, не смотря на то, что палатку прикрыли войлоками, обвязали веревками и укрѣпили шестами, угрожалъ снести самую палатку.

2 марта мы дошли до зимняго кышлака Гунды, но предварительно изъ предосторожности послали бывалыхъ людей проложить и утоптать намъ новую тропу черезъ сугробы, такъ какъ старую совсѣмъ замело. Мы держались какъ можно ближе къ южному склону Алайскаго хребта, идя вдоль него; тутъ снѣгъ мѣстами уже посмело.

Въ Гунды съ нами приключилось несчастье. Мы только что пришли въ кышлакъ, разбили юрту, поставили постель, размѣстили ящики и часть болѣе хрупкаго и цѣннаго багажа, какъ вдругъ Рехимъ-бай нечаянно толкнулъ ртутный барометръ, да такъ, что стеклиная трубка разлетѣлась въ дребезги, и серебряные шарики ртути раскатились по коврамъ. Драгоценный, хрупкій приборъ, который я добросовѣстно провѣрялъ по три раза въ день, пеленалъ и нянчилъ, какъ грудного младенца, сталъ теперь никуда негоднымъ, хоть брось. Рехимъ-бай остолбенѣлъ, но такъ какъ онъ собственно былъ не виноватъ, то я ограничился легкимъ выговоромъ. Да и что толку было-бы бранить его: барометра этимъ не починишь. Пришлось съ тѣхъ поръ обходиться тремя anerоидами и гипсотермометромъ.

Въ утѣшеніе мнѣ люди устроили вечеромъ концертъ. Одинъ изъ киргизовъ усѣлся посреди моей юрты и сыгралъ на „кобусѣ“ — трехструнномъ инструментѣ; струны перебираются пальцами. Музыка эта уныла и монотонна, но полна

чувства и чисто азіатскаго настроенія, такъ что я охотно прислушивался, особенно когда къ ней присоединялся аккомпани-

Переходъ черезъ Кызилъ-су.
(Изъ фотографіи автора).

ментъ завыванія бури и треска огня. Сколько разъ за эти долгіе годы предстояло мнѣ еще прислушиваться къ звукамъ этого примитивнаго струннаго инструмента, сколько темныхъ одинокихъ вечеровъ предстояло скоротать, слушая неприятельскую музыку! Я скоро привыкъ къ ней, и она доставляла мнѣ такое-же наслажденіе, какъ туземцамъ. Любилъ я ее потому, что подъ эти звуки такъ сладко мечталось о родинѣ, а хорошо иногда вѣлать потосковать о родинѣ! Много разъ убаюкивали меня на ночь эти рокочущія струны, аккомпанируя какой-нибудь азіатской пѣснью.

3 марта. Совершенно тихо; небо все въ облакахъ.

Вершины Заалайскаго хребта мелькаютъ чудесными сѣрыми, бѣлыми и свѣтло-голубыми отбѣнками. Спусти два часа, мы до-

стигли небольшого кышлака Кызыль-ункура, а, еще два часа спустя, маленькаго перевала Гаса, расположеннаго въ южныхъ отрогахъ Алая. На протяженіи всего пути до Кашка-су, Кызыль-су течетъ вдоль подножья Алайскаго хребта далеко отъ Заалайскаго. Мы ѣхали вдоль праваго берега рѣки, который вообще рѣзко очерченъ. Теченіе здѣсь очень быстрое и сосредоточенное въ одинъ потокъ, извилюющійся между красными песчаными отмелями и конгломератовыми ложбинами, бока которыхъ круто спускаются къ рѣкѣ, и мѣстами промыты ею.

Затѣмъ мы снова удалились отъ Кызыль-су. Чѣмъ дальше мы подвигались къ востоку, тѣмъ глубже становился снѣгъ. Послѣдній буранъ замель тропу и намель такіе сугробы, что весь день намъ приходилось пускать впередъ четырехъ верблюдовъ, чтобы они протоптали дорожку; по ихъ слѣдамъ медленно и тяжело подвигались лошади. Вѣтеръ налеталъ порывами и окутывалъ караванъ непроницаемымъ облакомъ снѣжной пыли.

Такъ мы добрались до мелководнаго ручейка Кашка-су. По ту сторону его лежалъ аулъ того-же названія. Чтобы попасть туда, пришлось перебраться черезъ ручей по мосту изъ льда и снѣга. Тамъ была приготовлена для насъ необычайно удобная юрта съ коврами не только на полу, но и кругомъ по стѣнамъ; посреди юрты весело пылалъ огонь; искры и маленькіе уголья такъ и скакали кругомъ, и одному изъ киргизовъ приходилось все время наблюдать, чтобы они гдѣ-нибудь не прожгли ковровъ.

4 марта. Весь день шелъ снѣгъ; всю окрестность заволокъ густой туманъ; все было бѣло кругомъ; небо и земля сливались. Единственной точкой опоры для глаза была темная линія каравана, голова котораго казалась уже сѣровато-бѣлой и исчезала въ туманѣ. Впереди насъ шли два верблюда. Ёхавшіе на нихъ проводники отыскивали наиболѣе твердый слой снѣга и поэтому ѣхали, виляя изъ стороны въ сторону, по холмистой мѣстности. Снѣгъ былъ такъ глубокъ, что верблюды часто неожиданно проваливались въ него почти по уши, и тогда приходилось выбирать другое направленіе.

Лошади шли по слѣдамъ верблюдовъ, волоча по снѣгу вьюки и стремяна. Молчаливо и тяжело тащился нашъ караванъ. Наконецъ, на холмѣ показалась юрта, похожая на черную

точку среди этого безграничнаго бѣлаго снѣжнаго океана; рядомъ суетились люди, разбивая другую юрту. Намъ оставалось пройти до нихъ только 120 м., но дорога шла по оврагу со снѣгомъ въ 2—3 метра глубины, и мы бились больше часу, чтобы благополучно провести нашихъ вьючныхъ лошадей.

Первая-же лошадь провалилась въ рыхлый снѣгъ и буквально чуть не утонула. Люди съ трудомъ высвободили ее вьюкъ и ее самое. Потомъ они попытались разгрести снѣгъ на обѣ стороны и прочистить дорожку, но снѣгъ лежалъ такъ глубоко, что до почвы не достать было. Наконецъ, киргизы

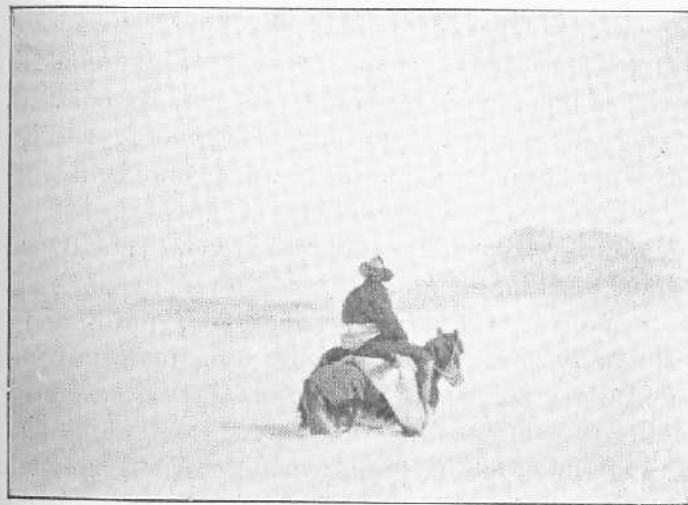
По сугробамъ долины Алая.
(Съ фотографіи автора).

нашли исходъ. Взяли войлока отъ юрты, разстелили ихъ по снѣгу, и по этой войлочной дорожкѣ провели гуськомъ лошадей. Пройденныя полосы войлока перекладывались впередъ, и послѣ неимовѣрной возни и хлопотъ удалось таки вывести весь караванъ на твердую почву.

Трактъ этотъ назывался Джиптыкъ, но аулъ того-же названія расположенъ въ 3 верстахъ, и двѣ юрты для насъ были доставлены оттуда на нашъ счетъ. Привалъ нашъ вышелъ пренепрятнымъ; топлива было мало, да и то отсырѣлое, и палатка наполнилась ѣдкимъ дымомъ. Передъ юртой громоздились высокіе сугробы.

5 марта. Ночь была холодная; минимальный термометръ показалъ—20.5°; въ 8 часовъ утра температура въ юртѣ, около моего изголовья, равнялась—10°. Все, что было въ юртѣ: консервы, молочный экстрактъ, чернила—замерзло. А тамъ, снаружи стояли, понуривъ голову, лошади и били копытами о снѣгъ, хрустѣвшій отъ мороза.

Погода была тихая. Около 11 ч. утра проглянуло солнце, туманъ разсѣялся, и открылась величественная альпійская страна, Заалайскій хребетъ; тамъ и сямъ еще виднѣлись легкіе прозрачные клочки тумана. Временами показывалась и гора Кауфмана (7000 м.) — блестящая серебромъ пирамидаль-

Эминъ въ сугробѣ.
(Съ фотографіи автора).

ная вершина которой, повидимому, однако, мало превосходила высоту своихъ сосѣдокъ.

Мы ждали партію верховыхъ киргизовъ, которые должны были прибыть изъ Арча-булака, чтобы расчистить путь; но такъ какъ о нихъ не было ни слуха, ни духа, то нашъ другъ Эминъ отправился на развѣдки. Забавно было смотрѣть, какъ онъ плелся себѣ потихоньку по сугробамъ на своемъ заиндевѣвшемъ конѣ, изъ ноздрей и отъ боковъ котораго валилъ паръ. Спустия полтора часа, онъ превратился въ точку, чернѣвшую на безконечномъ бѣломъ полѣ. Изъ снѣга торчали только голова лошади, да всадникъ. Часа черезъ три

онъ вернулся съ вѣстью, что проѣзда нѣтъ, — снѣгу навалило въ метръ вышины, и лошадь проваливалась много разъ.

Посоветовались и рѣшили, что Эминъ и Рехимъ-бай отправятся въ поселокъ Джиштыкъ за помощью. Мы же остались въ лагерѣ, буквально засыпанные снѣгомъ со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, на сѣверѣ, у подошвы Алая показалась длинная вереница верховыхъ, лошадей и верблюдовъ, которые везли намъ сѣно и топливо. Киргизы посоветовали намъ не трогаться съ мѣста до слѣдующаго утра.

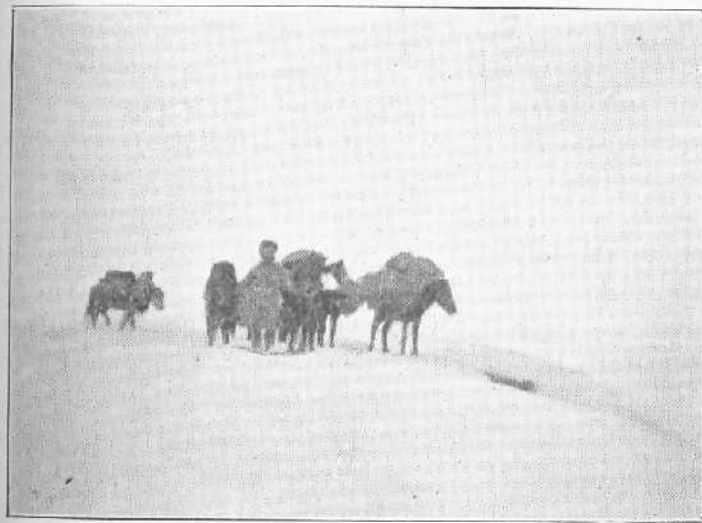
Утромъ 6 марта мы снарядились точно въ настоящій походъ. Еще задолго до восхода солнца четыре киргиза на верблюдахъ отправились прокладывать для насъ дорогу черезъ сугробы. Киргизы сообщили, что могло быть и еще хуже, чѣмъ было. Иногда снѣгу наваливаетъ въ уровень съ юртами; тогда, чтобы поддержать сообщеніе между аулами, пускаютъ въ ходъ домашнихъ яковъ. Послѣдніе служатъ какъ-бы плугами, — пропахиваютъ рогами въ снѣгу туннели и узкія борозды, а по нимъ уже и проходятъ киргизы.

Теперь предстояло перейти Кызыль-су, а это было далеко не легко. Рѣка была почти вся покрыта льдомъ, только по серединѣ быстро текла полоса воды, шириною метровъ въ 10. На льду лежалъ глубокій снѣгъ, края котораго были сильно подмыты водою, а послѣдняя была здѣсь очень глубока. Испытываешь крайне неприятное ощущеніе, когда лошадь останавливается на краю льда, готовясь сдѣлать скачекъ въ рѣку, — такъ легко ей поскользнуться и сорваться. Тогда придется основательно искупаться, а при такой погодѣ это не только неприятно, но и опасно, такъ какъ весь укутанъ въ тяжелыя толстыя шубы, стѣсняющія движенія. Когда же очутишься благополучно въ водѣ, голова кружится, — вода такъ и бѣжитъ и кипитъ около лошади, и стоитъ взять чуть въ сторону отъ брода легко можно попасть на глубокое мѣсто, гдѣ лошадь потеряетъ опору подъ ногами, и теченіе унесетъ ее. Такіе случаи весьма обыкновенны здѣсь въ лѣтнее время.

Кызыль-су осталась влѣво, а мы отправились по серединѣ долины къ склону Заалайскаго хребта. Мѣстность была здѣсь очень неудобная для перехода; изъ земли били многочисленные источники; нѣкоторые изъ нихъ были покрыты ледяною корою, другіе, тамъ, гдѣ температура была повыше,

только саломъ, представлявшимъ коварную, мягкую поверхность, въ которую лошади глубоко проваливались. По стуку лошадиныхъ копытъ слышалось, какая почва была скрыта подъ снѣгомъ. Глухой стукъ отмѣчалъ крѣпко замерзшую почву, звонкій стукъ — плотный ледъ, а гулкіе, раскатистые звуки, что мы ѣдемъ по ледяному полю, образующему сводъ.

Мало по малу мѣстность становилась все болѣе пересѣченной, и мы подвигались между низкими холмами. На югѣ за нами остался перевалъ Талдыкъ; снѣгъ становился все глубже. Послѣ десятичасоваго перехода мы сдѣлали привалъ

Часть каравана на берегу Кызыль-су.

(Съ фотографіи автора).

среди этого царства смерти и холода, гдѣ не видно ни былинки, ни слѣда жизни. Люди сгребли снѣгъ съ низенькаго бугра и установили на немъ багажъ. Пара верблюдовъ, спавшихъ отъ Джиштыка нашу юрту, отстали, и намъ пришлось дожидаться ихъ съ часъ. Тѣмъ временемъ мы развели огонь, вокругъ котораго и расположились тѣснымъ кружкомъ, стараясь согрѣться чаемъ. Морозъ стоялъ 26°; снѣгъ такъ и хрустѣлъ подъ нами при малѣйшемъ движеніи. Поздно вечеромъ была, наконецъ, разбита юрта.

Я уже упоминалъ, что губернаторъ Ферганы приказалъ киргизамъ имѣть для насъ на готовѣ юрту и топливо въ тѣхъ

мѣстахъ, гдѣ намъ предстояло дѣлать привалы. То обстоятельство, что насъ не ожидалъ такой пріемъ здѣсь около Уртака, объяснялось стеченіемъ несчастныхъ случайностей. Ходжа-Минъ-баши, волостной старшина Учъ-тепе, принадлежащаго къ Ошскому уѣзду, намѣревался встрѣтить меня лично и отправился черезъ Алайскій хребетъ. На перевалѣ Атъ-джолы около Талдыка его застигъ буранъ, преградившій ему путь и одновременно засыпавшій сорокъ барановъ; только пастухъ спасся съ трудомъ. Тогда Минъ-баши послалъ встрѣтить меня шестерыхъ изъ своихъ людей; они бились девять дней, чтобы перебраться черезъ засыпанный снѣгомъ перевалъ, потеряли одну лошадь и принуждены были бросить и юрту и топливо. Наконецъ, четверо изъ нихъ добрались до Джиптыка, гдѣ и заняли юрту и топливо у тамошнихъ киргизовъ.

Когда мы, наконецъ, встрѣтили этихъ людей около Уртака, они очень безпокоились за участь двухъ потерянныхъ товарищей; да и изъ этихъ четверыхъ у одного оказалась отмороженной нога, а другой былъ пораженъ снѣжной слѣпотой. Онъ въ теченіе 3 дней шелъ пѣшкомъ, всматриваясь въ снѣгъ, и переутомилъ глаза. Остальные защищали глаза бахромою изъ пучковъ конскихъ волосъ, засунутыхъ подъ шапку и спускающихся на лобъ и глаза, или широкимъ кожанымъ ремнемъ, въ которомъ были прорѣзаны небольшія щелочки для глазъ. Оба больные получили нужную помощь и уходятъ и дня черезъ два оправались.

Нескоро-то мы улеглись на отдыхъ въ эту ночь; только въ часъ утра въ лагерѣ, наконецъ, водворилась тишина. Термометръ показывалъ — 32°. Обыкновенно я спалъ одинъ въ юртѣ, такъ какъ имѣть киргизовъ въ близкомъ сосѣдствѣ не особенно пріятно, — они не одни владѣютъ своими шубами. Но холодъ хорошее средство противъ непріятныхъ гостей, на которыхъ я намекаю, и въ эту ночь у меня не хватило духа оставить людей на морозѣ. Набилось насъ въ юрту, какъ сельдей въ боченокъ, и всетаки температура въ юртѣ понизилась къ утру до — 24°; на другое утро съ потолка сыпались на насъ ледяныя иглы и сосульки. Минимальный термометръ показалъ — 34.5°. Звѣзды никогда не горѣли такимъ дивнымъ блескомъ, какъ на этотъ разъ.

VI.

На крышѣ міра.

7 марта мы выступили только около 11 часовъ утра, такъ какъ дожидались, пока насъ обогрѣетъ солнышкомъ, да и утомлены были отъ ходьбы и долгаго бодрствованія наканунѣ. Киргизы повели насъ между низкими холмами вдоль ручья Кара-су — „Черной воды“ — называемаго такъ потому, что вода въ немъ ключевая и по своей прозрачности кажется почти черною въ глубокихъ мѣстахъ. Раза два переѣзжали черезъ ручей по непрочному ледяному мосту, подъ которымъ бурлила и звонко плескала вода. Мѣстами она была свободна ото льда и текла между камнями.

Медленно подвигался караванъ по сугробамъ, которые, казалось, становились все глубже. На востокъ виднѣлся край долины Алая, гдѣ отроги хребтовъ Алайскаго и Заалайскаго сливаются, образуя подобіе корыта. Послѣдній изъ названныхъ хребтовъ обрисовывался все яснѣе, но производилъ все менѣе внушительное впечатлѣніе, такъ какъ относительныя высоты мало по малу уменьшались. Снѣжный гребень хребта сіялъ ослѣпительнымъ блескомъ, отливая серебромъ и лазурью, а надъ нимъ вздымалось ярко-голубое небо. Вокругъ одѣтыхъ сосной вершинъ горы Кауфмана, словно вѣнчальная фата, повисли легкими клочками бѣлыя облачка. Какая холодная, каменная цевѣста!

Лошади съ трудомъ брели по снѣгу, а людямъ приходилось глядѣть въ оба за вьюками, которые часто сползали; въ особенно тяжелыхъ для перехода мѣстахъ раздавались характерныя покрикиванья проводниковъ: „Имамъ Адамъ, бисмиллахъ!“ или по просту: „Гайда!“ Собака наша, видимо, наслаждалась жизнью, — то ныряла въ сугробахъ, то каталась въ своей лохматой шубѣ по снѣгу, то шаловливо набирала снѣгу въ пасть, то, какъ стрѣла, мчалась впереди каравана.

Вообще-же, собака эта съ самаго начала была какой-то дикой, и мнѣ такъ и не удалось хорошенько приручить ее. Воспитаніе среди киргизовъ сказывалось въ томъ, что ее никакъ нельзя было заманить въ мою кибитку, — магометане